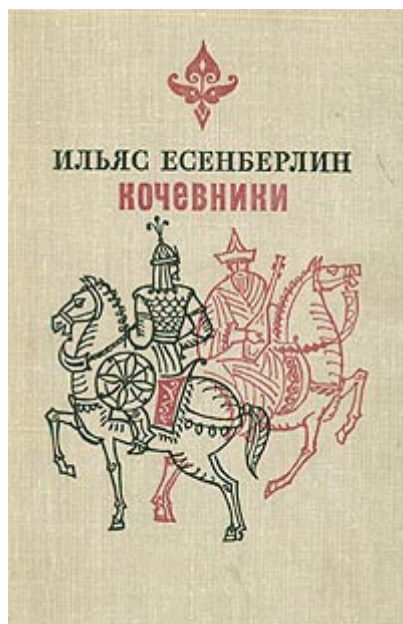

Ильяс Есенберлин Заговоренный меч

Кочевники – 1

«Есенберлин И. Кочевники: роман-трилогия»: Советский писатель; М.; 1978

Аннотация

Первая книга трилогии «Кочевники» казахского писателя Ильяса Есенберлина. Это — широкое эпическое полотно, воссоздающее историю казахского народа, начиная с XV века и кончая серединой девятнадцатого столетия.

ИЛЪЯС ЕСЕНБЕРЛИН ЗАГОВОРЕННЫЙ МЕЧ

КОЧЕВНИКИ КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Разве смерть не самое надежное оружие в твоих руках? Разве не твой предок Чингисхан вынул его из ножен, чтобы покорить мир?

Тебе завещано это веками проверенное оружие!

А жалость?.. Кто из чингизидов позволил ей когда-либо пробраться в свое сердце. Степная чернь, если пощадишь ее, сама с презрением отвернется от тебя. Она на то и существует, чтобы идти на смерть за тебя!

На громадной леопардовой шкуре лежал Абулхаир, и голова зверя с оскаленной пастью была у него под локтем. Повернулся на другой бок и снова погрузился в думы...

Да, да... Смерть — это прежде всего оружие. Не для баловства употреблял ее великий предок. Лишь ею поддерживал он железную дисциплину в своем войске. Не только в преданиях

сохранились об этом сведения, но и в книгах иноземцев. Один из них, румиец, посетил когда-то ставку самого Чингисхана и записал все о знаменитой дисциплинарной ясе. Персы потом перевели эту книгу на свой язык. Там сказано: «Кто осмелился назвать себя ханом, не будучи избранным специальным курултаем, тому — смерть. Смерть также тем, кто будет уличен в сознательном обмане, кто в торговых делах трижды обанкротится, кто окажет помощь пленнику против воли пленившего, кто не отдает беглого раба хозяину, кто самовольно оставит порученный ему пост, кто будет уличен в предательстве, воровстве, лжесвидетельстве или в непочтении к старшим... Смерть... смерть... смерть!..»

Зашевелились губы Абулхаира. Все, что читал он когда-нибудь, запоминал наизусть.

«Относительно монгольского войска. По высочайшему установлению Чингисхана десять воинов подчиняются одному десятнику — онбасы, а десять онбасы — одному сотнику — жузбасы. Над десятью жузбасы возвышается один мынбасы, а во главе десяти тысячников-мынбасы — один темник. Всеми войсками командуют два или три нойона. Все они подчиняются главнокомандующему...»

Не случайно было такое построение войска. Так легче было держать в страхе людей, потому что круговой порукой были они связаны, а развязкой могла быть только смерть.

«Когда же войска находятся на войне и из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или больше, то все они умерщвляются, а если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один, или двое, или больше смело вступят в бой, а десять других не следуют за ними, то их тоже умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они тоже умерщвляются...»

Кровавые следы оставили на земле предки, и нам предстоит идти по ним, не сворачивая в сторону. А это значит, что не должно быть жалости к своим и чужим. Разве жалели кого-нибудь чингизиды ради достижения своих целей?

Четырех сыновей имел Чингисхан: Джучи, Джагатая, Угедея и Туле. Еще при жизни разделил он между ними завоеванные земли, и каждый правил своим улусом. Центральную часть империи составлял удел великого Чингисхана — Монголия и Северный Китай. К закату располагался улус Угедея, в который входили земли к востоку и западу от Алтайских гор; центром улуса был район Чугучака. Третью часть составлял улус Джагатая, включавший восточные области Средней Азии до Амударьи. Центром этого улуса был город Алмалык. Иран, Ирак и Закавказье входили в улус Туле и его сына Хулагу, а центром был Тебриз. Последняя, пятая, часть империи принадлежала самому старшему сыну — Джучи и составляла улус, включавший все земли, «куда доходили копыта монгольских лошадей», — от кипчакских степей до дунайских долин. Центром улуса до смерти Джучи была окрестность горы Улытау, а потом город Сарай в низовьях Едиля — Волги.

Но со смертью Чингисхана началась между его сыновьями борьба за великий престол в Каракоруме. В кладбище превратилась тогда вся степь. И при внуках и правнуках продолжалось это междоусобие, не ослабевая ни на минуту. Потомки Джучи и Туле составляли один лагерь, а им противостояли потомки Угедея и Джагатая.

Угедей воссел на престол в Каракоруме, а после его смерти стал великим ханом сын его Гуюк. Его-то и сменил хан Мунке — один из сыновей Туле. А когда избирали его великим ханом, сыновья Угедея и Джагатая не приехали на великий курултай, потому что одной породы были они с Мунке и знали, чего от него ждать. Только через год поехали поздравить его наиболее доверчивые. Они были встречены с великими почестями, и вырезали их всех в один день...

В веках блуждали мысли Абулхаира, и не находил он ни одного примера, когда бы доверчивость или послабление помогли кому-нибудь остаться в живых или победить врага... Сын Джучи — Бату <Б а т у — хан Батый. Так как события, описываемые в трилогии, охватывают более чем пятисотлетний период истории и участвуют в них различные народы, имена исторических деятелей, а также некоторые географические наименования будут даваться в разном написании. (Например, Астархан — впоследствии Астрахань и т.д.) и сыновья Туле — Хубилай и Хулагу совместно выступали против сыновей Угедея и Джагатая. Ну и как закончилась эта дружба между потомками Хубилая и Хулагу? Той же непрерывной резней,

сварами, войнами. В одном котле невозможно варить головы сразу двух баранов. И кому довелось встретить двух волков, которые бы не передрались из-за ягненка? А здесь целый мир стал похож на этого ягненка. Стоит ли винить предков за кровожадность?

Не любили друг друга родственники-чингизиды. И когда все же в 1246 году был избран Гуюк на великое ханство, опять запахло в степи большой кровью. Не очень-то слушал великого хана Батый, опираясь на могущество Золотой Орды, и это могло кончиться лишь войной. Как два лютых волка, приняхивались друг к другу Гуюк и Батый. На третий год правления спустился Гуюк-хан с Тарбагатайских гор в покоренную казахскую степь и во главе огромного войска двинулся на запад. Навстречу ему двинулись полчища Золотой Орды. Батый объяснил это необходимостью проведать свои владения в Сары-Арке. На двух разъяренных быков, роющих копытами землю, походили оба хана. И, как быки, ждали они, кто раньше отведет рога...

Но не суждено было схватиться им. Затаившие дыхание в ожидании развязки все другие чингизиды ахнули. В пути неожиданно заболел и умер Гуюк-хан...

Лениво покривились губы Абулхаира при воспоминании об этом. Слишком часто умирали с тех пор от такой болезни чингизиды, и всегда в самый решающий момент. Нет, никогда не брезговали всеми видами убийства потомки Чингисхана. Ему ли становиться исключением?

И все же времена меняются. Не просто решиться сейчас на такое дело даже по отношению к не очень-то знатному человеку. И приходится ему, законному чингизиду Абулхаиру, думать над каждым убийством. Голова болит от этих дум. А может быть, постарел он, и каждый решительный шаг вызывает его на размышления, заставляет не спать ночами. Или трусит он?..

Шкура барса показалась Абулхаиру жесткой, как дырявая кошма, и он перевернулся на другой бок...

Лишь на восемь лет пережил Гуюк-хана сам Батый. И на следующий день после его смерти началась кровавая грызня между чингизидами.

По завету Чингисхана трон отца должен обязательно занять старший сын. А у Батые было четверо сыновей, и Золотой Ордой выпало править одному из них — Сартаку. Хоть и принял религию гяуров этот Сартак, но не так уж набожны были чингизиды, чтобы придавать этому первостепенное значение. Несмотря на молодость, он сумел показать себя смелым и энергичным полководцем. К тому же ему покровительствовал и сам великий хан Мунке. Но третий сын Джучи — хан Берке — не настроен был уступать Сартаку золотоордынский престол...

Вот тогда-то и повторилось чудо, когда-то выручившее Батые. Дело в том, что хан Берке принял ислам из рук самого халифа, получив от него в подарок Коран и одежду с его святого плеча. И как только выехал в Каракорум за высочайшим разрешением на ханство Сартак, хан Берке два дня не ел и не пил, а лишь молился. О том была молитва, чтобы не доехал Сартак до Каракорума. Бог услышал эту молитву и убрал неверного Сартака с пути хана Берке. Божьим оружием стала, как говорят, болезнь желудка...

Да, Берке стал ханом... Прошло некоторое время, и снова золотоордынский трон вернулся к потомкам Батые. Одного из них, доброго и покладистого Джанибека, собственноручно зарезал родной сын его Бердибек. А чтобы в дальнейшем не болела голова о будущем, заодно прирезал Бердибек всех своих старших и младших братьев, которые могли бы претендовать на престол.

И все же не спасло это от судьбы решительного хана Бердибека. Не прошло и двух лет, как сам он был убит ожесточившимися родственниками. Поговорка осталась в народе: «Вот где перерубили шею верблюду-нару, вот где погиб хан Бердибек».

Со смертью Бердибека навсегда ушла с золотоордынского престола династия Батые. Но сколько же оставалось их еще, потомков Джучи! Сорок сыновей и семнадцать дочерей было у него, и бесчисленные колена произошли от них. Наступал ли когда-нибудь мир между ними? А ведь он, хан Абулхаир, один из них!..

Да, в 1342 году умер золотоордынский хан Узбек, построивший в Крыму мечеть и медресе, а территория Дешт-и-Кипчак стала называться по имени его Узбекской, или Синей Ордой.

А в 1428 году ханом восточной части степи Дешт-и-Кипчак стал Абулхаир, из ветви Шейбани — пятого сына Джучи. И каждый день думал он о своих родственниках-чингизидах, которые, как из засады, смотрели в сторону бывшего золотоордынского трона. Самыми опасными считались два барса — Джаныбек и Керей, ведущие свой род от Токай-Темира, тринадцатого сына Джучи. Этот род уже в пятом поколении дал хана Уруса, который отделил от Золотой Орды казахскую Белую Орду и сделал Сыгнак своей столицей. С самим Хромым Тимуром мерялся силами хан Урус. Так что были его потомки серьезными противниками.

Семнадцати лет от роду был поднят на белой кошке Абулхаир в знак провозглашения его ханом. Птица счастья опустилась на его голову, и в жертву принесен был белый верблюд. Но чем выше поднимается по лестнице славы человек, тем больше становится у него врагов. Со всех концов степи жадно смотрят они на его трон.

Никого так не опасался он, как Джаныбека с Кереем. Каждый из них имел отважных, жаждущих власти сыновей, и, подобно волчатам, скалили они зубы в его сторону. И выделялись уже среди них самые опасные: Касым — сын Джаныбека и Бурундук — сын Керей. Какие же чудеса следовало совершить, чтобы избавиться хотя бы от этих, наиболее близких родичей?

Все предстояло взвесить хану Абулхаиру, прежде чем начать действовать. Опору Синея Орды и правую руку Абулхаира представляют кипчаки, а Джаныбек с Кереем опираются на степное племя аргынов. И идут с ними стремя в стремя роды конрад, найман, керей, уак, таракты. Трудно не считаться с такой силой...

А есть еще более глубокая трещина, наметившаяся в степи Дешт-и-Кипчак много веков назад, когда древние тюркские племена, жившие в среднем течении Джейхуна и Сейхуна <Амударья и Сырдарья (араб.)>, начали смешиваться с местными кочевыми иранскими племенами, а затем и с оседлым населением Согдианы. Другие же племена, кочевавшие к северу от Сейхуна до Жаика и Едиля <Урал и Волга (каз.)>, постепенно отдалялись от них. Вместе с родственными племенами, которые испокон веков жили в Семиречье, они составили единый союз, называя себя казахами...

И сейчас хан Абулхаир держал свою ставку в казахской степи, но основное внимание уделял в той или иной степени зависимым от него Мавераннахру <М е ж д у р е ч ь е — территория между Амударьей и Сырдарьей. и Хорасану. Оттуда брал он себе жен и советников, перенимал бытовавшие там обычаи и церемонии. Он увеличивал повинности подчиненным кочевым племенам и все средства затрачивал на содержание огромной армии и на восстановление разрушенных городов на той же земле. Все больше и больше времени проживал он в городах, и все большее недовольство выражали природные кочевники-кипчаки. С презрением относились они к оседлому образу жизни, предпочитая древнюю степную волю. Да и тем, кто шел за ханом в города, приходилось ломать свой уклад, традиции, нравы и обычаи, становясь придатком в давно налаженном хозяйстве Мавераннахра.

С этим как раз и не считался хан Абулхаир. Импрам — толпа бессловесных людей — должна безоговорочно подчиняться ханскому велению, даже если прикажет он ей идти на верную смерть. Таково было завещание «Потрясателя вселенной» своим потомкам, и так всегда думали чингизиды. Происками Джаныбека считал проявившееся в степи недовольство Абулхаир, и казалось ему, что прекратится оно само собой со смертью беспокойного султана.

Поэтому не о толпе думал Абулхаир, а о тех, кто ведет ее. В первую очередь, это были многочисленные султаны, но в не меньшей степени имели влияние на чернь и батыры, такие, как Каптагай, Борибай, Караходжа и другие. В каждом степном роду были они, и имена их превратились в боевой клич. Через них, султанов и батыров, следует руководить чернью, потому что страшной силой может вдруг стать никем не управляемая толпа и, как бешеная река в половодье, смести законную власть.

Но чем дальше, тем труднее становилось находить общий язык со своевольными степными султанами, а тем более с батырами, которые не обладали имуществом и не признавали над собой ничьей власти. И чтобы сломить непокорных, должен был хан Абулхаир действовать. Вот почему обратился он за советом к предкам.

Назидание Чингисхана своим сыновьям вспомнилось ему. Когда разделил между ними Чингисхан мир на четыре улуса, захотели сыновья услышать от него добрый совет, как

управлять людьми. Первым обратился к нему старший сын Джучи:

— Скажи, о обладатель великой славы и покоритель вселенной, каким должен быть подлинный хан?

— Чтобы угодить людям, хан должен быть умным, а чтобы люди угождали ему, должен быть сильным! — ответил Чингисхан.

Второй сын, Джатагай, спросил:

— Как сделать так, чтобы люди уважали тебя?

— Не лишись трона! — ответил Чингисхан.

Тогда третий сын, Угедей, обратился к отцу:

— Как же сохранить трон?

— Не допускать в свое окружение никого умнее себя! — ответил Чингисхан.

И четвертый сын, Туле, спросил у отца:

— Чем должен жертвовать хан для славы своей?

— Сыном! — ответил Чингисхан.

* * *

Судя по всему, сыновья помнили советы отца и относительно благополучно закончили свои дни. Не лишнее ли это доказательство, что и ему надлежит прислушаться к ним? С самого начала своего правления Абулхаир окружал себя не только шейбанидами, но и другими потомками Джучи. И отпрыски остальных чингизидовских родов находили место в его ставке. Но ни один из них не был умнее хана. Так во всяком случае казалось Абулхаиру, потому что все они низко склоняли головы перед ним и замолкали, когда начинал он говорить.

Но вот объявился среди них султан Джаныбек. Вместе с родственником своим Кереем задумали они отделить от Синей Орды самую большую — степную — часть территории и править самостоятельно. Что бы ни говорили они, только властолюбием объясняет их устремления Абулхаир: кому, как не ему, знать притягательную силу власти...

Нет, нельзя позволить им это сделать, потому что Дешт-и-Кипчак — основа всего. А кроме того, как пирамида строится государство. Если вытащить из нее один камень — повалятся остальные. Наоборот, о дальнейшем расширении ханства следует думать, ибо это тоже завещано предками. Хиндустан, Моголистан, Иран, Ирак — вот куда следует направить накопившиеся в степи силы. И кто бы ни встал на пути, следует смести его!..

* * *

Как чахотка разъедает грудь больного, разъедала из века в век души чингизидов страсть к завоеваниям. Она властвовала над ними, руководила всеми их делами и помыслами, господствовала при решении семейных дел. Зараженные этой самой страшной и неумолимой болезнью, люди перестают видеть мир в истинном свете. Слепы становятся они и верят только в свое великое предназначение. Им кажется, что они повелевают историей.

А между тем это самые обыкновенные и чаще всего заурядные люди. Безграничная власть съедает их ум, мешает трезво оценить обстановку, вникнуть в суть происходящих событий. И легче всего тогда выполнить завет о том, чтобы не находились рядом умные люди. В один прекрасный день лишь позолоченная шелуха остается от всего этого и пропасть разверзается под ногами у целого народа...

Да, прежде всего страдает и расплывается за все народ, управляемый подобным властителем. Что для хана человеческая жизнь, когда маячит впереди призрак власти над вселенной? Ему кажется, что народ для того только и создан, чтобы выполнять его предначертания. Даже сильные умом властители не могли избежать этого ослепления властью. Рано или поздно настигало оно их. С ханом Абулхаиром это случилось уже давно. Не понимал он, что дело здесь не в Джаныбеке или Керее, а в глубоком подспудном движении, которое, независимо ни от каких правителей, нарастало в степи. Все больше расходились интересы осевших на землю и смешавшихся с местным населением родов и тех, кто остался жить в степи, разводить по примеру отцов скот и пользоваться относительной свободой вдали от ханской

ставки. Султаны Джаныбек и Керей были ближе к степнякам и сумели возглавить это закономерное движение за отделение от Синей Орды и создание самостоятельного степного государства...

Давно уже охотились друг за другом хан Абулхаир и беспокойные султаны. Открытое убийство меньше всего подходило им для взаимных расчетов. И было принято между чингизидами так уничтожать противника, чтобы не оставалось никаких свидетелей.

Как матерый волк и беспощадные волкодавы, вертелись они друг возле друга, выжидая момент, когда можно будет вцепиться в горло и покатиться по земле в смертельной схватке.

* * *

Рано окунулась в любовные утехы Гаиф-Жамал, семнадцатилетняя дочь Абулхаира от жены-мангытки. Такое случалось в ханской семье, и все было бы ничего, если бы не пожелала она молодого и крепкого султана Джаныбека. Как водилось, подслала она к нему в один из приездов проворную тетушку. Красавица предлагала провести с ней время, оставшееся до свадьбы, которая предстояла ей вскоре.

Султан Джаныбек ненавидел хана Абулхаира не меньше, чем тот ненавидел его. Хоть и не очень нравилась ему ханская дочь, да и другие были у него утешительницы при ханской ставке, но как было удержаться от того, чтобы лишний раз насолить врагу. «Пока не добрался до шкуры старого быка, задеру хотя бы телку!» — решил молодой султан и согласился на ее предложение.

Но так случилось, что попался в сети сам Джаныбек. Очень уж запали ему в сердце горячие ласки юной красавицы, и решил он в конце концов жениться на ней. В качестве свата пригласил он своего троюродного брата Керей — другого ханского врага.

Чингизиды в таких случаях обычно с величайшей охотой шли на сближение. Тесные родственные связи укрепляли их положение в степи. Даже старые враги мирились, выдавая дочерей замуж. Но на этот раз ничего не получилось. Хан Абулхаир уже понял, что такая свадьба только ухудшит положение. Далеко зашла вражда, и выход мог быть только один...

Не прямо отказал хан султану Джаныбеку, а, как водится, дал уклончивый ответ. «Осенью, когда вернутся аулы к своим зимовьям, тогда и решим», — сказал он Керей. Рассвирепевший Керей прямо выпалил тогда хану, что его дочь не так уж невинна и со свадьбой не мешало бы поторопиться. Абулхаир лишь усмехнулся, но показалось ему, что тигры рвут когтями его сердце. Тем не менее он сделал вид, что не заметил грубости Керей, и спокойным голосом повторил свой ответ.

А после отъезда султана Керей Абулхаир позвал к себе палача — знаменитого Курыбая. Молча встал перед ханом похожий на мертвеца, тощий и бледный человек, ожидая приказаний.

— Помнишь, какая смерть настигает чингизидов, когда угодно это становится богу? — спросил хан.

— Я помню все виды смерти! — тихо ответил Курыбай.

— Моя любимая дочь Гаиф-Жамал приболела в последние дни...

Палач молча кивнул головой.

Через три дня люди в ставке узнали, что дочь хана Гаиф-Жамал найдена в степи с торчавшей в груди стрелой. Все знали, чьих рук это дело, и удивленно покачивали головами. Никто не посмел рта открыть, но в степи уже от аула к аулу летел слух об этом...

С высокой торжественностью, как и положено, была похоронена Гаиф-Жамал. Недельные поминки справлялись по ней. А потом хан снова позвал к себе Курыбая.

— Ты знаешь, что на поминки нашей любимой дочери приехал султан Джаныбек? — спросил хан.

— Знаю.

— Завтра мы едем с ним на охоту. Однако, кажется мне, что и у славного султана не все в порядке со здоровьем. Как бы не случилось с ним чего-нибудь...

— Все может случиться, — ответил Курыбай.

— И помни, что султан не девушка. Он дерево одной рукой вырывает, так что с тобой должны быть надежные люди...

Курыбай испугался этого приказания. Сам Абулхаир может убрать потом палача как неприятного свидетеля. Такие случаи уже бывали с ханскими слугами.

— Все султаны знают, что значит, когда я выхожу на ханскую охоту, — заметил палач. — Не лучше ли, мой повелитель, поехать на этот раз моему младшему брату Сарыбаю? Рука его тверда, а в сердце тоска по настоящему делу...

Абулхаир даже засмеялся про себя примитивному и беспощадному коварству своего раба. Спасая шкуру, тот родного брата подставляет под удар, как самый настоящий чингизид.

— Пусть будет по-твоему! — сказал Абулхаир. — Но только проследи за всем и самолично поговори с братом...

Как ни странно, но один лишь султан Джаныбек не догадывался о подлинной причине смерти Гаиф-Жамал. По молодости и неопытности ему и в голову не пришло, что она убита по приказанию отца, тем более что все время пребывания его в ханской ставке Абулхаир окружал его заботой и выказывал на этот раз особые знаки внимания. Он не прислушался к предостережению Керей...

Только неожиданное предложение хана поехать с ним на охоту заставило насторожиться молодого султана. Еще не наступили осенние холода, когда приятно охотиться, к тому же какие-то слухи дошли и до Джаныбека. Его удивляло, почему хан не спешит с поисками убийцы своей дочери.

А в последний момент султан Джаныбек узнал и кое-что еще. Существовала древняя традиция, по которой хан перед охотой посылал специальных гонцов ко всем султанам и приближенным с приглашением принять в ней участие. На этот раз приглашение было отправлено лишь Джаныбеку и Керей. Никто больше из степных султанов не участвовал в охоте, зато много было приглашено тех, кто душой и телом был предан хану Абулхаиру и жил постоянно при его ставке.

Испокон веков ханская охота обставлялась в степи как самый большой праздник. Беки и султаны могли на этих торжествах в полном блеске продемонстрировать свое богатство, похвастаться великолепными конями, драгоценной сбруей и оружием. В то же время охота была как бы военным смотром, на котором каждый проявлял свое мужество, храбрость, находчивость и меткость в стрельбе. Немало хвастунов лишаются ума от страха, когда прямо из-под ног вдруг выпрыгивает ошалевший от испуга заяц. Что уж тут говорить, когда раздастся в близких камышах рычание тигра или свирепого барса. Иные бегут в ужасе, бросив оружие, а порой знаменитые стрелки, со ста шагов срезавшие на состязании подвешенный к ветке кошелек с деньгами, с трех шагов не попадают в громадного зверя.

Там же, на охоте, проверяется и утверждается отвага молодого джигита, впервые появившегося среди взрослых мужчин. Когда нет войны, где, кроме охоты, можно показать себя? Тот, кто, не дрогнув, вонзит острую трехгранную стрелу на глубину в четыре пальца в лоб бегущему на охотника громадному кабану с полуметровыми клыками, так же поступит и с закованным в железо врагом в открытом бою. Недаром называют в степи охоту ярмаркой мужества.

Посоветовавшись с Кереем, султан Джаныбек решил все же принять ханское приглашение, тем более что не было видимых причин для отказа. «Чему быть — того не миновать, — подумал он. — Недаром говорится, что и в золотом сундуке не спрятаться от предреченной тебе смерти. А если суждено остаться в живых, то из тысячи летящих в тебя стрел ни одна не заденет!» — «Да, мы должны прибыть на охоту и делать вид, что ничего не подозреваем, — согласился Керей. — Но нужно взять с собой самых надежных джигитов, которые ни на шаг не будут отъезжать от нас. Если не поедем сейчас, тот этот волк Абулхаир поймет, что мы разгадали его замыслы, и все равно найдет способ устранить нас. Говорят ведь, что раздевшийся обязательно прыгнет в воду...»

Тщательно готовился к предстоящей охоте Джаныбек. Как и все степняки, больше всего на свете любил он быстроногих коней-аргамаков и ловчих птиц. Одним из самых знаменитых кушбеги — дрессировщиков охотничьих орлов и соколов во всей степи Дешт-и-Кипчак был молодой султан. Рядом с его белой юртой в ряд стояли маленькие черные шатры, и в каждом из них обитал прирученный беркут, ястреб, кречет, лунь или пустельга. Настоящих ловчих птиц нельзя держать вместе в одном помещении...

Вопреки традиции, не птенцами ловил султан хищных птиц, а уже мощными оперившимися бойцами. Хоть и во много раз труднее приручается такая птица, зато пользы от нее неизмеримо больше. Выросший на воле орел сильнее и беспощаднее того, которого кормили с рук.

И никому не доверял султан Джаныбек своих орлов. Обычно по целому году не поддавались они дрессировке, но он упорно и терпеливо повторял все сначала. На голову гордой птице надевали кожаный колпак — томагу и сажали ее на качели, чтобы привыкла она к конной езде. Потом понемногу начинали кормить ее прямо из рук обескровленным в воде мясом. Голод принуждал орла покориться, и постепенно привыкал он брать еду только из рук хозяина. Несмотря на томагу, издали узнавал он его.

Лишь много времени спустя снимали с глаз орла повязку, и хозяин начинал кормить его уже красным мясом. Орел клекотал от нетерпения, увидев мясо, но брал его только из хозяйских рук. Затем начиналась скачка в степи. Джаныбек выпускал орла и вскоре звал его обратно, подкармливая всякий раз. Так птица окончательно приручалась и становилась охотничьей.

Сколько ни приручай орла, но при виде бегущей по земле огненно-рыжей лисицы он камнем падает на свою жертву, вонзает в нее когти и взлетает. В этот момент звучит хозяйский призыв, орел летит на зов и получает двойную или тройную награду. Запомнив это, он уже сам ждет не дождется часа охоты.

Несколько таких беркутов было у Джаныбека. За лето они отдохнули и истомились без дела. Султан взял на ханскую охоту своего знаменитого, воспетого акынами сокола по кличке Сомбалак. А под охотничий халат надел Джаныбек тонкую, из крепких железных нитей кольчугу, остро заточил меч и вставил новые перья в стрелы...

Стройный ряд зурначей выехал на холм, и медный рокот покотился над степью, сзывая охотников. Султаны, беки, эмиры, разукрашенные перьями и сверкающие дорогими доспехами, стали съезжаться со всех сторон.

И вдруг за клубилась к небу пыль на дороге, ведущей из ставки, — большая группа всадников неслась к холму, а впереди на необычайной красоте гнедом скакуне с белой звездочкой на лбу и завязанными в узлы гривой и хвостом ехал сам хан. И у сопровождающих его всадников были кони с подвязанными хвостами и гривами. От избытка резвости грызли они стальные удила, пританцовывая от нетерпения. Вся свита была одета в легкие охотничьи панцири, а на головах сверкали узорные серебряные шлемы. Сзади, не отставая ни на шаг от хана и его приближенных, скакала охрана, состоящая из верных батыров и телохранителей нукеров...

Три или четыре женщины виднелись в этой блестящей толпе. Все взоры притягивала к себе одна из них, одетая лучше всех и сидящая на золотом гульсары-ахалтекинце, известном всей степи и носящем имя Ортеке, что значит «Танцующий тур». Красота ее ослепляла всех мужчин вокруг, и каждый хотел попасться ей на глаза.

Это была четвертая жена Абулхайра — дочь великого ученого, султана Улугбека, внука Тимура. Рабиа-султан-бегим звали ее и говорили, что нет на земле красивее женщины. Вся в золоте была она, и седло, чепрак, уздечка, стремяна тоже были из литого золота. Колебался от встречного ветра султан на остроконечной шапке, отороченной выдрой, блестело под солнцем, переливаясь всеми цветами, дорогое ожерелье, но еще прекраснее казалось светлое чистое лицо с выписанными месяцем тонкими бровями и черным водопадом закрученных в бесчисленные косички волос...

Когда хан со своим блестящим окружением подъехал к холму, со стороны открытой степи вынеслась еще группа всадников. Впереди на темно-серых аргамаках скакали султаны Джаныбек и Керей, и у каждого на плече сидело по соколу.

В легкие охотничьи кафтаны с собольей оторочкой были одеты Джаныбек с Кереем, на головах казахские шапки. Среди скачущих следом за ними людей тоже находились женщины. Самой красивой среди них была Жахан — вторая по счету жена Джаныбека, мать молодого султана Касыма. Дочерью батыра из кочевого рода Керей была она, но по-царственному сидела на молочно-белом скакуне по кличке Киикаяк, что означает «Оленьи ноги». В отличие от красавицы Рабиа-султан-бегим, ее седло, чепрак и все остальное было украшено лишь

чеканным серебром, но именно серебро шло к ее степной красоте и стати.

И еще одним отличалась от жены хана Абулхаира прекрасная Жахан. Правая рука ее твердо сжимала тонкую остроконечную пику. Гордая, стройная фигура наездницы дышала отвагой. Толпящиеся внизу люди встретили ее восторженны гулом. Сам Абулхаир не преминул взглянуть в ее сторону, и словно обожгла его красота Жахан. «Ничего, если позволит бог, быть ей завтра в моих руках!» — подумал хан и пришпорил коня. Не в первый раз видел он ее и давно уже решил, что она достойна его юрты...

Но султан Джаныбек был настороже и внимательно следил за ханом. От него не укрылась смена чувств на лице Абулхаира, и теперь он уже не сомневался, что тот задумал недоброе. Взгляд Джаныбека скользнул по разноцветной блестящей толпе, пытаясь определить, кому поручено его убить. И вдруг заметил трех одетых попроще всадников. В стороне от других держались они, и султан почувствовал на себе взгляд того, который был немного впереди. «Этих сереньких людей не бывало на прежних охотах! — подумал он. — Да и не похожи они на людей из ханской свиты. Их-то и следует остерегаться!..»

Вместе с огромным караваном, груженным бурдюками с кумысом и всякими другими припасами, двинулся хан со своей увеличившейся свитой на север, в сторону гор Улытау. Переночевав в дороге, разбили легкие походные шатры в предгорьях, у подножия Аргынаты, в одном из самых красивых мест золотой Сары-Арки. Эти земли были когда-то очагом древней культуры казахов. До сих пор сохранились там руины дворцов, вокруг которых валяются обломки керамики и глазури. Как раз об этих чудесных горах поется в знаменитом древнем эпосе:

*Как самая дорогая на свете вещь дана ты нам
в наследство,
Прадед наш Аргын радовался твоей красе,
Твоими изумрудными лугами с серебряными
нитями ручьев
Из века в век любовались аргыны, о гора
Аргынаты!*

Здесь не было множества зеркальных озер и полноводных рек, способных напоить тысячные табуны, поэтому в теплое время года людей бывало немного. А самое главное, места эти издавна принадлежали роду султана Джаныбека, но опустели с тех пор, как отец его Барак переехал отсюда в Орду-Базар, ханскую ставку. Зато всяческой дичи: оленей, сайги, круторогих архаров, дроф, уларов, диких гусей — здесь было хоть отбавляй. Три дня знатные охотники всеми способами истребляли ее. Били в барабаны, чтобы вспугнуть куропаток и уларов, и тут же выпускали на них соколов. С невыразимым наслаждением перерезали горло пойманной птице, гордясь друг перед другом своими успехами. Гонялись за архарами и оленями, прямо с седла пронзая их стрелами. А три незаметных человека во главе с братом ханского палача Сарыбаем вели свою охоту и никак не могли попасть в цель. Ни разу не остался в одиночестве султан Джаныбек, и они не решались напасть на него. А что ждало их в случае неудачи, они хорошо знали...

Но в последний день, когда хан объявил о том, что завтра все возвращаются в ставку, им улыбнулось наконец счастье. Увлеченный преследованием быстроногой сайги, султан Джаныбек ускакал далеко в заросли. Верные ему джигиты помчались следом, но кони их притомились за три дня охоты, да и не могли они тягаться с знаменитым аргамаком султана. Поскакав через рощу, Джаныбек вдруг увидел невдалеке самого хана Абулхаира с несколькими верными людьми, а сбоку уже подъезжали трое, которых приметил он раньше. Хан только что сменил уставшего коня, а конь Сарыбая

был полон сил, потому что не участвовал в настоящей охоте. Вместе с Джаныбеком поскакали они за сайгой, и султан уже не мог уклониться, чтобы не показать себя трусом перед врагом.

Вскоре лишь трое оказались впереди: султан Джаныбек, хан Абулхаир и брат ханского палача — Сарыбай. Все другие остались далеко позади, и даже голосов их не было слышно. Проскакав еще немного, они догнали наконец обессилевшую сайгу. Джаныбек в слепом

охотничьем азарте, позабыв на миг о грозящей ему опасности, спрыгнул с седла, отбросил в сторону дубинку и вытащил нож, чтобы прирезать сайгу. И лишь тут заметил замахнувшегося на него своей дубиной Сарыбая.

— Не трогай, это моя сайга! — злобно закричал Сарыбай.

Султан прыгнул к нему на коня и сорвал его с седла. Вместе с тяжелым противником повалился он в густую траву, но при падении успел подмять его под себя. Горящие злобой глаза оказались у самого его лица, и вдруг радостная надежда появилась в них.

— Бей... Бейте его в затылок! — закричал он кому-то.

Не выпуская Сарыбая, султан скосил глаза в сторону и увидел стоящего над ним хана Абулхаира...

* * *

Абулхаир так и не понял, почему не ударил в затылок султана Джаныбека. Что-то на миг удержало его руку, а потом выехали из кустов люди, и поздно было уже что-нибудь сделать. Первым к месту происшествия прискакал Керей. Джаныбек тогда опустил Сарыбая.

— На этот раз я прощаю тебя, потому что не ты здесь главный виновник! — процедил он сквозь зубы и так посмотрел на Абулхаира, что тому стало не по себе.

А сайга все еще лежала живая. Джаныбек посмотрел на нее и махнул рукой.

— Поскольку человеку, который покушался на мою жизнь, простил я, то почему бы не простить невинное животное! — сказал он Керее, пристегнул к поясу дубинку и сел на коня. Вместе поехали они к своим, а хан Абулхаир молча смотрел им вслед...

Поднявшийся с земли Сарыбай тоже занес ногу в стремя. Хан отвернулся.

— Зачем не ударили вы его сзади дубиной, мой повелитель-хан? — зашептал ему в спину брат палача. — Если бы он упал, я тут же переломил бы ему шейный позвонок. Так всегда бывает, когда человек падает с лошади, и никто бы не догадался...

Он не успел договорить, как голова его покатилась с плеч. Абулхаир брезгливо вытер клинок об одежду Сарыбая и велел трубить сбор. Приехавшие первыми Джаныбек с Кереем увидели валяющуюся в траве голову с выпученными в испуге глазами.

— Такая смерть ждет каждого, кто покусится на жизнь моих верных султанов! — сказал хан Абулхаир.

Но вряд ли поверили в искренность его слов Джаныбек с Кереем. Оба султана молча проводили хана Абулхаира до ставки и вскоре уехали в свои кочевья. А хан с тех пор совсем потерял покой, целыми днями лежал на шкуре барса и обдумывал создавшееся положение. Пути назад не было, и горькая досада на то, что не прикончил Джаныбека, грызла душу. Не скоро представится теперь такая возможность...

"В шестнадцать лет я собственными руками зарезал сына самого Едиге — крепколобого Казы-бия, — вспоминал Абулхаир, и губы его кривились от гордости. — В семнадцать лет произошел мой знаменитый поединок с ханом Жумадеком, правившим степью Дешт-и-Кипчак. Как родного сына любил он меня и воспитывал с ранних лет, словно отец. Разве дрогнула моя рука, когда прирезал я его, сбив с седла? Да и сам он принял смерть с легкостью, понимая, что таков закон жизни, так же буду поступать я со всеми врагами. В надежные руки передавал он свой трон. И вот теперь эти руки не поднялись на самого лютого врага — Джаныбека!

Львиное сердце должно быть у того, кто правит людьми и берет на себя ответственность за них перед богом. Почему же расслабилось оно на этот раз? Один-единственный удар по голове этого ненавистного султана, и не было бы никаких неприятностей. Прав был убитый раб: никто бы не посмел высказать сомнение в том, что Джаныбек упал с коня во время охоты. Люди знали бы тогда, что если упал Джаныбек, то каждый из них может упасть таким образом. Страх — самый надежный замок на болтливые рты!..

Говорят, что мой предок Чингисхан поучал: если поднял руку на врага, то бей только насмерть, потому что нет опаснее недобитого врага. А простить врага — преступление, за которое придется расплачиваться всю жизнь. Слабостью посчитает враг твое великодушие и удесятерит свои усилия против тебя!.."

II

Джучи родился от Борте-Фуджин из племени конурат и сам был женат на конуратках. От второй его жены Укихатун родился Батый.

Джучи довольно крепко усвоил степную мудрость, которая гласит: «Пусть руки отпадут у того, кто не радеет за родственников». Казахские племена стали его опорой в дальнейшей политике, и окружали его обычно казахские султаны и батыры. Даже в песнях и сказаниях народа, где всегда подчеркивается жестокость и коварство других чингизидов, о Джучи говорится в ином тоне. Он суров, но справедлив и всегда готов выслушать мудрый совет. Особо поясняется, что умел он обуздывать свой гнев, а это уже не так мало для сына Чингисхана. Уже одно то, что Джучи не стремился к полному уничтожению казахских племен, делало его и в их глазах защитником и добрым родственником. Слишком свежи были в памяти иные примеры. И недаром сохранился в веках эпос «Аксак кулан — Джучи-хан», который поют до сих пор в степи. Конечно, пройдя через века, дурные поступки того или иного властителя выветриваются порой из народной памяти, но вот не ушел же из нее страшный образ Чингисхана, которым пугают детей в степи...

Монгольские завоеватели, захватившие казахские земли, были немногочисленны. Один на сто приходилось их по отношению к исконным обитателям степи Дешт-и-Кипчак, и они быстро растворились в общей массе, как горсть соли, брошенная в реку. Не прошло и века, как монгольские султаны ничем уже не отличались от казахов. Только и осталось у них звание «тюре», дающее право на султанский и ханский титулы. В каждом казахском роде и племени были они, и самая жестокая грызня происходила всегда между ними за власть и влияние.

Первый хан Золотой Орды — Батый — почти всю жизнь прожил в степи Дешт-и-Кипчак. Из рода кипчак была и самая любимая его жена — Жулдыз. Да и сыновья его уже носили имена на лад степи Дешт-и-Кипчак: Сартак, Тукухан, Аюхан, Улакчи. На главном пути к ставке великого хана кочевали казахские племена, нанося в первое время серьезный урон завоевателям, которым волей-неволей приходилось считаться с ними. Из политических расчетов золотоордынские ханы роднились со степняками.

От брака чингизидки и джигита из рода мангыт родился небезызвестный Ногай, которого называли иналом, то есть полукровкой. Он не считался чингизидом (материнская кровь монголами не берется во внимание), не имел права занимать ханский престол, но в течение сорока лет диктовал свою волю золотоордынским ханам.

После смерти Батыя Ногай продолжал командовать войсками Золотой Орды, хитроумно отбирая и сажая на престол золотоордынских ханов. Лишь когда ханом стал Тохтагул — пятый сын Мунке, кончилась власть Ногая. Воспользовавшись межродовыми распрями в степи Дешт-и-Кипчак, на которую опирался Ногай, молодой хан Тохтагул разбил его войско, и престарелый полководец с семнадцатью верными воинами бежал в башкирские земли.

Из-за раздоров в Золотой Орде и потомки Ногая вместе с близкими им родами были вынуждены уйти в восточные пределы Казанского ханства. Этот край, принадлежавший некогда волжским болгарам, неоднократно громили Батый и его преемники. В конце концов туда пришли с войском кипчакские завоеватели и основали новое ханство. Вслед за ними начали перекочевывать туда близкие по языку и обычаям ногайлинцы, которые быстро смешивались с местным населением.

Но, осев в Казани, они беспрестанно покушались на спокойствие в своих прежних владениях. Они стали подсылать в казахские роды своих людей, напоминая о связывающих их узах крови и предлагали отделиться от Абулхаира. Дошло до того, что некоторые батыры собирали джигитов и угоняли ханские табуны.

После одного из таких набегов выведенный из себя хан Абулхаир направил к ним тридцатитысячный карательный отряд во главе с каракипчаком Колбанды-батыром, который разгромил аулы виновных, а заодно и их соседей, чтобы отвадить впредь от подобных дел.

Одно появление Кобланды-батыра вселяло ужас в сердца людей. Был это человек неслыханного роста, с огромной головой, похожими на кувалды руками. В многочисленных песнях рассказывалось, что кости у него больше верблюжьих, а пальцы тверже рогов архара. На реке Тургай жили прадеды Кобланды-батыра, а сам он родился там, где сливаются реки Арысь

и Бадам, у подножия горы Караспан.

Совсем недавно возвратился Кобланды-батыр, разбросав по ветру пепел ногайлинских аулов. Весь скот угнал он у них, прихватив с собой заодно много красивых женщин и девушек. И сопротивления не встретил он, потому что неожиданным и дерзким был набег.

Три дня пировали в ханской ставке по случаю этой победы, словно не мирные аулы, а по крайней мере город Стамбул взял приступом грозный батыр. Так уж принято было в степи. К концу праздника спросил хан Абулхаир о тех, кто особо отличился в этом походе, чтобы распределить по справедливости захваченную добычу, и прежде всего женщин.

Кобланды-батыр начал перечислять отличившихся в походе батыров и джигитов, но вдруг замолчал. Неистово покрутил он кончики длинных, до ушей, черных усов. Глаза его, величиной с ладонь, переплетенные красными жилками, уставились на хана:

— Всем батырам предлагаю сполна дать их долю, — сказал Кобланды-батыр. — И вдвойне доволен я молодым и смелым батыром Саяном. Сотню возглавлял он у меня и достоин награды. Но я попрошу для него, почтенный хан, смерти!..

Все замерли. Дядей Саяна по матери был знаменитый Акжол-бий. Огромного роста и чудовищной силы был этот певец и златоуст, сын Котан-жырау. Рядом с ханом сидел он по праву, и взоры людей были устремлены на него. Услышав слова Кобланды-батыра, он лишь побледнел, но не потерял самообладания.

— За что? — хладнокровно спросил Акжол-бий? измерив взглядом с ног до головы Кобланды-батыра.

— Закон великого Чингисхана нарушил он. Из-за жесрейки <Ж е с р е й к а — пленница поспорил он со славным Кара-батыром...

Потомки Чингисхана во всем следовали его ясам. А в них была предречена смертная казнь воину, поспорившему с товарищем из-за трофеев. Одно из самых тяжелых обвинений это было, и молодого батыра ничто уже не могло спасти.

— Чем ты это докажешь? — все также спокойно спросил Акжол-бий. — Кара-батыр рассказал тебе про это или был свидетелем их ссоры кто-то из посторонних?

Кобланды-батыр действительно не присутствовал при этой ссоре. Один из ханских сторонников сообщил ему об этом, но слишком уж хотелось поверить в эту ложь батыру. Чего греха таить, в таких случаях у самых достойных брали верх интересы рода...

— Кара-батыр погиб от меча Саяна при этой ссоре. И того, кто видел эту драку, зарубил своим мечом батыр Саян!..

— Может быть, сам Саян подтвердит свою вину? — задумчиво проговорил Акжол-бий.

— Для того чтобы признать перед всеми свою вину, нужно быть настоящим батыром! — сурово сказал Кобланды-батыр.

— Ты, достойный батыр, хочешь сказать, что славный племянник аргынов Саян превратился в бабу?

— Только баба может скандалить с товарищем из-за какой-то ничтожной пленницы!

Оба полководца смотрели друг на друга, готовые вцепиться друг другу в глотку и покатиться по земле в смертельной схватке. Однако тот и другой обладали выдержкой настоящих батыров и умели соблюдать приличия в присутствии самого хана. Они умолкли, повернувшись в сторону Абулхаира и слегка склонив головы.

Хан Абулхаир прекрасно понимал какие чувства руководили Кобланды-батыром. Когда один человек всей душой желает очернить другого, все средства хороши. Гнев и жажда мести подскажут такое, до чего не додумается человек в другое время. Тут уже не имеет значения, виноват юный батыр или нет...

Хан испытующе оглядел свой совет и вздохнул. Очень уж изменился его состав. Когда Абулхаира подняли на белой кошме над степью Дешт-и-Кипчак, совсем другие люди окружали его. На том самом месте, где сидят сейчас почтенные бии из аргынов, сидели знатные люди из найманов. А слева, где теперь сидит кипчакская знать, располагались раньше батыры из племени уйсуней.

Молодым и горячим был в те незабвенные времена и не озирался опасливо по сторонам, как делает это сейчас. На половодье похожа молодость и не признает никаких берегов. Два года спустя после вознесения на ханский трон встретился он на крутом берегу Тобола с другим

претендентом Махмуд-ходжой. Гром стоял в степи, когда сошлись оба войска, и своей рукой снес он голову врага с плеч. Жену Махмуда-ходжи, непревзойденную красавицу Аганак-бике, взял он себе в жены. Никому из своих султанов и батыров не уступил эту четырнадцатую луну <По лунному календарю полнолуние наступает в четырнадцатый день месяца.. Как бездонное озеро в тихую погоду, были ее глаза, и белее снега светилось прекрасное лицо...

Не суждено было насладиться ему ее ласками. Все время казалось, что холодная змея лежит в ее постели и вот-вот укусит. Все, очевидно, потому, что вместе с ее мужем приказал он прирезать и трехлетнего сына. А как было поступить иначе? Подрастал бы законный претендент, готовый мстить за отца. Ханский трон — такая вещь, что родного сына сбивает с пути истинного. Можно ли довериться чужому? Раскрытым лезвием бритвы у самого горла был бы он всю жизнь.

Так и умерла в тоске прекрасная Аганак-бике, ни разу не выказав ему своего расположения. А потом узнал он, что смерть ее наступила от особой степной травы. Она пила ее настоем непрерывно, чтобы не понести от него.

Да разве щадил он когда-нибудь своих врагов! Он брал Хорезм, Самарканд, Бухару, Сыгнак, десятки других городов, и в каждом обильно удобрил землю человеческой кровью. По очереди пришлось громить непокорные казахские роды. Там, где проходил он, кровью полита и его родная степь. Теперь вынужден пугливо озираться по сторонам.

Его правая рука в войске — тот, кого с почтением называют Акжол-бием. И за спиной его — вся мощь многочисленных и воинственных аргынов. А левая рука — это Кобланды-батыр, за спиной которого такие же многочисленные и мужественные кипчаки.

Если покарать смертью этого ничтожного джигита Саяна, то возрадуются кипчаки, но посчитают себя жестоко обиженными аргыны. Кому же из них отдать предпочтение?

А если простить джигита Саяна? Разве не примут люди такой поступок хана за признак слабости?

Вся Абулхайрова Орда ждет ханского слова. Джаныбек и Керей тоже ждут и начнут действовать в зависимости от того, как будет решено это щекотливое дело...

В который уже раз приходится Абулхайру отирать пот со лба, потому что становится ему жарко от подобных размышлений. Ведь не потел никогда в таких случаях его великий предок. Одним движением бровей посылал он на смерть тысячи людей и больше не думал о них. Неужели настолько изменились времена, что даже одна жизнь получает какую-то цену?

* * *

С каждым веком все труднее править людьми. К чему это все приведет?..

Пока витала тень Чингисхана над сыновьями и внуками, еще можно было по-настоящему чувствовать власть в своих руках. Взять того же Мунке, не пожалевшего всех своих близких и дальних родственников для собственного утверждения. Молчал он всегда — по одному выражению глаз хана казнили неугодных. Ему даже не нужно было отдавать приказания об этом...

Поучительная легенда о погребении хана Мунке вспомнилась Абулхайру... Две особенности по сравнению с другими народами имеет погребальный обычай у монголов. Первая из них та, что в глубокую могилу-склеп вместе с господином опускается его самый любимый и преданный раб. Его кладут под тело господина и живым засыпают землей. Через полдня его выкапывают. Рабу дают отдышаться, подкрепиться и снова зарывают. Так повторяется трижды, и если раб не задохнулся, то это означает, что он действительно был самым близким человеком покойному. Тогда его навсегда освобождают от рабства и дают все, чего бы он ни попросил, потому что, по убеждению монголов, он является преемником всех грехов своего господина. А сам господин, очищенный от ответственности за все содеянное на земле, отправляется в другой мир...

Тело господина наконец погребается окончательно. Вместе с ним в могилу опускается котел, полный мяса, и большой кувшин с молоком, а также кладут великое множество золотых и серебряных украшений. Чем знатнее и богаче был человек, тем больше драгоценностей уходит с ним в могилу. Когда станет он оживать в потустороннем мире, то поджидающие этот

момент злые духи будут отвлечены блеском драгоценных вещей и не тронут тело и душу...

А вторая особенность монгольского погребального обряда состоит в том, что о месте захоронения знатного человека никто не должен иметь и отдаленного представления. Сразу же после похорон убивают всех, кто был свидетелем погребения, а затем по степи прогоняют табуны лошадей, которые затаптывают все следы, и делается это для защиты не столько от разбойников и грабителей могил, сколько от враждующих родственников. Кто не решался мстить при жизни, может отомстить после смерти. Такие случаи бывали не только среди монголов. Не раз последующие властители оскверняли могилы своих предшественников, вытаскивая из саркофагов, сжигая их тела. Больше всего на свете боялись такого кощунства монголы...

И вот когда в 1259 году умер хан Мунке, по приказу его братьев Арык-Буги, Хубилая и Хулагу были истреблены, невзирая на родовитость и заслуги, десять тысяч человек, участвовавшие в похоронах. Слишком много людей желали мести усопшему, чтобы можно было оставить в живых хоть одного человека, знающего его могилу. К тому же, по монгольским верованиям, чем больше будет жертв при погребении, тем приятней покойному, особенно такому достойному, как великий хан Мунке.

Погребальная церемония прошла куда более торжественно, чем даже у самого Чингисхана. А причиной было то, что, принеся в жертву десять тысяч человек, чингизиды хотели напугать не одних своих сородичей, но и все человечество. Они хотели показать, что ничего не стоит им и вовсе прекратить жизнь на земле, поскольку она в их полной власти...

И вот теперь самый значительный потомок этих великих людей дрожит, как жалкий воробей, над одной ничтожной жизнью!.. Абулхаир плюнул с досады. Неужели настолько измельчало его поколение? Не то что весь мир, а какие-то султаны из завоеванной казахской степи заставляют законного хана оглядываться на них — навязывают ему свою волю!

Невольно посмотрел хан Абулхаир в сторону правнуков Урус-хана, и совсем тошно сделалось ему. Неподвижно сидели впереди своих аргынов черноусый красавец Джаныбек и квадратный, похожий на гранитную скалу Керей. Как холодные отточенные кинжалы были их лица...

Да, эти двое опасней всех остальных, вместе взятых. Они никогда не простят ему завоевания их родового гнезда — Сыгнака, столицы всей Белой Орды. Особенно ожесточились они, когда взял он себе в жены правнучку Хромого Тимура, дочь ученого Улугбека. В их глазах это измена степи. Дай им волю, немедленно откочевали бы они от его ставки, сделавшись самостоятельными ханами. Спят и во сне видят они этот миг, и худшие враги для них — оседлые бухарские и самаркандские беки!..

Только никогда не позволит он им осуществить свое желание. Нет им поддержки ни у кого, кроме сородичей. Не поддержит их молчаливая степная масса, потому что сильна еще ханская власть над ней. Вот и приходится им сидеть при ханской ставке и смотреть бессильным взглядом в его сторону!..

Но как угодить этой безликой степной массе? На чьей стороне сейчас ее симпатии — на стороне аргынов или кипчаков? В который раз приходится подсчитывать все сначала: силы, авторитет султанов, бесчисленные противоречия. Попробуй не посчитайся со словами Акжол-бия, и дружно встанут против тебя аргыны, найманы, конрады со всеми своими ответвлениями. Именно этого ждут с нетерпением Джаныбек и Керей. Они давно уже добились расположения этих родов и слынут защитниками их интересов. Стоит лишь чуть ошибиться — и уведут они в степь сотни аулов, словно пастухи стадо настигнутых оводами коров, возглавят многочисленные роды, и кто знает, как поведут себя в этом случае остальные...

Но как отказать в просьбе кипчакскому батыру, тем более что ссылается он на незыблемый закон предков? Именно кипчаки сейчас опора ханства, и с их дубинами вынуждены считаться многие в степи. В любой момент могут быть занесены они над головами Джаныбека и Керей. Нужно лишь выбрать удобный момент...

Да, поучителен и пример Ногая для хана Абулхаира. Когда полководец из степняков забирает слишком много власти, то хан быстро становится игрушкой в его руках. Как огня нужно бояться таких людей. Вот и приходится Абулхаиру остерегаться своих же султанов из аргынов с одной стороны и кипчаков — с другой. Кого из них поддержать? Можно, конечно,

продолжать игру на разногласиях между ними, но вечно это продолжаться не может. Слишком далеко зашла распря...

И все же ничего другого не остается. Известно, что нет на свете труднее задачи, чем разрешать межродовые распри у казахов. Зачем же их разрешать? Наоборот, придется углублять их. В этом спасение и выход из создавшегося положения. Нужно идти навстречу событиям, а не ждать, пока они захватят врасплох. Разве не благодаря такой политике сохраняют до сих пор чингизиды власть и влияние в степи? Что было бы, если бы в один прекрасный день нашелся человек, сумевший объединить все эти разрозненные казахские роды и направить их к единой цели? Что сможет противостоять этому мечу?

Но меч этот обоюдоострый, и с величайшей осмотрительностью нужно обращаться с ним, чтобы самому не порезаться. Нет, пусть-ка лучше полежит пока в ножнах. И в дальнейшем будет он, хан Абулхаир, продолжать натравливать друг на друга степные роды и племена, только надо делать это с большим усердием и ловкостью. Опыта у него хватит, да и пожар горит давно. Остается лишь подбрасывать ветки посуше.

* * *

Иначе рассуждал султан Джаныбек, давно мечтавший отделить от Абулхаировой Орды кочевые племена степи Дешт-и-Кипчак. Он прекрасно понимал, в каком трагическом положении находится хан Абулхаир. «Нет у его Орды былого величия... — думал он. — На юго-западе снова усиливается Хорасан, множится сопротивление его набегам народа Мавераннахра, и пока скрытно, но все настойчивее выказывают свои претензии тимуриды... Не лучше положение и на северо-западе. Все больше отмежевывается беспокойная Ногайская Орда. Растет могущество Казахского и Крымского ханств, где издавна ненавидят Абулхаира. Все чаще оглядываются в их сторону султаны-астарханиды... А внутри самой Орды? Неимоверно высокие налоги и всяческие повинности все больше вызывают недовольство среди рядовых кочевников. Все в степи готовы отделиться от Абулхаировой Орды. Сейчас самое время направить это вполне назревшее начало по желанному пути».

Джаныбек был умным политиком и понимал, что когда желание импрама — массы совпадает с желанием вождя-честолюбца, то задуманное им легче сбывается. Перед глазами Джаныбека в последнее время все чаще возникала одна и та же недавно виденная картина.

Он возвращался с охоты. И вдруг услышал женский плач, похожий на вой смертельно раненной волчицы. Джаныбек поскакал с нукерами, выскочил на холмик. Перед ним, в низине, лежал аул. Войны ее было, но казалось, что враг только что побывал здесь. Остовы юрт были переломаны, здесь и там валялось немудреное имущество кочевников. Оставшиеся в живых стояли около убитых и раненых. Слышались плач и причитания.

Когда Джаныбек подскакал, навстречу ему вышел седобородый сторбленный старик.

— Что случилось, кария? — спросил султан, даже забыв поздороваться.

— Когда этому будет конец?! — сурово сказал старик, глядя в глаза султану. — Мы лишь недавно перекочевали сюда с Едиля. Там не давали нам покоя ногайские бии, астарханские султаны, татарские и башкирские аламань. Это было понятно. А здесь вдруг абулхаировские волки... Мы не хотели дать своих джигитов для его войска и не сумели вовремя уплатить тяжелые налоги. Вот хан и прислал своих лашкаров. Они разгромили наш аул. Они грабят и убивают нас, как чужие. Спаси нас, сын Барак-хана...

— Как спасти?

— Свое ханство нам нужно! — твердо сказал старик. — Зачем нам, кочевникам, повинности и налоги? Все это идет для содержания Абулхаировой Орды. И видишь, как они поступают с нами!..

Да, так было везде: и на китайской, и на джунгарской границах. Народ понимал уже необходимость создания своего, казахского ханства. Яблоко начинало созревать, и султан Джаныбек готов был действовать. По старой казахской поговорке: «Свали старую юрту, чтобы поставить новую».

Абулхаиру нужны были родовые распри для удержания своенравных кочевых племен в своей Орде, ибо действовал он по принципу: разделяй и властвуй. Джаныбеку нужны были эти

же распри для развала Абулхаировой Орды...

* * *

Скрипнула в наступившей тишине дверь, и в ханскую юрту вошел красивый семилетний мальчик. Это был внук Абулхаира, сын недавно умершего Шах-Будаха. С гордо поднятой головой мальчик прошел прямо к трону. Он даже не посмотрел на многочисленных придворных: беков, султанов, эмиров в расшитых золотых одеждах. Уткнулся в колени хану своей стриженной, с оставленным на счастье клоком волос головой.

— Оказывается, Тарланкок не очень-то послушный конь, — заговорил он, явно гордясь своими словами. — Все время хотел сбросить меня на землю, но ничего у него не вышло. Пройдет немного времени, и он во всем будет слушаться меня!..

— Ладно, дорогой мой мальчик, мы сейчас заняты важными делами, так что иди поиграй! — Абулхаир погладил внука по голове. — Подрастешь, и самому тебе придется гореть в этом адском огне. Иди же, пока тебе можно еще ни о чем не думать!

— О каком адском огне говоришь ты, дедушка? — мальчик удивленно посмотрел по сторонам. — Когда я вырасту и стану ханом, то на земле прикажу сделать рай!

Абулхаир добродушно улыбнулся, но тут же нахмурился, перехватив взгляд смотревшего на его внука семнадцатилетнего Бурундука — сына султана Керая. Столько холодной ненависти было в этом взгляде, что мороз продирает по коже. А причиной было то, что после второго ханского сына — Шах-Хайдара законным наследником мог стать этот маленький Мухаммед-Шейбани, сказавший глупые детские слова о будущем рае на земле. Не приходилось сомневаться, что после смерти Абулхаира именно на Шах-Хайдара и Муххамед-Шейбани будут направлены вражьи стрелы...

Со страстной нежностью обнял вдруг хан своего любимого внука, словно защищая его от враждебных взглядов. Неужели эти волки могут поднять руку на невинного младенца? Кому успел он разбить шанрак, или набросить навечно тунлук <Ш а н р а к — основа купола юрты; т у н л у к — кошма, которой закрывают дымовое отверстие., что питают к нему такую злобу? Но тут невольно вспомнил Абулхаир, как сам поступил когда-то с малолетним сыном Махсуд-ходжи. Три годика было тогда мальчику, и тоже ничего плохого не мог он сделать могучему и полному сил хану Абулхаиру!..

Лишь один человек из сидящих догадался, почему хан Абулхаир стал вдруг так неистово обнимать своего маленького внука. И был это первый враг хана — султан Джаныбек. «Твой опасения справедливы, хан — подумал он. — В конце концов, этот ребенок — твой последний наследник, и с ним прекратится твой род. Как последний пучок сухой таволги будет он в твоём догорающем очаге... Что же, для семи лет он достаточно смышлен и обещает стать настоящим ханом. Но все в руках божьих, и мы лишь исполнители его предначертаний...»

При всем своем природном уме и проницательности не смог знать султан Джаныбек, что именно благодаря этому мальчику еще долго будет гореть огонь в родовом очаге Абулхаира.

— Иди, родной мой! — ласково повторил Абулхаир. — Если убежал от тебя строптивый Тарланкок, то разве мало лошадей в твоих табунах. Выбери себе любого...

Абулхаир уже принял решение, оно пришло само собой. Ни в коем случае нельзя доводить сейчас дело до открытой междоусобицы. Худой мир лучше доброй ссоры. Если же произойдет это, то только в роли посредника следует выступить хану. Пусть аргыны и кипчаки сами приговаривают друг друга к смерти. Он возьмет на себя лишь роль палача. И чем больше срежет он голов под их обоюдную ответственность, тем лучше!..

— Разве со времени великого Майхи-бия из рода уйсуней не существует право народа самому решать вопрос о жизни или смерти свободных джигитов? — спросил он, обведя суровым взглядом свой совет. — Даже Чингисхан не нарушал этой традиции. Как же я, его потомок, посмею вмешиваться в это священное право моего народа? Пусть соберутся знатные и достойные люди из аргынов и кипчаков и пусть вынесут свой приговор батыру Саяну. Ваше решение будет приказом для меня!

Все одобрительно кивнули головами, ибо ханская воля нерушима.

— Да будет так, милостивый хан. Мы снова соберемся.

...Целых три дня спорили бии и аксакалы аргынов и кипчаков. Веско и внушительно выступали златоусты той и другой стороны, лилось знаменитое степное краснословие, раздавались соловьиные трели мудрецов и провидцев, но единства не было. И тогда, как и следовало ожидать, начали показывать сначала из-под полы, а потом и открыто острые ножи друг другу. Сдерживало лишь то, что силы обоих лагерей при ханской ставке были примерно одинаковы, и старики советовали не начинать открытую резню.

Закончилось все тем, что решили снова обратиться к хану, который не вмешивался ни во что и вел себя так, словно его не интересовал исход дела. Опять собрался ханский совет. Выхода не находилось. Все прекрасно понимали, что если схватились два волкодава, то хозяину необходимо метнуть в кого-нибудь из них копьё, чтобы решить спор. В противном случае он рискует лишиться обоих. Но в кого из двух дерущихся вонзится наугад брошенное копьё? В такой свалке можно метить в одного, а попасть в другого...

Холодные глаза хана Абулхаира смотрели куда-то вдаль. Ни в коем случае не мог он сейчас метнуть это копьё в кипчаков.

Хану-властелину предстояло вынести приговор простому казаху Саяну. Но разве не простолюдин из ветви барлас степного рода мангыт — знаменитый Тимур вывернул недавно чуть не весь мир наизнанку? При воспоминании одного его имени дрожь прошла по телу Абулхаира...

Противоречия раздирали Золотую Орду. Сами копали под собой яму ее ханы, а в 1380 году Дмитрий Донской на поле Куликовом превратил эту яму в зияющую пропасть. Но не свалилась еще туда Золотая Орда, продолжала нападения на соседей. Хромой Тимур пробормотал над Золотой Ордой заупокойную молитву...

Именно Тимур поддержал род джагатаев против других чингизидов — потомков Джучи. В 1392 году разрушил он основу Золотой Орды, а в 1395 году полчища Тимура вышли к ней уже со стороны Кавказа и вошли в Сарай — сказочную столицу, основанную некогда ханом Батыем в низовьях Едилы. Хан Тохтамыш бежал куда глаза глядят, и на этом кончилось могущество Золотой Орды...

Какой-то ключ к истории нашел этот выходец из барласов Тимур. Может быть, потому и случилось это, что был он из храбрых степняков и знал, как управлять ими. О, импрам — степная масса — всегда была загадкой для правителей. Обуздав ее, как дикого коня, поскакал Железный Хромец к славе, и легли под ноги ему многие страны. Так что дело сейчас не в одной жизни, судьбу которой предстоит решить Абулхаиру. Речь идет о чем-то куда более важном. Сердце этой массы предстоит завоевать, и тогда — кто знает — не повторит ли он, хан Абулхаир, путь Тимура?..

На изменчивый весенний ветер похожа ханская политика и меняется соответственно обстоятельствам. Теплый огонек загорелся в ханских глазах. «А что, если решить этот вопрос просто по-человечески? — подумал Абулхаир. — Это должно понравиться простым людям. — Что там ни говори, а их доверие пытается завоевать всякий властитель. В конце концов от них зависит судьба ханства...»

Тридцать лет уже правил огромной страной хан Абулхаир, и только теперь пришла к нему эта простая истина. Он решил прежде всего допросить самого преступника и составить собственное мнение о его вине. Вяло махнул он рукой, распуская совет...

Взяв в руки серебряный колокольчик, хан слегка тряхнул им. Раздался тихий мелодичный звон, и сразу появился худой бледнолицый старик Оспан-ходжа, доверенное лицо хана. Он безмолвно приложил руки к груди и почтительно опустил голову, ожидая приказаний.

— Пусть приведут ко мне заключенного!

— Какого заключенного, мой повелитель-хан?

В глазах Оспан-ходжи было недоумение. «В самом деле, кого из них?» — недобро усмехнулся про себя Абулхаир. Немало было брошено в зинданы людей за эти тридцать лет. Он забыл уже многих и не знает даже, живы ли там, под землей, некоторые из них, потому что лучше мертвому в могиле, чем живому. А зиндан — это могила, сырая и холодная. И вдобавок ко всему тяжелые ржавые цепи на руках и вокруг горла.

Что же, он пока помнит имя этого джигита, о котором идет спор. Саяном зовут его, и, наверно, дороже всего на свете для него жизнь и свобода. А для хана эта жизнь равнозначна

жизни комара, что поет сейчас над ухом.

Саян... Где он слышал в последний раз это звучное имя?.. Да, да, так оно и было. О нем говорила Рабиа-султан-бегим. Именно этого молодого джигита просила она назначить аталыком — воспитателем и душеприказчиком его второго сына Суюнчика. Почему так умоляла она об этом?..

* * *

Он не выполнил тогда просьбу Рабиа-султан-бегим, сказав при этом, что, пока жив, не приходится беспокоиться о посторонних душеприказчиках для его сыновей.

Но почему все же не пошел он тогда навстречу женщине? Неужели из-за сплетен, что дошли до него, сплетен, которыми испокон веков наполнены ханские дворцы? И все же, хоть уверен он в кристальной чистоте своей любимой жены, сплетня оставила какой-то след в душе.

Каков же он, этот Саян?

В походе пришлось мельком увидеть его, но издали, и мешал надетый на голову батыра железный шлем. Жена больше не повторяла своей просьбы, и он забыл про этого человека. Семь лет прошло с тех пор... Хан Абулхаир повернул голову к приближенному.

— Пусть приведут того джигита, который послужил причиной ссоры между аргынами и кипчаками! — приказал он, почему-то не назвав имени батыра Саяна.

— Слушаюсь, мой повелитель-хан!

Не старость ли причиной, что все время возвращается он думами в прошлое? Вот и сейчас, пока вытащат из ямы и приведут к нему этого джигита с запоминающимся именем, снова проходит перед ним вся его блестящая и нелегкая жизнь... «Троном Саина», «Троном Джучи», «Троном Батыя» — как только не называли то место, которое занял он в семнадцать лет. Тогда ханская ставка находилась при устье Иртыша в городе Чинга Тура-Тюмень, где плевков зимой замерзает, не долетая до земли. Оттуда начал он свои завоевания, одно за другим покоряя разрозненные казахские ханства. Все Приишимье прибрал он к рукам, берега Тобола и Нуры. Так и не остановленный никем, дошел он до горы Улытау, на вершине которой развевалось некогда знамя Джучи...

В город Орда-Базар, бывший когда-то сборным пунктом войск Батыя перед походом на запад, перенес он потом свою ставку. Вся степь Дешт-и-Кипчак признала его, и на все четыре стороны посмотрел он: на восток, за Иртыш; на север, за Есиль; на запад, за Жаик и Едиль, и на юг, за Сырдарью. Ближе и богаче всего было Междуречье — Мавераннахр. Потомки Тимура никак не могли поделить там между собой оставленное дедом наследство, и он решил помочь им в этом нелегком деле. Слишком уж большую территорию подмял под себя когда-то Железный Хромец. Сыгнак, Сузак, Аркук, Аккурган и другие города отобрал хан у них, значительно уменьшив бремя их забот. Таким образом оказалась поделенной Срединная Азия между потомками джучида Шейбани и потомками Тимура. Ему, во всяком случае, досталась не худшая часть...

Что же еще предстоит сделать и отпущенное судьбой время?.. Моголистан!.. Шесть месяцев пути в длину и ширину составляет эта богатая страна. От джунгаров на востоке до Ташкента и Туркестана на западе, от голубого моря Балхаша на севере до зеленых долин Кашгарии на юге... Кашгария, Семиречье, сказочный Турфан — есть ли земля богаче их! А правят ими ханы из рода Джагатая, и большинство их подданных — казахские роды.

Нелишне помнить, что для аргынских биев и султанов из его ставки, для тех же Джаныбека с Кереем, Моголистан является опорой, тылом. Если потомки Урус-хана, Джаныбек и Керей, придут к решению создать самостоятельное казахское ханство и вздумают покинуть его лагерь, то они обязательно придут в Моголистан. Что же станут они делать, когда и Моголистан войдет в его великую державу? Да, это будет хороший и прочный намордник для глядящих в лес волков!

Едва слышно скрипнула резная дверь, вошел бледный Оспан-ходжа, а следом два нукера с мечами наголо ввели арестованного джигита.

— Мой повелитель-хан, ваше приказание выполнено!

Абулхаир все еще смотрел куда-то вдаль. Медленно повернул он голову и вдруг побледнел как мертвец...

Как две капли воды был похож его сын Суюнчик на стоящего перед ним человека! Те же густые черные брови, горбатый нос, миндалевидные глаза. И еще естественная, как у барса, мягкость движений. Лишь усов пока нет у сына его Суюнчика, а иначе можно было посчитать их родными братьями.

Так вот почему так настойчиво просила его красавица жена Рабиа-султан-бегим сделать аталыком при маленьком Суюнчике этого молодца!.. Необоримая ярость овладела им. Все подозрения сразу пробудились, превратились в уверенность. Только слепой не понял бы тут, в чем дело! Он должен немедленно умереть, этот джигит. Сегодня! Сейчас! Тут же, перед ним!..

Рука Абулхаира сама потянулась к рукояти длинного хорасанского кинжала, подвешенного к поясу. Неслышно, без всяких усилий вынимался кинжал из ножен.

По изменившемуся лицу хана Саян угадал свою судьбу. Взгляд его не отрывался от ханской руки, потянувшей кинжал из ножен. Прикусив губу, молодой батыр смотрел прямо в глаза Абулхаиру.

И хан хмуро смотрел на него. Древний закон вспомнился ему. «Голову ты вправе отсечь, но должен выслушать перед этим, что произнесет язык осужденного!» Так завещали предки, а у кого еще учиться мудрости, как не у них?

— Ты признаешь предъявленные тебе обвинения?

Хан Абулхаир сам не узнал своего голоса. Какой-то слабый, дрожащий он был, и слова как будто выдавливались из горла. А джигит молчал, словно не к нему была обращена ханская речь. Снова гнев ударил в голову Абулхаира:

— Ну говори же!

* * *

Теперь хан кричал, и глаза его стали красными от прилившей крови. Джигит чуть наклонил голову:

— Нет. Быть может, и повинен я в чем-либо, но только не в том, о чем говорит Кобланды-батыр. Я помню воинские заповеди и такого не совершал...

Джигит говорил тихо, но с достоинством. Его голос привел в себя Абулхаира. «Быть может, и повинен в чем-либо...» Что же, хану Абулхаиру понятен весь яд, заключенный в этих словах. Оскорблено его мужское достоинство. И если прижечь язык этого наглеца каленым железом, то многое сможет рассказать он...

— Неужели ты полагаешь, что каракипчак Кобланды-батыр запятнает себя ложью?

Джигит опять посмотрел ему в глаза:

— Тебе, мой повелитель-хан, должно быть известно больше, чем мне, почему каракипчак Кобланды-батыр поступает так...

«Что бы это значило?..» Абулхаир пристально посмотрел на связанного джигита. Да, этот не их простаков. Он прекрасно знает, почему именно на него наклеветали враги. И конечно же всей степи давным-давно известно, что есть при ханской ставке джигит, на которого куда больше, чем на отца похож ханский сын Суюнчик.

"Но каков Кобланды-батыр! Он знает, как обострились мои отношения с аргынскими султанами, и подсовывает этого джигита — вместо фитиля к готовым загореться дровам. Не случайно аргыны так упорно вступились за этого молодца. И как самодовольно улыбались Джаныбек с Кереем!..

Нет, нет, гнев подобен бешеной реке, смывающей все на пути. Чем сильнее бушует она, тем мельче потечет потом. Поспешное решение, да еще под влиянием гнева, первый враг повелителя".

Абулхаир медленно отнял руку от кинжала:

— Из какого ты рода-племени?

— Мангыт, из рода барлас.

Хан снова впился глазами в лицо молодого батыра. В глазах его вспыхнули какие-то непонятные для непосвященных огоньки... В конце концов и это не исключено. Ведь

Рабиа-султан-бегим когда-то говорила ему, что маленький Суюнчик похож на ее родственников по матери. А все они — мангыты. И обычно у всех джигитов рода барлас густые кустистые брови. Неужели виноват этот джигит, что уродился с такими бровями, как у его сына? Разве сам он, хан Абулхаир, не похож лицом на оседлых узбеков — родственников по матери?

А почему, впервые услышав об этом, не стал он проверять слухи? Что сказал ему тогда старый мудрый везир Сарыгып-Шиман из рода мангыт? «Супруга повелителя-хана Абулхаира, подобного морю радости и солнцу добродетели, сама по себе правнучка великого и незабвенного Тимура, а также дочь ученого Улугбека, и она должна быть вне всяких подозрений!» Потом старец помолчал и прибавил уже обычным тоном: «Так нужно для обеих сторон. Особенно сейчас, когда необходимо посадить вашего сына Шах-Хайдара, мой хан, на трон в Самарканде...»

Что выиграет он сейчас, возобновив эти слухи? Разве улучшились с тех пор его отношения с потомками Хромого Тимура? И что скажут в степи, если повелит казнить этого джигита? Скажут, что, именно подозревая жену, казнил неповинного человека. Такое не прощает импрам. Людская молва чернит похуже сажи. Даже если побоятся сказать в глаза, то уж наверняка подумают. И песни станут петь об этом у каждого костра. На все века прославят и сделают посмешищем. Может ли быть ханом смешной человек?!

Но как простить все этому джигиту, тем более что Кобланды-батыр ждет удовлетворения? Неужели просто промолчать, как будто ничего не понял? В таком случае глупцом станешь выглядеть в глазах людей. Или, того лучше, сочтут трусом, разрешающем лезть в свою супружескую постель любому конюху из черни!..

Нет, этот джигит умрет! Но так это случится, что и винить не в чем будет хана, и честь его будет спасена. К тому же бояться будут больше. И пусть говорят об этом шепотом хоть в каждом доме. Совсем другой будет этот шепот: робкий, пугливый, без тени насмешки. Такой шепот никогда не повредит правителю!..

И как ему раньше не пришло в голову это самое простое решение? Разве в первый раз пользуется он таким хорошим средством? Лицо посветлело у хана Абулхаира, и уже с теплым отеческим участием взглянул он на джигита.

— Ладно, судьбу его решим тогда, когда пройдут поминки по султану Шах-Будаху, — сказал Абулхаир. — Зачем омрачать еще одним горем эти траурные дни? Увидите его, а там посмотрим, что с ним делать!..

Джигит, не сказав ни слова, повернулся к выходу, и нукеры вывели его. Но перед тем, как вышли они, хан громко и внятно сказал:

— Смотрите только, чтобы ничего не случилось с ним. Головой отвечаете за его безопасность!..

И приближенный склонил голову:

— Слушаюсь, мой повелитель-хан!

* * *

Поминки по своему умершему первенцу Шах-Будаху Абулхаир назначил через три дня. По древнему степному обычаю, поминки ничем не напоминают о погребении. Они отмечаются большим тоем, на котором как бы живым присутствует усопший. При этом не положено горевать. Устраиваются конные игры и скачки, состязания борцов и певцов.

Все самые знаменитые люди приглашены были и на этот раз. Только и разговоров было, что о предстоящем состязании известных всей степи певцов-сказителей: кипчака Казтуган-жырау с аргынским импровизатором Котан-жырау, отцом самого Акжол-бия. Язык из огненного кумача и зубы острее меча были у Казтуган-жырау, но сам он, как говорят казахи, ростом был меньше грача. Котан-жырау перевалило за девяносто, но голос его звучал, как и пятьдесят лет назад. Судьей состязания был приглашен великий Асан-Кайгы, столетний мудрец и прорицатель, слава которого осталась в веках. Потомком в шестом колене самого Майхи-бия, великого законодателя, был он, и как святого почитали его в степи еще при жизни...

Раздумывая о предстоящих поминках, Абулхаир снова вызвал Оспан-ходжу, отдал ему несколько важных распоряжений и лишь к концу, как бы между делом, сказал:

— А с этим джигитом мы разберемся на другой день после поминок, если...

Оспан-ходжа весь напрягся. Ему был хорошо знаком этот тон.

— ...Если только этот джигит сам не наложит на себя руки. Часто бывает, что виновные заканчивают счеты с жизнью, боясь предстоящего суда. А у него гордый взгляд, и вряд ли захочется ему выставить себя на позор...

Едва шевельнулись губы Оспан-ходжи:

— Да, это может случиться, мой повелитель-хан...

III

Обычай требовал, чтобы поминки справлялись в степи, на просторе, где вольно и радостно было бы успокоившейся душе степняка. К тому же предстояли скачки и конные игры, а для них необходимо много места. Вот почему решил хан Абулхаир созвать гостей на берегу озера Акколь, которое находится к западу от гор Улытау. Все без исключения беки и султаны великой степи Дешт-и-Кипчак и оседлого Мавераннахра приглашены были принять участие в этих поминках.

Изумрудно-серебристыми волнами до самого горизонта качаются здесь под ветром травы, по грудь окунается в это пряное, живое море всадник. Лишь вдаль встают над ними сизо-голубые силуэты Улытауских и Кичитауских гор, где покоятся останки знаменитого Едиге-батыра и хана Тохтамыша. На каждом шагу вспыхивают под ногами огненно-красные гроздья степной земляники и костяники, прячутся в листьях ожерелья созревшей черной смородины. Одурающе пахнут под солнцем гигантские пионы, лалы, колокольчики, озерные лилии, розы и тюльпаны всех цветов и оттенков. А в самой середине этого неповторимого безбрежного ковра литой серебряной чашей застыло озеро Акколь...

Вокруг озера и во все стороны от него ни живой души — одни лишь рышущие звери да перелетные птицы. Днем и ночью не утихает радостный тревожный голос всевозможной дичи, а на самой середине волшебной озерной глади величаво плывет дружная стая лебедей с едва оперившимися птенцами, и время от времени раздается нежный, напоминающий флейту звук их переклички между собой...

Холм синее на западной окраине, а на самом верху его стоит надгробный камень в форме застывшего идола. Этот идол-обатас представляет собой странное человекообразное существо с обвисающими усами и чашей в правой руке. Из таких чаш в степи испокон веков пьют кумыс...

Разные легенды рассказывают в народе об этих идолах. Одна из них гласит, что некогда был обычай у кипчаков, по которому на седьмой и на сороковой день после смерти достойного человека изготавливают из дерева куклу, во всем похожую на покойного, надевают на него парадные одежды, любимые им при жизни, и сажают в круг пирующих. Душа бессмертна, знают кипчаки, и она всегда находится рядом с близкими родственниками почившего. Ей, конечно, будет приятно увидеть, что живые не забыли про нее. Вселяясь в изображение покойного, она и пирует вместе со всеми, а родственники обязаны оказывать ей все необходимые почести. Они вручают кукле чашу, наполненную кумысом, ставят перед ней всевозможные яства.

Соразмерно возрасту и положению покойного приносились жертвы, начиная от одного и кончая тремя головами различного скота, взятыми девять раз, то есть двадцатью семью единицами овец или лошадей.

Как память об этих похоронах и поминках, высекались и устанавливались каменные обатасы и балбалы. Идол — обатас с чашей в руке — сам покойник, а расположенные рядом меньшего размера идола — балбалы — его близкие сподвижники и родственники...

Как-то поутру на северном берегу озера, словно в сказке, выросли триста огромных белоснежных юрт. Двенадцатикрылыми были они, и все внутри приготовлено для приема гостей: шелковые ковры лежали поверх кошмы, мягкие пуховые подушки и стеганые шелковые одеяла в избытке сложены вдоль стен. Девять больших караванов прибыло сюда накануне из Самарканда и Бухары, груженных всевозможными припасами.

А на самом красивом — западном берегу, под холмом с древними идолами, расположилась Орда — ханская ставка, и множество белых юрт разной величины словно

купались в голубой воде. Далее к югу стояли юрты ханских везирей и султанов-чингизидов. Среди них выделялась огромная — вровень с ханской — юрта Джаныбека и Керя, увенчанная белым знаменем с таким же белым конским хвостом на конце.

По восточному берегу вытянулась цепь черных юрт для многочисленных поваров и слуг, специально привезенных из Мавераннахра, а также для ловчих птиц. В двадцать рядов натянуты были за ними крепкие, сплетенные из конского волоса арканы, и к ним привязали жеребят. Три тысячи дойных кобылиц было пригнано сюда, чтобы хватило кумыса многочисленным гостям. Целыми табунами и отарами забивали ежедневно упитанных, лоснящихся коней и потерявших от ожирения способность двигаться баранов.

* * *

Неделю уже шло пиршество. В первый же день от озера Шоинды-Коль, что расположено у самого дальнего отрога горы Аргынаты, пустили в скачку-байгу триста отборных скакунов. Первый приз достался знаменитому аргамаку Тарланкоку хана Абулхаира, на котором скакал семилетний ханский внук Мухаммед-Шейбани. Растроганный хан пообещал устроить специальный той по случаю знаменательной победы. Затем началась борьба, и всех палванов-борцов победил Каражал-батыр, руки у которого были толще, чем ноги старого верблюда. Трижды девять подарков получил он, как и положено, а главным из этих ханских подарков был длинноногий верблюд-нар рыжей аравийской породы, накрытый от головы до хвоста дорогим хорасанским ковром.

Зато на конных состязаниях никто не мог сорвать с коня каракипчака Кобланды-батыра. Некоторое время, равное промежутку между двумя дойками кобылицы, противостоял ему знаменитый аргынский военачальник Акжол-бий. Но не выдержал натиска его конь, осел на колени, и судьи засчитали поражение.

Тут же проходили верблюжьи бега, женская борьба, мальчишеские состязания, и лишь после всего наступил самый волнующий и торжественный момент — состязания акынов. Много опасностей таил он для славы вождей и сильных мира сего, ибо издавна позволено было в степи акынам высмеивать слабости и пороки всех людей без оглядки на их родословную и богатство, и настоящие акыны пользовались своим правом в полной мере. На этот раз состязания обещали быть особенно острыми, потому что судьей был Асан-Кайгы.

Только что прибыл столетний Асан-Кайгы из поездки к берегам Голубого моря, как издавна называют казахи Балхаш. Он быстро слез со своей быстроногой и гладкошерстной верблюдицы и пошел прямо в ханскую юрту.

— Скажи нам, Асан-ата, можно ли на берег Голубого моря перевести нашу Орду? — спросил хан Абулхаир после необходимых приветствий. — Об этом сейчас наши раздумья...

Старец ответил незамедлительно, причем во всегдашней своей манере:

— Кто посмеет перечить мудрому хану, если вместо сочного пастбища джайляу он выберет для себя голый солончак? Что касается меня, то могу спеть тебе про берега Голубого моря:

*Лишь верблюд осилит эту пустыню в том случае,
Если наросты на его коленях будут толщиной
в четыре пальца.
И на землю, о которой спрашиваешь,
Можно посылать дожидать свои дни лишь
бесплодного старца!*

Перед тем как приступить к своим обязанностям судьи на таких ответственных состязаниях, певец обратился к хану:

— Со времени нашего предка Майхи-бия всегда получалось так, что первый приз неминуемо получал тот, кто лучше других возвеличит ханскую Орду. Но мне миновало сто лет, и я намерен нарушить привычки предков. Как-никак, а по годам мне пора быть уже среди них. Так что право мое неоспоримо, и я соглашусь судить состязания только при таком условии...

Даже хан не мог отказать в чем-либо человеку, которого почитала вся степь.

— Да исполнится твое желание, Асан-ата! — сказал Абулхаир.

И вот Асан-Кайгы представил свои условия. Первый приз присуждается тому, кто будет наиболее правдив в своих песнях и сможет возвеличить в полную силу мужество и отвагу, ум и благородство, радость и горе своего рода. Второй приз для того акына, который будет правдив по отношению к правящему хану и султанам, несущим бремя власти над людьми. А третий приз получит тот, кто предугадает будущее страны Дешт-и-Кипчак...

Но даже не в этом была новизна, а в разделении состязающихся акынов на пары. Если один будет петь о мужественных деяниях и подвигах своего племени или рода, то другой акын должен рассказать о теневых сторонах этих деяний для других родов или племен. Те же условия ставятся и перед борющимися за второй и третий призы. Утверждения одного певца-жырау должны быть опровергаемы другим, и победит тот, кого поддержит большинство слушателей...

Кипчаки, пожалуй, больше других степных родов пострадали от монгольского нашествия и еще больше — от непрерывной борьбы за власть в Золотой Орде. В конце концов единое племя распалось. Часть их откочевала на запад от низовий Едиля, другая часть отошла на восток. Великий плач стоял при расставании, и Казтуган-жырау прославился в народе своей песней расставания кипчаков с Едилем, которую спел он прямо со своего косматого аргамака:

У трех светлых рек, похожих на драгоценные
Подвески в женских украшениях,
Высился некогда мой величественный дворец.
У этих рек тощий облезлый верблюжонок
Быстро становился могучим атаном.
И если терялась в прибрежных лугах ярка,
То тысячную отару находили там на другой год!..

Мужество и богатство рода кипчаков предстояло теперь воспеть певцу. А противостоял ему почтенный старец Котан-жырау из аргынов, и это накладывало особый отпечаток на состязания. Из древнего рода певцов и прорицателей был котан, и еще отец его Сыпары-жырау горевал о судьбе своего народа, на который свалились неслыханные бедствия:

*Как может жить змея
Без рук и без ног,
Как может жить дикий кулан
Без хвоста и без гривы?*

Если каждый из них так или иначе хотел представить в более выгодном свете именно свой род, то на голову выше этих известных певцов был мудрый Асан-Кайгы. Бездонны и печальны были его песни, и, как могучая река принимает в себя бесчисленные потоки, они вбирали в себя надежды и чаяния всех казахских родов и племен.

Тысячи людей уселись вокруг ханской Орды. Те, кто ближе, сидели на коврах и расшитых кошмах, подальше — на простых войлочных подстилках, а сидящие совсем вдальке устраивались прямо на свежей зеленой траве. Древний Асан-Кайгы долгим, проникновенным взглядом осмотрел их всех, медленно обвел глазами родную степь до самого горизонта и запел:

*Истинные богатства и драгоценности
Хранятся на дне самых глубоких морей.
Истинные благородство и мудрость
Хранятся в глубинах человеческой души...
Жемчуг, что таит в себе море,
Выбрасывает на берег ураган.
Мудрость обнажается в горе,
Когда сердце изнеможет от ран...*

Это была его знаменитая песнь-размышление о судьбах родины, которую народ сохранил на века в своей благородной памяти. Спев ее как вступление к состязанию, Асан-Кайгы смахнул платком пот со своего обветренного, дубленного солнцем и годами лица и повернулся к акынам.

Наступила полная тишина, и был слышен один лишь жаворонок в небе. Асан-Кайгы кивнул головой:

— Начинай, славный Казтуган-жырау!

И запел про вольных кипчаков маленький акын... Печенегов — дальних предков каракалпаков и родственных им тюрков встретили кипчаки, перейдя в десятом веке Едиль. Они беспощадно теснили своих ослабевших родственников, продвинувшись в низовья Дона и Днепра. Здесь на их пути встали русские города, и началась непрерывная многолетняя война с внезапными набегами, примирениями, родством и новыми набегами.

Благодаря закалке, умению с детства сидеть в седле, а также свойственной кочевникам подвижности, кипчаки, несмотря на свою относительную малочисленность, представляли серьезную угрозу для пограничных крепостей, а временами и для самого Киева. Старые песни об этих набегах вспомнил Казтуган-жырау и объединил их в одну воинскую поэму о минувших временах...

* * *

Еще не умеет ходить мальчик-кипчак, а уже сидит на лошади, намертво вцепившись в гриву. А когда ноги его привыкают сами держаться за конские бока, освободившиеся руки начинают натягивать лук или бросать аркан на все, что попадает в пути. Прямо с седла, не целясь, сбивает он еле видную в небе птицу, а бегущего оленя арканит со ста шагов в одно мгновение...

Едва подрастает он, и кривой дедовский клыч дают ему в руки. Теперь он воин. Зоркие глаза его не хуже взгляда степного орла различают добычу в чистом поле, а опасность слышит он издали. Мало кому удавалось подобраться незамеченным к кипчакскому стану.

В седую древность уходит особая военная стратегия и тактика кипчаков. Страшной конной лавиной бросались всегда они на врага, засыпая его стрелами. Если противник выдерживал их натиск, они тут же поворачивали послушных коней и исчезали в степной дымке. Одобренные успехом враги порой не выдерживали и устремлялись за ними в погоню. И вдруг целый ураган стрел обрушивался на них из всех оврагов и степных балок. Возвратившиеся всадники довершали разгром, потому что ничего не было страшнее для бегущего врага, чем знаменитые кипчакские сабли-алдаспаны из синей булатной стали...

Существовал и другой прием. Когда выстраивались друг против друга основные силы, кипчаки образовывали свой знаменитый степной клин. В несколько рядов — углом вперед — строилось кипчакское войско. На острие клина были наиболее сильные и опытные батыры, а между рядами ставились вплотную одна к другой огромные степные телеги, способные задержать контратакующего врага. За этими линиями прятался резерв, готовый в любую минуту вылететь и ринуться в бой...

Еще более находчивыми были кипчаки в обороне. Когда противник превосходил их силами, они из этих же телег устраивали круговую оборону в несколько рядов, оставляя узкие кривые проходы для собственной контратаки. Когда первая линия атакующих разбивалась о телеги и все смешивалось в один клубок, из проходов выскакивали воины с острыми палашами-наркескенами, названными так потому, что ими можно было с одного удара отрубить голову громадному верблюду-нару. Ошеломленный враг откатывался от такой крепости, а в проходы снова пропусклась конница, и специально приученные лошади выскальзывали из-за телег, как щуки из камыша в степном, не тронутом людьми озере. Будто в чистом поле чувствовали они себя меж телег, в то время как попавшие туда вражеские кони ломали ноги и разбивались вместе со всадниками. Все довершали длинные кипчакские стрелы с тяжелыми наконечниками, способные пробить насквозь тело врага вместе с броней или сорвать с седла любого рыцаря.

Большое значение имело при этом место, выбранное для обороны. Если оно чем-либо не устраивало кипчакских военачальников, то по короткому сигналу натренированные всадники подцепляли к стремянам оглобли телег-тачанок, и в мгновение ока вся «крепость» перемещалась на более удобный холм. Делалось это в период затишья или в сумерках, и, пока противник протирает глаза, все уже было готово к его встрече.

Следует сказать, что опытный противник, знакомый с кипчаками, обычно и не пытался прорывать такие передвижные укрепления. Увидев поставленные вкруговую телеги, крытые воловьими и верблюжьими шкурами, он обычно отходил, дожидаясь более удобного случая...

Пользуясь своей подвижностью и относительной неуязвимостью, кипчаки что ни год совершали набеги на своих соседей, и прежде всего на Русь.

Междоусобицы многочисленных русских князей помогали кипчакам в их набегах. Не меньшая раздробленность и распри происходили в степи, а ими пользовались русские князья. В периоды сплочения русские князья наносили чувствительные удары по степнякам, особенно при Владимире Мономахе, который беспощадно расправлялся с нарушившими установленные границы кипчакскими ханами.

Умер Мономах, и с еще большей силой вспыхнула непрерывная война между вечными кочевниками и Русью. А вскоре раздался в степи мощный гул от копыт маленьких косматых монгольских коней, и бывшие враги вместе встали на их пути...

* * *

Много крови видел на своем веку столетний Асан-Кайгы. Он знал не хуже маленького, ростом с грача, певца Казтуган-жырау о лихих кипчакских набегах, которые воспевал тот сейчас, ерзая по лошадиной шкуре. И ныло его сердце, потому что не в этом нуждалась его родина...

А что противопоставит этой необузданной стихии другой певец — Котан-жырау? Сумеет ли он найти слабое место в том извечном уважении к удали и отваге, которое испокон века процветает в степи? Поймет ли народ его доводы в это проклятое время, когда люди обезумели от крови и распрей, а мудрость уснула в их душах, уступив место страстям?

Да, кровь и набеги воспевал Казтуган-жырау, видя в них смысл жизни. Вскидывая над головой старую сосновую домбру, он красивым сильным голосом призывал к новым битвам, к войне ради войны. Только так, по его мнению, утверждается человек. Словно верхом на коне, летел вперед в боевом экстазе Казтуган-жырау, прыгал, крутился волчком, снова и снова возвращаясь к исходной позиции. «Это были презирающие смерть львы... Это были люди, не знающие жалости... Какой народ сравнится с гордыми кипчаками? Где еще на земле найдете вы таких батыров?!»

И вместе со своим певцом чуть ли не плясали, сидя, люди. Казалось, дай им сейчас в руки сабли, и они начнут крошить ими направо и налево соседей, не ведая жалости. На седьмом небе от радости сидел грозный великан Кобланды-батыр, и ноздри его раздувались при каждом призыве Казтугана-жырау к войне. С гордой снисходительностью поглядывали по сторонам другие кипчакские батыры. Все они одобрительно зашумели, когда певец завершил вводную часть.

Асан-Кайгы повернулся к другому певцу:

— Теперь твоя очередь, Котан-жырау!

Погруженный в свои думы старик вскинул голову, словно боевой конь, услышавший сигнал к атаке. И сразу же невыразимо печальная мелодия полилась из-под его пальцев, тронувших простые волосяные струны. Высокая торжественность была в ней и сострадание к людям. Асан-Кайгы, не выдержав, кивнул головой, словно подтверждая, что ждал именно этого.

А старый мудрый Котан-жырау запел своим негромким, чуть надтреснутым голосом, который давно уже не слышали люди. Не тот он стал, этот голос, каким был когда-то, но слова были все те же. «Не в вечных набегах счастье, — пел он. — И не тот герой, кто привезет из похода больше добра и женщин. Где-то плачут матери по своим детям, и когда-нибудь, вернувшись из набега, найдет человек разграбленным свой собственный дом. И плакать будет тогда его мать... Да, настоящий герой лишь тот, кто ценою собственной жизни не пускает разбителя и насильника к своему дому!»

Сразу помрачнели кипчакские батыры, вернувшиеся недавно из похода. На глазах увяла их слава. Самое уязвимое место нашел Котан-жырау в их деяниях. Хоть и виноваты были ногайлинцы перед ханом Абулхаиром, но слишком жестокой была месть родичам, ушедшим в

чужие земли. Совсем по-другому выглядел в свете этого и проступок молодого батыра Саяна, заступившегося за жесрейку...

Котан-жырау далее согласился с тем, что кипчакские воины смелы и не раз, будучи в меньшинстве, побеждали превосходящего силами врага. Но всякое бывает на войне; случалось, что и они бежали перед многочисленным противником.

— Где?.. Когда?! — сразу встрепнулись кипчакские батыры, услышав такое, а Кобланды-батыр грозно нахмурил брови.

Котан-жырау успокоительно поднял руку и запел сначала о большой победе кипчаков над русскими князьями в период правления Изяслава — сына Ярослава Мудрого. Лишь накануне утихла свара между сыновьями Ярослава и полоцким князем Всеславом. Сыновья Ярослава бросили Всеслава с его детьми в темницу, и в этот момент огромное войско кипчаков выступило в поход на Русь. На реке Альма кипчакский военачальник Шерухан наголову разбил русское войско. Восставший народ, освободивший Всеслава, спас тогда Киев от окончательного поражения...

Но когда через десять лет кипчаки снова пришли на Русь, случилось по-иному. Двадцатитысячное конное войско осадило Чернигов, а выступила против них лишь трехтысячная русская дружина. И все же на реке Синяве кипчаки бежали, не выдержав натиска русских батыров. Вместе с лошадьми провалились они под лед, замерзали по пути домой, и многим не удалось добраться до родных мест. Песня-плач остались среди кипчаков об этом поражении. Такие песни есть у каждого народа, и надо чаще петь их.

Разве не говорит поражение русских на Альме о том, что слаба разьединенная страна и несчастен народ? А победа их на Синяве свидетельствует, что как бы смел ни был враг, но смелее его люди, защищающие родную землю.

Кипчакские батыры сидели в раздумье. Зато аргыны стали шумно восхвалять своего мудрого певца: «Вот это да! Вот он каков, наш великий Котан-жырау! Кто сравнится с ним в мудрости?»

Этого никак не мог вынести самолюбивый, с пламенной душой Казтуган-жырау. Он походил на скакуна, которого неожиданно огрели камчой, и рвался в бой. Снова подкинул он в небо свою домбру, и опять

полились воинственные, полные огня мелодии.

— Хорошо, что напомнил ты нам про Шерухана, мой старый друг и учитель! — воскликнул он. — Враги называли его «Шерухан-великан», и он достоин своей песни!..

Во всю силу легких запел маленький певец о бесчисленных победах Шерухана. Потом перечислял имена множества других ханов, прославившихся своими набегами на русские земли, на волжских болгар и на Византию.

Кругом опять зашумели. Только один Джаныбек задумался: «А если бы не враждовать, а держать союз с теми гяурами, какое великое казахское государство можно было бы создать? Нам тогда не стали бы страшны ни Ногайская Орда, ни Астарханское, ни Казанское ханства...»

Между тем Казтуган-жырау закричал:

— Кто посмеет кощунственно обвинить их в трусости, если даже враги чтят их удаль в своих песнях?! — и обвел воспаленными глазами сидящих, задержавшись при этом на Котане-жырау.

— Говори теперь ты, мой Котан-жырау! — разрешил Асан-Кайгы, и снова наступила тишина.

— Да, поют о них в чужих землях, только недобрые это песни! — сказал старый певец. — Это были храбрые люди, но все они погибли на чужбине. Разве мало было им простора в родных степях? Жажда богатства гнала их в набеги, а что может быть хуже ненасытного чрева! Легко доставшееся в набегах добро развращает самых достойных людей? Они предаются праздности и погрязают в безделии. Когда приходит для их родной страны пора тяжелых испытаний, они мечутся, как встревоженные куланы, не зная, куда податься...

Так не будем же петь сегодня славу тем, кто смел был в набегах! — голос старика вдруг окреп, молодые нотки появились в нем. — Давайте воспоем подлинное мужество и отвагу, которые проявляются при защите родной земли! Разве мало тому примеров было у кипчаков?

Кипчаки снова молчали. Кобланды-батыр смотрел по сторонам, нетерпеливо подергивая

ус. Каждое новое напоминание о том, что не в набегах проявляется подлинная доблесть, разрушало впечатление от его недавних подвигов. Хуже всего было то, что последний его поход совершен против родичей

А старый Асан-Кайгы не торопился, как бы давая людям вдуматься в мысли, высказанные Котаном-жырау. Ведь набеги в первую очередь совершались между самими казахскими племенами. Не проходило года, чтобы степные роды не угоняли друг у друга скот и лошадей. О каком единстве можно было говорить, если самые близкие соседи ночами нападали друг на друга? Никто не мог спокойно уснуть в степи, а хан Абулхаир поощрял это, потому что так ему легче было справиться с мятежными султанами...

Наконец Асан-Кайгы нарушил молчание. Степенно погладив длинную белую бороду и прищуривав зоркие старческие глаза, он обратился к Котан-жырау:

— Теперь, достойный жырау, поведай нам о своих предках и их достославных деяниях, чтобы мы могли выявить победителя...

Котан-жырау отпил небольшой глоток крепко настоянного кумыса, поставил на место раскрашенную деревянную чашу и снова взял в руки свой кобыз. Прекрасные, чистые, успокаивающие сердце звуки полились над степью. Казалось, сама она заговорила всеми своими травами, озерами, реками, и тихий мирный ветерок ощутили вдруг люди на своих разгоряченных лицах. Словно освободились от чего-то тяжелого их сердца, и радость жизни почувствовали они...

И когда запел старый певец, вдруг все поняли, что вовсе не надтреснут его голос, а лишь полон мудрой сдержанности. Может быть, сказалося тут благотворное влияние выпитого кумыса или то, что никого не хотел певец задеть, но голос его нравился сейчас всем: аргынам и кипчакам.

— У аргынов, так же как и кипчаков, есть древняя история. Не воинское умение аргынов хочу я воспеть, а их неукротимое желание объединиться и жить в мире со всеми казахскими родами. Что может быть нужнее сейчас для нас? Кто может воспротивиться этому естественному желанию? И вот я призываю всех: пусть перестанет литься кровь братьев и пусть спокойно спят наши жены и дети, не боясь ночного разбоя, который иные считают подвигом, достойным настоящего мужчины. И помните, что никогда еще не был счастлив разрозненный народ. Горе и гибель ждут нас, если не сумеем вовремя одуматься!..

До самых высоких нот поднялся голос старого певца, и слышно было его на всю степь. Не шелохнувшись сидели люди, и казалось им, что провидит в веках старый Котан-жырау.

Но вот опять спокойным и тихим сделался его голос:

— Издавна славились аргыны своей мудрой рассудительностью. Уважая воинский дух, они тем не менее чттили высокий человеческий ум. Хранителями нашей древней музыки, песен и хороших обычаев были они. В наших юртах есть старые книги, рассказывающие историю всего нашего народа. А разве все это — не главное при объединении народа в одно целое?!

О Асан-Кайгы! Ты — представитель самого старого из наших племен. Скажи, прав ли я, именно за эти качества воспевая свой род, а не за взаимные набеги? Что нужно сейчас нашему народу?

Медленно заглушил свой кобыз старик. Люди молчали в раздумье. И вдруг раздался молодой взволнованный голос:

— Живи тысячу лет, дорогой наш жырау!.. Расковырять щель в плотине под силу одному человеку. Вековой лес может поджечь даже слабосильный ребенок. А сколько понадобится людей, чтобы вернуть реку в русло или погасить пожар!.. Так и у нас: достаточно одного неразумного шага, чтобы разрушить мир между племенами... Да, мы аргыны, сделаем так, как говоришь ты, наш вещий певец!..

Столько страсти и доброй человеческой веры было в этом голосе, что люди простили даже крайнюю молодость говорившего. Это был Касым, сын султана Джаныбека, и в памяти степных родов навечно осталась эта речь, сказанная раньше стариков. А он — смуглолицый, горбоносый, с красивыми миндалевидными глазами — нисколько ни смутился, видя тысячи устремленных на него глаз. Только страстные огоньки горели в черных зрачках да чуть подрагивали тонкие ноздри.

Большинство людей одобрило его смелый поступок, совершенный в присутствии самого

хана. Им понравилось, что несмотря на молодость, юноша смотрит на жизнь как зрелый муж. Были и такие, кому пришлось не по душе высказанные им мысли, однако никто не посмел оборвать его, потому что был он тюре-чингизид...

Хан Абулхаир впился в него глазами. «Так вот каков ты, сын султана Джаныбека! — думал он. — Похоже на то, что дальше отца пойдешь в своих устремлениях. Разумеется, если позволят тебе сделать это другие султаны...»

Абулхаир даже улыбнулся про себя при этой мысли, но ничего не было видно по его лицу. Вся власть сейчас принадлежала Асану-Кайгы, и тот поднял голову.

— К миру во все времена стремились люди, — сказал он тихо, но все слышали его. — Ты воспел нам это великое желание своего народа, и первая награда принадлежит тебе по праву!..

Тихий гул одобрения прокатился от ханского ковра в степь, и чем дальше, тем сильнее становился он.

— Велико твое искусство, Казтуган-жырау! — Всем корпусом к маленькому певцу повернулся седобородый старец. — Ты правильно пел о смелости и мужестве батыров из своего рода, и подобны бурному Джейхуну были твои песни. Поистине непревзойденным оказался ты в этом, но допустил одну ошибку. Певец, как и воин, должен твердо знать, во имя чего совершается подвиг. Смелость и отвага сами по себе еще ничего не значат, а бывает так, что служат недостойному делу. Сколько замечательных примеров самопожертвования во имя родины показали кипчаки, но ты почему-то остановился лишь на том, как нападали они на соседей. Вечно ли петь нам эту волчью песню?

В мире и спокойствии нуждается сейчас наша степь. Только так сможем мы умножиться, укрепиться и отразить врагов, которые смотрят на все, как на проезжую дорогу. Лишь во имя единения и защиты отчего дома должны мы выхватить меч из ножен. И тогда пусть лучшие певцы восхваляют достойных!..

Я верю в тебя, мой Казтуган-жырау! Мне кажется, что ты не показал нам еще и малой доли своего великого умения. Отчего бы нам не послушать песни про другие легендарные сражения во славу родной земли и уже тогда присудить вторую награду...

* * *

Ничего в степи не было выше этих наград, и аргыны ликовали. Да и все собравшиеся остались довольны решением мудрого Асана-Кайгы. Сам Казтуган-жырау, настоящий певец и благородный человек, нисколько не обиделся, потому что старше и опытней был знаменитый Котан-жырау. И только Кобланды-батыр все крутил свой длинный ус. Вражда его с Акжол-бием обострилась до предела, и очередными происками противника казалось ему присуждение первой награды аргынскому певцу.

Асан-Кайгы, крепко державший в своих руках поводья состязания, махнул рукой Казтугану-жырау и сам подал ему домбру:

— Говори, жырау!..

И Казтуган-жырау не заставил себя долго ждать... Сейчас же запел он необходимое вступление. Но так как петь он хотел о давно минувших временах и дело касалось нашествия Чингисхана на степь, он предварительно обратился к хану Абулхаиру:

— Не моя выдумка эта песня, великий хан, а правдивый исторический рассказ. Все в нем оставлено так, как происходило в действительности. Если не понравится тебе что-нибудь сказанное о твоих предках, да простишь ты меня за это!..

«Когда есть власть в руках, можно обойтись и без мудрости». Много позже появилась эта пословица в степи, а в те времена, умело извинившись, еще можно было говорить о том, что происходило на самом деле. Только потом появились различные наказания для людей, упоминающих исторические события, про которые по тем или другим соображениям не хотелось помнить властителям. Таким недалеким властителям казалось, что стоит лишь переписать или замолчать историю — и все будет в порядке. Но рано или поздно сама история жестоко наказывала их за насилие над собой...

* * *

Сам хан вынужден был считаться в те времена со степной вольницей, потому что опирался на султанов. И неписанным законом было: «Можно отрубить голову, но нельзя отрезать язык».

Вот почему, хоть и предчувствовал хан Абулхаир, что неприятна будет ему песня Казтугана-жырау, он не показал вида и милостиво махнул рукой:

— Поэт у нас вольнее птицы!..

И совсем по-иному запел маленький певец. Словно искусный иноходец, начал он бег через века и события, постепенно убыстряя темп. Там, на дальних берегах Орхона и Керулена, два с половиной века назад началась трагедия, которой суждено было распространиться на весь мир. До сих пор отголосками ее полна родная степь, и каждое событие помнят здесь люди...

Чингисханом провозгласил себя Темучин, пращур хана Абулхаира, и уже покорены были им казахские роды керей, алшын и найман. Словно кипящая лава, выплескивались монголы на окружающие их малые племена и народности. Все, что не плавилось в этом котле в единый металл, превращалось в дым и пепел. Киргизы, буряты, ойроты разделили участь казахских родов. Лучшее в мире железо добывали тогда в верховьях Селенги и Енисея. Мечами из этого железа вооружал Чингисхан плененные им народы и посылал их во все стороны на завоевание все новых и новых земель. При малейшем неповиновении народы уничтожались, и людям казалось, что есть какой-то скрытый смысл во всем этом. Смерть всегда священна. Сыном неба стали считать Чингисхана.

Тунгусское царство си-си уничтожил Чингисхан. Море крови пролил он там, но лучшей и преданнейшей конницей в его войске стали именно всадники си-си. То же произошло с племенами та-та и с казахскими родами, кочевавшими вместе с монголами. Когда, покорив в течение трех лет Китай, двинул Чингисхан на запад свое единое племенное войско, казахские батыры в его рядах с беспощадной жестокостью обрушивали свой меч на братские роды, вставшие на пути монголов. Поистине божьим наказанием был «Потрясатель вселенной».

Не могла разрозненная степь противостоять этой силе, а великий Хорезм был накануне развала. Один за другим пали Ургенч, Самарканд, Бухара, Мерв, и черные пепелища оставались там, где недавно была жизнь...

Всадники Джучи продвигались все дальше в казахскую степь. Переправившись через Иртыш, Ишим, Тобол, Нуру, они водрузили в самой середине ее, на вершине Улытау, знамя своего улуса. Все, кто пытался противиться этому, были уничтожены. Оставшиеся в живых стали воинами Джучи, и в каждом казахском племени вскоре появились тюре-чингизиды...

Но эта была лишь половина вселенной. Многотысячное войско во главе с багатурами Джебе и Субудаем, обогнув Каспий, вошло в пределы Кавказа. И на каждом шагу монголы коварно нарушали свои клятвы, потому что не было у них ничего святого, кроме смерти. Обманом истребляли они в один день тридцать тысяч грузинских воинов. Захватив послов Ширван-шаха, под страхом смерти заставили они показать дорогу в обход Дербента. А когда аланы объединились с кипчаками для отпора монголам и те увидели, что не одолеть им объединенного войска, то подослали лазутчиков к кипчакам. «Мы — ваши братья по крови, а аланы — чужаки!» — сказали они кипчакам, и кипчаки поверили. Все храброе аланское войско было уничтожено, потому что осталось без союзников...

А кипчаки жестоко поплатились за свое легковерие. Когда распустили они по домам свое войско, монголы неожиданно повернули в кипчакскую степь и прошли по ней облавой. В русские земли и в Крым бежали оставшиеся в живых кипчаки и только там взяли за ум. Когда надвигается сама смерть, то ничто перед ней кровное родство. Куда ближе по духу оказались аланы и русские, с которыми полтора века шла у кипчаков война. Совсем недавно воспевал набеги на русские земли Казтуган-жырау, а сейчас словно осмысливал свои песни...

О славном кипчакском батыре Бошмане запел Казтуган-жырау, и высокая гордость сияла в его глазах... «Все, кого не скосили кривые сабли, преклонялись перед роком!» — писал один персидский историк о временах монгольского нашествия. Все, но не батыр Бошман. Он собрал вокруг себя вырвавшихся из тисков смерти нескольких кипчакских батыров и начал неравную борьбу. Сотнями присоединялись к нему разрозненные кипчакские джигиты, а затем башкиры, аланы, болгары. Он всех принимал к себе, и вскоре о его отряде заговорили по всему Едилю.

День и ночь гонялись за ним сотни Батыя, но он был неуловим. В волжских плавнях находили себе убежище повстанцы и нападали оттуда всякий раз на отдельные монгольские отряды, разбивая их поодиночке. В конце концов один их Батыевых военачальников — будущий хан Великой Орды — Мунке снарядил двести судов, посадил в каждое по сто воинов и прочесал плавни. Не успел он проплыть, как люди батыра Бошмана напали на хвост каравана и перебили множество монголов. Только после того, как батыр Бошман попал в засаду на одном из островов, удалось справиться с ним. Да и то монголам помогла буря, оголившая дно на подступах к этому острову. Взятых в плен раненого Бошмана монголы разрубили пополам.

Но уже поднимались на борьбу другие батыры. В песнях остались имена Баяна и Жыку, которые возглавили движение других кипчакских родов за самостоятельность, против монгольских притеснений...

Какая-то мысль все не давала покоя Казтуган-жырау. Он запел об ужасах монгольского нашествия, о которых передавали из рода в род. Кожу сдирали с людей заживо и бросали в костры детей. Тогда еще не было слова, которым люди позже стали определять такие действия, и маленький Казтуган-жырау умолк, не зная, как это назвать...

Опять неуверенно тронул он струны, посмотрел по сторонам... Да, во имя завоевания мира делали это монгольские ханы. Но для чего это было нужно им — завоевывать мир?.. И что получилось из этого? Разве не раскололась на тысячи кусков вселенская империя на другой же день после смерти Чингисхана? Счастлив ли великий завоеватель в своих потомках, остатки которых дорезывают сейчас друг друга?..

Так и не досказал этого Казтуган-жырау. С открытым ртом растерянно смотрел он на хана Абулхаира. И все люди смотрели на него. Лишь один Асан-Кайгы глядел куда-то в степь, задумчиво покачивая головой...

С самого начала исторического повествования жырау хан Абулхаир сидел не шелохнувшись, словно каменный обатас. Лишь чуть осунулось и стало бледнее его смуглое лицо, но это могли заметить только хорошо знающие его люди. А таких было немного в ханском окружении, потому что он придерживался в выборе приближенных известного Чингисханова завета.

И вдруг увидел Казтуган-жырау глаза хана!..

* * *

Повелительно поднял руку Абулхаир. Собравшиеся, которые до сих пор подзадоривали певца бодрыми криками «Ой, пале!», сразу осеклись и затихли, как ударившееся о воду пламя. Сам певец сидел ошеломленный, словно стукнули его обухом по голове.

— Уже время намаза... — сказал негромко Абулхаир. — Мы потом успеем дослушать басни этого веселого рассказчика!

Хоть и считался мусульманином хан, но что-то не замечали за ним до сих пор излишней набожности. Сейчас он вдруг быстро встал на ноги, а за ним поднялись и все остальные...

* * *

Воспользовавшись замешательством, тихо откололся от толпы Каптагай-батыр. Он прошел в свою большую белую юрту и вполголоса заговорил с сидящим на страже у входа рослым рыжим джигитом. В чекмене и малахае был тот, и рука его сжимала тяжелое боевое копьё.

— Еще не приехал? — спросил о ком-то Каптагай-батыр.

— Нет, не приехал...

Главный батыр найманов забеспокоился. Он неслышно прошелся по юрте, выглянул наружу:

— Как бы чего не случилось с ним по дороге... По моим расчетам, он должен быть уже здесь!

— Может быть, пойти мне и узнать? — спросил джигит.

— Иди!..

* * *

Каптагай-батыру было о чем беспокоиться. Настоящий богатырь-палван был он, сложенный, как говорят в степи, из верблюжьих костей. А еще говорят про таких людей, что не ведают они страха и кобру берут голыми руками. И одет он был неплохо, но если говорить откровенно, то был знаменитый батыр, что называется, нищим...

Пятнадцать кибиток своих бедных родственников-единомышленников кормил Каптагай-батыр добытыми в бою трофеями и охотой на оленей. В редкие мирные годы он брал на выпас скот и своих более богатых родственников, как простой чабан.

А два года назад, направляясь в Улытау на охоту за архарами, он попал в сильный ураган и вынужден был три дня провести в стане табунщиков, выпасавших косяки кобылиц хана Абулхаира. Там он познакомился со знаменитым охотником из рода керей Ораком. Был этот Орак известным на всю степь знатоком лошадей и умел охотиться на волков, загоня их верхом на коне до изнеможения.

Связанные общностью судеб, два неимущих батыра подружились и дали клятву верности друг другу. Еще три дня назад должен был приехать сюда Орак. Он намеревался в предстоящих скачках пустить своего аргмака по кличке Акбакай — «Белоногий» — и взять приз.

Как раз и надоумил его Каптагай-батыр. Увидев, как настигает Орак на своем коне волка в чистом поле, он сказал:

— А почему бы тебе не попытать счастья в предстоящих состязаниях? Если я хоть немного разбираюсь в лошадях, то твой Акбакай не хуже скакунов самого хана!

Орак согласился, но говорил как-то неуверенно:

— Ладно, я приеду, но боюсь, как бы кто-нибудь из них там не напакостил мне...

Каптагай-батыр не обратил тогда внимания на опасения друга, но теперь, когда Орак запаздывал по неизвестной причине, батыру вдруг вспомнились его слова. Тяжелое предчувствие стеснило ему грудь. «Почему он говорил о каких-то людях, которые могут сделать пакости?» — думал Каптагай-батыр. Не находя себе места от дум, он решил послать своего джигита к Ораку, пасшему неподалеку табуны.

И еще один человек с нетерпением ждал приезда табунщика. От тоже знал, что Орак намерен выпустить в байгу своего замечательного коня. Это была Аккозы, сноха самого хана Абулхаира, вдовствующая супруга султана Шах-Будаха, по которому справлялись сейчас поминки. Вся в черном, сидела она на невысоком холме и с тоской вглядывалась туда, откуда должен был появиться батыр Орак...

Нет, ничего греховного, такого, что могло бы давать людям пищу для кривотолков, не было между ними. Все происходило, как часто бывает в степи. Они с детства знали друг друга, но никогда не думали о любви. Потом Аккозы вдруг вознеслась высоко, к подножию ханского трона, и Орак воспринял это спокойно, как неминуемое. Даже и мысли не появилось у него, что все могло бы быть иначе. А потом умер Шах-Будах, высокий супруг Аккозы, и когда несколько дней назад она приехала в ханские табуны выбирать себе скакуна для поминок, то встретила там батыра Орака. И батыр Орак просто, как все делается в степи, сказал ей о своем желании просить ее в жены. Несмотря на бедность, он из хорошего, достойного рода и имеет право на это...

— Мне не хочется быть грешной перед богом и запятнать свою честь перед людьми, — ответила она. — Пусть пройдет поминальный пир по моему мужу, и я попрошу у его родителей разрешения на жизнь с тобой. Если согласятся они, то мы соединим свои судьбы по закону...

— А если они откажут? — встревоженно спросил Орак-батыр. — Как ни говори, а хан Абулхаир — владыка над половиной мира, и хоть я вольный батыр, но только слуга ему. Согласится ли он отдать тебя простому да еще небогатому батыру?

— Какие могут быть у него причины для отказа? — Аккозы нахмурила свои красивые, взлет брови. — Если откажет... Что же, все равно обручусь с тобой. Никому не дано второе рождение. Клянусь, выйду только за тебя, мой батыр!..

Орак-батыр ощутил такую великую радость, что, казалось, запели все мышцы его могучего тела. Легкость птицы, устремившейся в бездонную глубину неба, почувствовал он.

— Каждую минуту своей жизни готов отдать я тебе, моя Аккозы! — сказал он негромко. — И на поминках по твоему бывшему мужу буду я, чтобы не сказали люди, что не уважил я его память. Попытаю заодно счастье свое в байге на выращенном мною коне Акбакае!..

И вот теперь Орак-батыр не приехал на поминки. Это означало, что с ним произошло что-то плохое, потому что мало кто мог бы остановить в пути могучего батыра. Поэтому, уйдя с состязания акынов, одинокая Аккозы стояла сейчас на холме и напряженно вглядывалась в даль. Никто не обратил на это внимания, считая, что тоскует она по усопшему мужу...

Вовсе не потому, что невольно обличил чингизидов неосторожный Казтуган-жырау, остановил жырау хан Абулхаир. Давным-давно забыли далекую монгольскую родину многочисленные потомки «Потрясателя вселенной».

Хан Абулхаир был неглупым человеком и сразу почувствовал то общее настроение, которое умело направляли старый Асан-Кайгы с Котаном-жырау и которое отразил сейчас кипчакский певец Казтуган-жырау. Ведь больше всего в своей политике опирался хан на кипчаков, и вдруг их представитель тоже призывает к объединению, но не для завоеваний под мощной рукой хана Абулхаира, а для защиты родины. Это, по существу, и есть путь к самостоятельности казахов, чему так противился хан Абулхаир...

* * *

Да, они уже начали сближаться друг с другом! И не только джучиды играют в эту игру. По всему видно, что Джаныбек с Кереем нашли общий язык с правителями Моголистана из Джагатаева рода. Это означает, что тылы их всегда будут обеспечены. Не случайно все большее количество аулов откочевывает в пределы Моголистана, к родственникам. Вот почему такое торжество светится в глубине спокойных глаз Джаныбека и Кереев...

Только в эту минуту, после состязания двух жырау — аргына и кипчака, увидел хан Абулхаир всю глубину разверзшейся перед ним пропасти и понял, что промедление подобно смерти.

Каждый день жизни, подаренный противникам, приближает его самого к гибели. Да, они уже и здесь снюхались со всеми его врагами — явными и тайными. Он хорошо знает всех их и терпит, потому что сильному правителю нельзя без врагов. Присутствие их лишь подчеркивает его могущество и пренебрежение к ним. Но когда они сплачиваются вместе, да еще льнут к соседям, необходимо действовать решительно и беспощадно!

Вон они стоят, держась поближе друг к другу, — разноплеменные степные батыры. Много их, как из гранита вылиты они, и не напрасно, словно невзначай, поглядывает в их сторону султан Джаныбек... Нужно опередить их!

Хан Абулхаир с вплотную вставшими телохранителями направился было в юрту своей четвертой жены Рабиа-султан-бегим. Но тут к нему обратился старец Асан-Кайгы. Продолжая сидеть на почетной подушке главного судьи состязания, он в наступившей тишине проговорил в сторону хана:

*Гусь, озерный баловень,
Не оценит прелестей пустыни,
А дрофа, влюбленная в пустыню,
Пусти ее на озеро,
Умрет от тоски!..*

Это было мудро высказанное недовольство пренебрежением хана к любимому людьми состязанию. Хан Абулхаир вынужден был задержаться, но, так как не прямо к нему обращался вещий певец, он тоже не стал отвечать прямо, а только озабоченно посмотрел на солнце.

— Все мы очень истосковались по хорошему рассказу о своих предках, мой повелитель-хан, — сказал ему тогда Асан-Кайгы. — Редко стали собираться мы на такие состязания. Если для тебя обязательна сегодняшняя полуденная молитва, то позволь нам остаться и насладиться высоким искусством...

Хан Абулхаир был в затруднении. С одной стороны, необходимо было спешить, и в юрте

жены его ждал уже главный везир Бахты-ходжа, с которым он советовался по всем вопросам. С другой стороны, этот белобородый старец пользовался в степи такой любовью, что высказанное к нему неуважение может кончиться плачевно для любого правителя. Ведь это он уложил когда-то на обе лопатки самого жестокого из всех золотоордынских ханов Бердибека одной лишь строфой, вошедшей в легенду:

*Я узнал тебя по грозному челу,
Бердибек-хан!..
Куда спешишь со своим караваном?
На Едиле хочешь разбить свои юрты?..
В слезах человеческих плаваешь,
Но нигде не спасешься...
Тебя, отцеубийцу,
Какая же земля посмеет укрыть?!*

Молча стоял хан Абулхаир перед старцем, размышляя, как ему поступить. Что-то зловещее прочитал Асан-Кайгы в глазах Абулхаира. Он вдруг приподнялся с подушки, впившись взглядом в ханское лицо, и тот впервые в жизни отвел глаза в сторону. Люди вокруг замерли.

— Так вот почему ты остановил песню жырау... — тихо сказал провидец Асан-Кайгы. — Кровавый намаз задумал ты совершить, мой повелитель-хан!..

И вдруг словно прорвала плотину разума лавина гневных слов, уже не мог сдержать ее великий Асан-Кайгы. Все, что копилось в душах людей все эти годы, бросил он в лицо надменному хану:

*Даже хан, отрекшийся от справедливости,
Не будет удостоен могилы!
Ребра мои готовы разойтись,
И близка моя смерть...
Так разгони же мою тоску, хан,
И не торопись замаливать грехи!
Самый большой из них хочешь совершить:
Поджечь родной дом!..
На две части желаешь рассечь
Единый живой плод.
Горькое одиночество ждет того,
Кто уже не верит друзьям...
Забыл ты родную степь,
И болит душа старого певца-жырау...
Не вноси же раздоры и братоубийство
В единую семью!..
Кривые пути, мой хан,
Ведут во мрак...
От тебя зависит сейчас,
Быть светлой заре или черной буре!*

Что было делать хану?.. Сможет ли он заделать пролом в плотине, который сам сотворил? А в нее бьет уже всеокрушающая дикая волна истории, и не сегодня-завтра плотина разлетится в щепки!..

Единственное, что можно сейчас предпринять, это позаботиться о том, чтобы не быть смытым первой же волной. Нужно немедленно найти способ выбраться на берег из беспощадного ревушего потока. Как ответить на слова старца, сказанные прямо в лицо и выражающие скрытые думы всех этих людей, которые расселись от самого ханского холма до горизонта и ждут?..

Он так и не успел что-либо придумать, как раздался чей-то взволнованный голос:
— Кто это?.. Да минует беда нашу Орду!..

В те жестокие времена непрерывных междоусобных войн и стремительных набегов даже хан не мог быть огражден от неожиданного нападения врагов. Сплошь и рядом, пользуясь отсутствием правителя с войском, какие-нибудь беспокойные соседи, а то и просто крупные шайки разбойников нападали на оставшуюся ставку-орду и грабили все, что могли увезти. Вот почему все устремили встревоженные взоры в сторону, куда указывал закричавший джигит.

Вдали показался мчавшийся карьером всадник с подсменным конем в поводу. Сразу тревожной стала голубовато-зеленая степь.

Всадник подскакал к самому хану Абулхаиру, спрыгнул с коня, подбежал и упал лицом к земле. Только потом он поднял голову и заговорил быстро, взволнованно:

— Мой повелитель-хан, вот мой язык — отрежьте его, вот моя голова — рубите ее с плеч!.. Виноват я сам, потому что не углядел. Батыр Саян, который содержался под стражей, бежал вместе с двумя сторожившими его пасбанами...

Это был тот самый Осман-ходжа, которому накануне хан приказал охранять подсудимого как зеницу ока.

Хан Абулхаир проглотил наконец подступивший к самому горлу комок:

— А кто охранял его?

— Джигиты из рода аргын, мой повелитель-хан!

Кобланды-батыр гневно передернул плечами. Ухватившись за рукоять кинжала, он мрачно посмотрел на Акжол-бия. Но тот стоял как ни в чем не бывало, даже не посмотрел на своего врага, лишь поправил кривую саблю, висевшую у пояса.

Хан Абулхаир смотрел на них. Асан-Кайгы перевел взгляд с кинжала Кобланды-батыра на саблю Акжол-бия. И все люди смотрели на них...

И в этот миг, словно сбывалось страшное пророчество вещего Асана-Кайгы, раздался гром, и показалось, что сама земля раскололась надвое. Ясную лазурь неба стали быстро заволакивать черные тучи. Огненные стрелы полыхали в них без перерыва, и трава пригнулась в степи, будто умоляя небо о спасении.

Обеспокоенно взглянув в сторону летящей к ним бури, хан Абулхаир молча двинулся к юрте Рабиа-султан-бегим. За ним потянулась свита. Даже не посмотрел он на остающегося Асана-Кайгы и других жырау, которые с непокрытыми головами ждали бурю.

— Сегодняшний пир был пиром печали... — сказал Асан-Кайгы. — Да увенчается все это благополучным исходом!

Люди подняли руки к небу.

IV

На южном склоне гор Улытау, в самом сердце степи Дешт-и-Кипчак, стоял город Орда-Базар, ставка хана Абулхаира. Если не считать не очень высоких гор Улытау и Кичитау, то и на юг, и на север, и на запад, и на восток расстилалась безбрежная степь, в которой обитали одни лишь куланы да дикие олени. Ближайшим городом на юге

был Туркестан, который степняки называли по-древнему Яссы, а на севере — Тюмен (Тюмень), названный еще с дальних времен Тарой. Не менее десяти суток надо было скакать до ближайшего из них...

Орда-Базар некогда служил сборным пунктом бесчисленных войск Батыя перед походом на запад. Словно муравьи, сползались тумены со всех концов степи и сокрушительным потоком устремлялись туда, где закатывалось кровавое солнце. Вокруг же расстилалась зеленая степь с сочными луговыми травами, и могли прокормиться там сотни тысяч лошадей одновременно. До сих пор посреди этого степного рая высятся холмы, под которыми «Батыев курган»...

Только потому, что была здесь ханская ставка, называли Орда-Базар городом. Не было здесь присущих настоящим городам улиц и площадей, да и строений было немного. Поскольку хан Абулхаир правил в основном кочевыми и полукочевыми народами, он не решался окончательно оставить степь и перебраться в какой-нибудь из знаменитых древних городов Мавераннахра. Ханская орда, состоявшая из пяти больших аулов, не нарушая вековые традиции, все лето кочевала в степи Дешт-и-Кипчаки и лишь к осени переезжала в Орду-Базар. А летом она доходила до рек Жем и Уил на западе и до Тобола, Ишима и Нуры на востоке. Не

раз разбивал свои белые юрты хан Абулхаир на песчаном берегу Сейхун, а на следующее лето их видели уже у Голубого моря — Балхаша.

Выезд ханских аулов не зависел от одной лишь погоды, как у обычных кочевников. Каждую весну собирался ханский совет и решал, где и когда более всего необходимого этим летом присутствие хана с его войском. В одном месте необходимо было сделаться сватом какого-нибудь влиятельного султана, чтобы обеспечить себе его поддержку; в другом — ханские юрты разбивались в ближайшем соседстве с тем родом, который внушал опасения хану. В одну прекрасную ночь все аулы этого рода оказывались разгромленными «до последних копыт», как говорят в степи. Так что пути хана на джайляу были неисповедимы, и знали о них лишь самые доверенные люди...

Видимо, поэтому не стал Орда-Базар крупным городом вроде Самарканда, Бухары или Герата. Всего около двухсот каменных и глинобитных домов насчитывалось здесь, а вокруг были бесчисленные юрты и шатры, которые появлялись и исчезали в одну ночь. В центре стояло несколько небольших дворцов, изваянных лучшими зодчими Востока из знаменитого красного кирпича, который не боится времени, а венчала все белокаменная мечеть с золотым полумесяцем, могущая соперничать с лучшими мечетями Стамбула и Багдада. Неуловимым рисунком каменных кружев, отражавших древнюю степную вышивку, отличалась она от воздвигнутой Хромым Тимуром в Туркестане известной мечети над гробницей шейха Ходжи-Ахмеда-Ясави. Не было такого рисунка и в мечети, построенной Узбек-ханом в Крыму, неподалеку от Феодосии. Но никто не знал имени великого народного умельца, выткавшего это каменное чудо...

А скорее всего потому не разрастался Орда-Базар, что хотел хан Абулхаир перенести свою столицу по примеру победоносных предков в один из завоеванных городов. Но пока он не решался сделать это, чтобы не оставить без присмотра степь. Кроме того, у него была тайная надежда, что раздоры и противодействия в степи постепенно ослабнут, мятежные султаны будут подавлены, и он передаст власть над казахами одному из своих подросших сыновей, а сам раз и навсегда переедет в Отрар или Сыгнак. И станет тогда степь Дешт-и-Кипчаки надежной опорой его огромной империи, поставляющей храбрых и преданных воинов...

После неожиданно прошедшего урагана целую неделю лил необычный слепой дождь. Не дожидаясь окончания поминок по сыну, хан Абулхаир возвратился в Орда-Базар, и вместе с ним переехали поближе к столице знатные люди родов кипчак и аргын, а также султаны-чингизиды других казахских родов и племен.

Полный мрачных мыслей, вернулся в ставку хан Абулхаир, и в глазах его сверкали молнии. Еще пуще помрачнел он, когда узнал подробности побега батыра Саяна.

Все приближенные знали, что назревает что-то страшное. И многие удивились бы, узнав, что вовсе не бегство батыра Саяна послужило причиной гнева хана Абулхаира...

Для степняка нет ничего важнее конских скачек и состязаний. Вся степная политика зиждется порой на них, и малейшее отклонение от правил имеет глубокий смысл. Годами потом обсуждаются те или иные перипетии скачек, высказываются прогнозы на будущее. И вот сейчас хорошо обдуманное предприятие грозило рухнуть из-за какого-то голоштанного батыра, промышляющего лошадьми и охотой, как изголодавшийся волк.

В самом начале приготовлений к поминкам пошли слухи в народе, что батыр-табунщик Орак, выпасающий ханские табуны, намерен пустить в ханскую байгу своего скакуна Акбакай. Родовитые и богатые люди принимали участие у придворных конных играх и состязаниях, а здесь речь шла о человеке, который так или иначе является простым слугой хана.

Знать со всей степи Дешт-и-Кипчак собралась на поминки по ханскому сыну. Как мог осмелиться какой-то Орак соваться сюда со своим единственным конем! Хуже всего, что хану сообщили все сведения об этом коне по кличке Акбакай. Будто бы быстрее ветра конь Акбакай и не устоит против него ни одна из ханских чистопородных лошадей...

Вся степь будет смеяться над ханом Абулхаиром, если победит на скачках этот Орак на своем Белоногом. Чернь станет ликовать, втаптывая в песок влияние ханской власти. Для них это будет именно победой!..

А самое главное, что хан Абулхаир сам неплохо знал качества коня по кличке Акбакай. У хана была, что называется, «лошадиная» память, и он не мог забыть происшедшего два года

назад случая. Лично объезжая своего любимца Тарланкока, хан Абулхаир поехал как-то в свои табуны. Там все ловили одичавшего коня, принадлежавшего табунщику Ораку, но уже трое суток никто не мог его догнать. В пылу азарта хан сначала сам пустился за ним на своем Тарланкоке, а потом отдал своего коня лучшему наезднику. Взяв в руки курук для ловли диких коней, ханский наездник ринулся на белоногого коня, который пасся теперь в стороне от табунов.

Не тут-то было!.. Как только раздался топот копыт приближающегося Тарланкока, дикий Акбакай наострил уши и в один миг исчез в степной дымке. Словно ветер, гнался за ним не имеющий ни капли жира, специально тренированный ханский скакун, а уставший от непрерывной трехдневной погони Акбакай легко и свободно уходил от него. Едва удалось тогда заарканить коня...

Сейчас этому Акбакаю должно быть семь лет. Это тот возраст, когда у коня полностью отрастает хвост и грива и он становится наиболее выносливым и резвым. Орак-батыр тогда скромно стоял в стороне, но теперь он бросил вызов самому хану!..

И еще одну, совсем уж невероятную весть услышал от верных людей хан Абулхаир, повелитель половины мира. Орак-батыр, не имеющий даже белой юрты, достойной настоящего человека, сблизился с ханской вдовой снохой красавицей Аккозы и намеревается сразу после поминок соединить с ней свою судьбу. Сама Аккозы дала уже согласие на это неслыханное дело!..

Хан Абулхаир накануне праздника вызвал к себе верного везира Бахты-ходжу. К вечеру семеро закутанных в темные халаты людей уже маячили на дороге, по которой должен был приехать на состязания Орак-батыр...

* * *

Ночью застали они врасплох не ожидавшего нападения батыра Орака. Не дав даже крикнуть, навалились они все разом, заткнули ему рот кляпом, связали по рукам и ногам. Тут же стоял привязанный к колышку Акбакай. Ханские слуги привязали беспомощного батыра к хвосту Акбакай и принялись нахлестывать коня плетью. Обезумевший конь загремел по такыру стальными копытами. Наутро было доложено хану Абулхаиру, что батыр Орак закончил свой земной путь...

«Бахвальство — источник твоих бед, глупый батыр, — подумал хан, услышав о смерти Орака. — Ханская сноха не для грязной черни!» Но земля слухом полнится, а особенно далеко видно и слышно в степи. Сразу по возвращении с поминок узнала Аккозы о том, что случилось с Орак-батыром. Несмотря на полыхающий в груди огонь, она не показала и вида, что ей известно об этом страшном деле. Лишь тяжкая боль осталась в сердце и не давала ей дышать.

Боясь, как бы она не выкинула еще чего-нибудь, хан послал к ней своего человека, чтобы тот передал ей следующее:

— И бог, и мы благодарны ей за то мужество, с которым дожидалась она конца траура, ничем не осквернив память нашего дорогого сына. Она еще молода, и нам не хочется, чтобы она оставалась одинокой всю остальную жизнь. Пусть поэтому выходит замуж. Младший брат по закону является преемником старшего. Хоть и скончался безвременно наш любимый сын Шах-Будах, но у нас, слава аллаху, есть еще десять сыновей, и каждый из них способен удовлетворить чувства женщины. Даю ей право выбора, к кому прийти в дом...

— Хорошо, я подумаю и через три дня сама дам ответ моему повелителю-хану! — сказала Аккозы.

Через три дня Абулхаир пригласил к себе видных придворных, биев и батыров. В их присутствии он лично обратился с тем же вопросом к Аккозы:

— Дорогая и уважаемая нами сноха, ты, по-видимому, уже успела прийти к какому-то решению. Теперь сообщи нам его, чтобы мы могли готовиться к веселому тою!

Все десять сыновей стояли тут же, с нетерпеливым ожиданием уставившись на красавицу вдову. Взгляды у них были заискивающие, а глаза поблескивали, как смазанные маслом. Она безучастно посмотрела в их сторону и слегка улыбнулась:

— Словно булатные кинжалы, все десять ваших сыновей и моих братьев, мой

повелитель-хан. Они один достойнее другого, и мне невозможно выбирать между ними. Поэтому, мой хан, у меня к вам есть небольшая просьба...

— Говори! — разрешил удивленный хан.

— Скажу... Но вы должны по обычаю обещать, что выполните мою просьбу!

Хан задумался. Такой обычай действительно существовал в степи.

— Я думаю, что наша сноха сама не станет просить о том, что может лечь черным пятном на шанрак рода шейбанидов... Даю тебе слово, что исполню твою просьбу, если не противостественна она!

— Нет, это не осквернит ничью честь, а, наоборот, приумножит славу ханского рода...

— В таком случае послушаем... — Хан облегченно вздохнул. — Говори!

— Мне хочется поклясться вам на Коране! — воскликнула Аккозы и выхватила из-за пазухи маленькую книгу в черном переплете. — Вот мой Коран, хан-отец. Вознося над головой эту божью книгу, клянусь вам и всем находящимся здесь остаться навеки вдовой!

Хан гневно вскинул голову, и Аккозы упала на колени:

— Умоляю вас, хан-отец, не заставляйте меня нарушить этот обет, чтобы не заслужить мое проклятие!..

Хан Абулхаир сразу же догадался, что ей известна тайна смерти батыра Орака. В страшном гневе он решил было нарушить клятву и самолично выбрать ей мужа из своих десяти сыновей. Его взбесило то, что Аккозы променяла всех их на какого-то жалкого табунщика. Но такое его поспешное решение принесло бы бесчестие ханскому дому. Пришлось взять себя в руки.

— Я исполню твое желание, сноха!..

Он проговорил это, не поднимая головы, и все поняли, каких усилий стоило ему сказать это.

Аккозы вскочила с колен, и глаза ее сверкнули. Дав клятву, она не знала, что Орак-батыр остался жив!..

* * *

Чудо спасло несчастного батыра. Акбакай несся по ночной степи, с ужасом ощущая на хвосте прицепившееся чудовище. Голова, спина, плечи батыра колотились о землю, казалось, конец был уже неминуем... Но Акбакай влетел вдруг с разбегу в степное озеро. Волочившееся за ним тело батыра зацепилось за прибрежную корягу, а конь застрял в тине и не мог выбраться. Наутро пригнавшие на водопой лошадей табунщики нашли полуживого батыра и вытащили его на сушу. Лицо его было страшно изуродовано, глаз вытек, а сам он едва дышал. Поняв, по чьему приказу совершено это дело, друзья-табунщики тайно увезли товарища в одну из многочисленных пещер в горах Улытау, где он поправился и окреп...

Лишь пять лет спустя узнал хан Абулхаир об исцелении Орака. Некий одноглазый отчаянный батыр возглавил отряд казахской голытьбы, который нападал только на ханские караваны и угонял одни лишь ханские табуны и табуны богатеев, жестоко обидевших бедных людей. Как огня боялись батыра ханские слуги, а вскоре Абулхаиру сообщили его имя...

Но в те дни хан еще не подозревал, что жив Орак-батыр, и поэтому смирился с клятвой снохи. Десять взрослых своих сыновей, родившихся от трех первых жен и от жены-наложницы, не променял бы хан на одного своего любимца Суюнчика, родившегося от Рабиа-султан-бегим, дочери Улугбека. А всю любовь к покойному первенцу Шах-Будаху хан перенес на оставшихся после него двух своих внуков. Судьба и личная жизнь других сыновей мало интересовали хана Абулхаира.

Свой гнев на Аккозы хан отчасти умерил именно из-за любви к внукам, особенно к старшему из них — Муххамеду-Шейбани. В мальчике уже чувствовался будущий властитель-чингизид, и деду было приятно узнавать, что тот не знает пощады ни к слугам, ни к сверстникам. Даже змея любит своих детенышей и желает им добра, так что не стоило из-за минутного гнева на мать причинять боль детям...

* * *

Все чаще и чаще думал о будущем хан Абулхаир. Всякий раз он мысленно взвешивал достоинства и недостатки своих вероятных наследников. Опорой созданной им великой Орды должны они стать, а для этого нужно обладать всеми качествами правителя.

Хорошие, здоровые задатки для этого у Суюнчика. Все необходимое унаследовал он от своего прапрадеда по матери — грозного Тимура, да и от него, хана Абулхаира — потомка самого Чингисхана, взял вторую половину характера. Меньше всего слушается сердца и внук Мухаммед-Шейбани. Жизнь с каждым днем подтверждает правильность негласного выбора хана Абулхаира. Кто лучше отца и деда разглядит в сыновьях и внуках настоящих львов и барсов!..

Но пока далеко им до трона. По закону вслед за Шах-Будахом отцовский трон наследует следующий сын Шах-Хайдар. Будут ли сыновья считаться с волей отца? Не придется ли ему самому отрезвлять их головы?

Да и по полному холодной ненависти взгляду, который бросил на маленького Мухаммеда-Шейбани Бурундук, сын султана Керей, было понятно, какие испытания ждут его на пути к трону. «Сможет ли выдержать все это Мухаммед-Шейбани? — думал хан. — У него чрезмерно горячая кровь, а это порой вредит...» Прежде чем позвать из гнезда птенцов в первый полет, старый орел должен позаботиться о предотвращении опасностей, которые подстерегают их рядом с гнездом. Если водятся там змеи, орлица ни за что не даст вылететь орлятам, пока змеи не будут уничтожены. Так же и у правителей.

Трудно забыть зловещие искры в глазах квадратного Бурундука. Вот оно — змеиное потомство Урус-хана, которое необходимо выкорчевать с корнем, прежде чем выпустить в полет своих птенцов! Если хочешь, чтобы внук не был смят при первом же взмахе крыльев, не должен оставаться в живых не только султан Керей, но и его отродье!..

Еще больше опасностей на пути у Суюнчика. Со всех сторон будут угрожать враги его любимому сыну, даже от братьев нечего ему ждать пощады!

* * *

Хан Абулхаир вскочил с места и заходил по мягкому ковру. Снова вдруг вспомнилось лицо бежавшего батыра Саяна. Теперь, когда бы ни вспоминал он о сыне, невольно всплывает в памяти это проклятое лицо. Взрыв ревности к Рабиа-султан-бегим, любимой супруге, искажает черты Абулхаира. Его никто не видит, но все равно он берет себя в руки. Лицо делается бесстрастным и спокойным, как обычно...

Еще одна забота гложет хана Абулхаира. В позапрошлом году привел он из похода в прикаспийские степи трех гнедых пятилеток туркменской породы, изумляющих своей красотой и статью. О таких сильных поджарых лошадях говорят обычно, что они могут проскочить через золотое обручальное кольцо. При дележке трофеев он великодушно подарил всех троих коней своей любимой жене Рабиа-султан-бегим. «При перекочевке ты сядешь верхом на них вместе с двумя сыновьями, как и положено правнучке незабвенного Тимура!» — сказал он ей.

Несмотря на то что он когда-то взял стольный город Тимура, воевал с его потомками и насильно женился на его правнучке, хан Абулхаир чтит память великого властителя, перед которым дрожала когда-то вся Азия. И на Рабиа-султан-бегим женился он отчасти из уважения к Тимуровой крови, хоть многие его приверженцы и все жены были против этого...

Кони теперь стали семилетками, и хану захотелось включить их в соревнования. Накануне поминок он обратился к Рабиа-султан-бегим:

— Ханум, приведите трех наших гнедых на поминки. Мне хочется пустить их вместе с Тарланкоком...

Семнадцатилетней девушкой выглядела четвертая жена хана, хоть было ей уже больше тридцати лет от роду. Она взглянула на хана из-под густых ресниц каким-то особенным, присущим лишь ей одной взглядом и ответила:

— Не нужно этого делать, дорогой мой хан. Это такие замечательные кони, что все они придут первыми. Вот было бы смешно, если бы так получилось. Весь интерес бы у людей пропал... А кроме того, невозможно сейчас выставить их на скачки. Средний гнедой захромал,

его вчера смотрел костоправ Кабылбай. Две же другие лошади тоже не смогут бежать, потому что приучены быть вместе, как лебеди...

— Что же, ничего не поделаешь! — согласился с ней хан.

В ту же ночь молодой батыр Саян вместе с приставленными к нему двумя аргынами бежал на этих лошадях куда-то к Сыгнаку. По степи, как водится, пополз распространяемый недругами слух: «Каков счастливец этот Саян-батыр!.. Не только успел попользоваться молодой ханшей, но и трех его лучших скакунов угнал... Ловко обесчестил он нашего хана!»

Слухи, конечно, передавались шепотом. Но, как говорится, самый тихий шепот услышит бог, а что известно богу, то передаст он людям. Само собой разумеется, слух быстро достиг ханских ушей. Да и сам Абулхаир уже заподозрил неладное...

Вспоминая об этом, хан Абулхаир в бессилии стискивал кулаки и готов был растоптать весь мир. Но благоразумие брало верх, и он опускал руки с колокольчиком, которым хотел уже вызвать палача. Через везира Бахты-ходжу он выяснил, что ханский коновал Кабылбай канануне не осматривал его гнедых лошадей. По всему получалось, что Рабиа-султан-бегим для чего-то лгала ему. А для чего — всему миру известно, кроме обманутого мужа.

Интересно и то, что вначале коновал подтвердил слова ханум, и лишь ученики его рассказали, что Кабылбая в то время не было в городе. После этого и сам он признался во всем. По-видимому, ханум подкупила его или обещала одарить. Хану и в голову не могло прийти, что его верный везир мог все переиначить или что ученики могли в своих интересах оговорить коновала Кабылбая...

Как бы то ни было, все это раскаленным железом жгло душу хана Абулхаира. Он уже нисколько не сомневался в измене жены. Из любви к красавцу Саян-батыру пошла она на все: подкупил стражу, обеспечила лучшими ханскими лошадьми, лгала и выкручивалась перед мужем.

И все же хан простил бы ей все, как прощал до сих пор, если бы не одно обстоятельство, которое начало проясняться при расследовании побега Саян-батыра. По донесению Бахты-ходжи получалось, что именно Рабиа-султан-бегим настояла, чтобы охрану Саян-батыра поручили джигитам из рода аргын. Это означало, что она уже снюхалась каким-то образом с мятежными аргынскими султанами Джаныбеком и Кереем!..

Что же, когда все подтвердится окончательно, рука его не дрогнет. Он отомстит так, что черное пятно позора ляжет на всех тимуридов. Если они потомки Железного Хромца, то он — чингизид и докажет им, чья честь дороже!..

Что может быть позорней для жены, чем якшаться с кровными врагами своего мужа!.. Такого обвинения достаточно, чтобы лишиться жизни любимую женщину, потому что во всех преданиях клеймятся такие жены. И надо придумать для нее такую казнь, какой еще не применял никто. Пусть в веках останется рассказ о ханской мести, тогда все забудут другие, позорные для него слухи, которые гуляют сейчас по степи Дешт-и-Кипчак...

Чернее тучи ходил хан Абулхаир по ковру и придумывал казнь для своей прекрасной жены. Самое же любопытное заключалось в том, что достойная Рабиа-султан-бегим, скорее дочь своего великого отца — ученого Улугбека, чем правнучка жестокого Тимура, и в мыслях не совершала всего того, в чем подозревал ее державный супруг...

* * *

Верно было то, что просила она у хана место аталыка для молодого батыра Саяна, верно и то, что именно она помогла ему бежать, но сделано все это было совсем из других побуждений. Их трудно было понять везиру Бахты-ходже или ослепленному несправедливым гневом хану Абулхаиру.

А хан, сколько ни думал, не мог придумать ничего лучшего, чем отрубить голову неверной жене. Особая прелесть этой казни для него состояла в том, что сделано это будет по закону, установленному ее же прадедом Тимуром, — поистине ханская месть. Абулхаир даже позволил себе улыбнуться, подумав об этом...

Из всех законов, установленных на казахской земле завоевателями, самым страшным и жестоким после чингисхановских был «Свод законов о преступниках», составленный Тимуром.

А среди статей этого свода выделялась статья «О наказаниях для детей, преступных перед матерью, и для матерей, преступных перед своими детьми»

Дети сами должны были выбирать род казни для своей матери. Что можно было придумать более изощренное по своей жестокости? Еще чудовищнее выглядело такое наказание, если мать ни в чем не виновата перед детьми, а наказывают ее из-за козней и клеветы.

"Если мой Суюнчик убедится в виновности своей матери, то он, не задумываясь, приговорит ее к смерти! — размышлял Абулхаир. — И пусть он первый бросит камень... Да, да, пусть древняя казнь постигнет беспутную жену!.. Камнями пусть забросают ее. Вслед за сыном начнет метать в нее камни охочий до этого импрам. Толпе тоже понравится, что хан применяет по отношению к собственной жене освященную веками казнь!..

Это будет достойная месть! На всех тимуридов ляжет несмыываемый позор за то, что воспитали такую бесчестную дочь. Но ведь и мой Суюнчик отчасти тимурид! Ну и пусть. Даже если правда все о Рабиа-султан-бегим и нет в сыне моей крови, дело не в этом. Главное, что прекратится влияние на него опозоренных родственников со стороны матери, и он как мой сын будет управлять моей Ордой. Конечно, если это будет угодно богу!.."

Но нет сомнений быть не может, что Суюнчик — его кровный сын. Ему это, в конце концов, известно точнее, чем всем болтунам, вместе взятым. И не потому погибнет Рабиа-султан-бегим, что плотски изменила мужу. Жила бы она и здравствовала, если бы не заглядывалась в сторону аргынских султанов. Жена обязана быть частью мужа в его ненависти к врагам. И чтобы сохранить потомство Шейбани на троне хана Узбека, следует быть беспощадным. Жертвуют ушами, чтобы сохранить голову!..

«А что, если не захочет приговорить родную мать к смерти мой сын Суюнчик?.. Но имеется ведь и другой сын — Кушкинчик... Нет, именно по приговору Суюнчика, которого она любит сильнее, встретится она со смертью. И я его люблю сильнее первого сына. Так будет ей тяжелее, а мне приятней. К тому же больше будет влияния у Суюнчика, когда займет он престол. Во что бы то ни стало следует склонить его к вынесению смертного приговора матери. Семя Чингисхана и Хромого Тимура в нем, и не должен он с юных лет знать, что такое жалость. В этом и заключается вся мудрость управления слабыми людьми!..»

Звякнул серебряный колокольчик, и вошел сам великий везир Бахты-ходжа. Склонившись, доложил он, что виновный в побеге батыра Саяна Оспан-ходжа содержится в застенке в ожидании решения хана...

Абулхаир показал глазами везиру на место возле себя, и глаза Бахты-ходжи сверкнули. Так всегда было, когда хан приходил к какому-то важному решению. Наклонившись к самому уху везира, Абулхаир прошептал несколько слов. Со стороны могло показаться, что не хан с везиром, а два разбойника затевают очередной грабеж. Но, видимо, у хана были основания даже в своем дворце разговаривать таким образом.

Везир Бахты-ходжа покрылся вдруг мертвенной бледностью. Он не расслышал всего сказанного ханом, но был он настоящий везир и догадался об остальном по движению губ и блеску ханских глаз.

— Слушаюсь... слушаюсь, мой повелитель-хан! — зашептал он в ответ. — Все будет исполнено так, как вы приказываете...

На миг мелькнуло перед везиром окровавленное лицо забрасываемой камнями Рабиа-султан-бегим, ее красивое, распятое на земле тело. Радостно дрогнуло его сердце. Ибо, как все незначительные люди, остро ненавидел Бахты-ходжа все из ряда вон выходящее, в том числе и красоту. Вдобавок ко всему эта Рабиа-султан-бегим отговаривала хана от назначения Бахты-ходжа главным везиром. «Каково тебе будет теперь, моя красавица!.. Уж я все сделаю, чтобы долго не умирала ты. Всю чашу до дна выпьешь ты у меня, а на дне ее будет смерть и вечный позор!..»

— Как убедить сына в смертном грехе матери? — едва слышно спросил хан Абулхаир. — Лишь после того как уверится он до конца, следует вынести его к людям!

— Ваше желание для меня превыше всего, мой повелитель-хан! — Везир Бахты-ходжа склонился до самого ковра. — Возможное и невозможное сделаю я для этого. Но вы не все еще сказали мне...

— Что я не сказал тебе?

Хан подозрительно посмотрел на своего везира. Тот качнул головой и опять приблизил ее к ханскому уху:

— Как поступить нам с Акжол-бием?.. Он ведь тоже повинен в бегстве своего батыра. И не только он. Все аргынские султаны так или иначе виновны в этом...

Да, он был хорошим слугой, этот Бахты-ходжа, и все до конца умел прочесть в мыслях своего хозяина. Жажда мести по отношению к любимой жене на какое-то время вытеснила из головы хана другие дела, и он вначале недоуменно посмотрел на своего советника. И вдруг страшное подозрение озарило его ум. Хан Абулхаир внимательно слушал все, что говорил хитроумный везир, а в душе уже скрутилась пружина готовая к прыжку змея...

Но и Бахты-ходжа вдруг почувствовал, что где-то совершил промах. Не надо было, пожалуй, так прямо называть имя своего врага Акжол-бия. Тот, как и Рабиа-султан-бегим, отговаривал хана назначать его везиром. Хан может связать все это воедино и насторожиться. А ему сейчас необходимо полное доверие хана...

Хан Абулхаир действительно насторожился. «Может быть, зря я доверил решение судьбы Рабиа-султан-бегим этому сладкоголосому слуге? — подумал он. — Он ненавидит ее и Акжол-бия и может перегнуть в чем-либо. Между тем в таком важном деле нужны разум и хладнокровие...»

А сжатая в упругий комок змея в ханской груди так и не разжималась. И было это вовсе не потому, что лишнее сказал его верный везир. Просто слишком преданным показался он хану, а все, что делается сверх меры, обычно вызывает подозрение. Теперь эта змея изо дня в день будет напоминать о себе, пока не вопьется однажды в везира Бахты-ходжу. Виновен он или нет, не будет иметь значения. Такова судьба всех таких людей...

"В самом деле, как же решить судьбу Акжол-бия? — размышлял между тем хан. — Несомненно, что он содействовал бегству этого батыра. Верно и то, что в последнее время он приблизился к моей четвертой жене, и цель мне известна. Паутину ткут вокруг меня денно и ночью: одни знают, для чего, другие по глупости или из присущей людям подлости. Так или иначе, все они виновны, и пора уже рвать сотканые нити, пока не запутался в них!

Вот и решение судьбы Акжол-бия! Справиться с ним тем или иным способом, и сразу будут вырваны зубы у всех аргынских султанов. А потом уже нетрудно будет добраться и до их собственной шкуры!"

Опять на миг возник перед глазами злобный взгляд квадратного Бурундука, брошенный на его внука... «Мы — султаны и ханы рода Джучи — во всем похожи друг на друга, как овечьи косточки-асыки из детской игры. Разве сам я пощадил кого-нибудь из джучидов на пути к ханской белой кошме? И Бурундук когда-нибудь поступит так же. За ним стоят аргыны, которых хочу обезглавить... Трава, вырванная с корнем, не зазеленеет больше никогда. Стебельками тут не обойдешься. Если взяться корчевать, то нужно будет довести дело до конца. Раз не хочешь, чтобы распалась твоя Орда и возникла на развалинах ее новая — Белая Орда, то никого не придется жалеть. Акжол-бий готов выполнять приказы Джаныбека с Кереем, значит, смерть ему! Женщина чересчур благоволит к аргынским султанам, значит, смерть ей! А если тебя, мой везир, я подозреваю сейчас в чем-либо, то счастье твое, что не в тайной приверженности к аргынским заговорщикам. Пока что ты мой верный пес в охоте на них. С твоими делами мы еще разберемся!..»

Только в последний момент мелькнул в голове хана образ человека, наступившего спящей змее на хвост. В таком случае змея сразу просыпается, и укус ее смертелен, так как накопился в ней яд за время спячки. Кто знает, сколько яду накопилось в этом Акжол-бие и не выпустит ли он его сразу весь, попав зубами в незащищенное место... Все нужно делать по очереди...

— Раньше выполни все необходимое в отношении женщины! — холодно сказал он. — Судьбу Акжол-бия мы решим потом.

— Слушаюсь, мой повелитель-хан!..

Он вышел, пятясь назад и пригнувшись больше обычного. Хан Абулхаир проводил его задумчивым взглядом. То, что везир старается быть особенно раболепным, снова насторожило его.

Бахты-ходжа опять вдруг возник на пороге:

— О мой повелитель-хан, там вас желает видеть великий воин каракипчак Кобланды-батыр! Он хочет поклониться вам...

— Хорошо, пусть войдет!

Абулхаир взмахнул ладонью перед лицом, словно отгонял назойливые мысли, которые ползли со всех сторон и набрасывались на него, как собаки на случайно попавшего в ночной аул путника. Отогнал одних, тут же набегают новая свора — еще злее и свирепей...

Сейчас на смену заботам об аргынских султанах и неверной жене явились вдруг непрошенные мысли о правителе Самарканда — султанах Абдусаиде, дальнем родственнике. Всем обязан ему султан Абдусаид, но только на днях, не спросив даже совета, выступил он в очередной поход, чтобы закончить завоевание Хорасана, Мазандерана и других областей Ирана. Если успешно завершит он этот поход, то усилится и первым делом постарается перерезать аркан, на котором хочет держать его хан Абулхаир.

Нет, нельзя допустить этого. Султан Абдусаид сам поторопил события. Придется уже сейчас вмешиваться, чтобы передать власть над Самаркандом одному из отпрысков Тимура. Так будет спокойнее. А голова султана Абдусаида как раз созрела для топора...

Вслед за этим мысли хана Абулхаира перебрросились на Моголистан. Иса Буга-хан, правящий там, не очень обрадуется предстоящей расправе с аргынскими султанами и Акжол-бием. Он давно уже заодно с Джаныбеком и Кереем. Ох как нужен тут хороший курук с крепкой петлей на конце, чтобы отвести этого моголистанского владыку на положенное ему место в конюшне...

Рано или поздно, но столкновение с ним неизбежно. Может быть, уже пора начинать поход против него? Там горы и снег, в Моголистане. Выдержит ли здоровье?.. Знаменитый лекарь-дервиш Абдразак Нахчивани, предки которого были вывезены с Кавказа в качестве рабов Хромым Тимуром и приняли мусульманство, только вчера осматривал его. «О великий хан, соль оседает в ваших костях, — сказал он. — Поменьше надо ездить вам и побольше сидеть в горячих ключах, которые есть в Мавераннахре».

Можно ли пренебрегать своим здоровьем? Недостаточно опытны еще его наследники. К тому же когда умрешь, то три шага в длину будет твоя могила. Стоит ли беспокоиться при жизни, воевать, строить государство, казнить?

Ему вспомнилась притча Чингисхана. «Потрясателю вселенной» перевалило уже за сорок лет, и он к тому времени начал оправдывать свое громкое прозвище. Однажды на охоте молодой нойон Субудай-багатур вскрикнул и указал на подножие высокой скалы:

— Поглядите, мой повелитель-хан!

Звонкий ручей вытекал из-под скалы, и стадо оленей пило из него воду. Поскольку ветер дул от них, красивые животные не заметили, как подъехали к ним люди. Нойон Субудай-багатур вскинул лук и прицелился в вожака, но Чингисхан повелительно поднял руку, запрещая стрелять.

Дело в том, что хан в этот миг увидел не менее удивительную картину. Он даже подался вперед всем туловищем, чтобы лучше разглядеть происходящее. Тут и сопровождающие его люди увидели огромного пестрого удава пятисаженной длины, который подбирался к оленям с противоположной стороны.

Нетерпеливый Субудай-багатур быстро прицелился в удава, но хан снова отвел его руку. Видимо, почуввав опасность, олени в этот момент тревожно вскинулись и бросились в разные стороны. Но было уже поздно: словно брошенная с размаха пружина, раскрутилось громадное тело удава, молнией сверкнуло в воздухе, и олененок жалобно закричал, забился в смертельных объятиях. Второй раз он уже не успел крикнуть: хрустнули его кости, и весь он превратился в мешок с теплым мясом. А удав растянулся во всю длину, широко раскрыл свою страшную пасть и приготовился к завтраку.

В третий раз натянул тетиву Субудай-багатур, но и на этот раз запретил ему стрелять Чингисхан. Едва успел коснуться удав оленьей головы, как громадная тень закрыла его. Откуда ни возьмись, камнем свалился на удава горный орел. Началось единоборство великанов, ибо орел был под стать удаву.

В сцепившемся клубке невозможно было разглядеть, где змея, а где орел. Это поистине была царская битва: владыка змей вступил в борьбу с поднебесным владыкой. Они душили,

терзали друг друга, и клочья мяса летели в разные стороны. Орел, видимо, так глубоко вонзил свои острые когти в тело змеи, что она ничего не могла сделать при всей своей могучей силе. Когда удав наконец вытянул в смертельной агонии тело, люди увидели, что орел всадил когти ему в шею и позвоночник, переломив его пополам. С орлом, по существу, сражалась лишь извивающаяся часть хвоста.

Острыми и длинными когтями разорвал орел тело змеи и принялся жадно терзать кровавое мясо. Насытившись, поднял он лежавшего в стороне олененка и, распластав мощные крылья, с победным клекотом понес его ввысь, туда, где на скале ждали его птенцы. Люди провожали его глазами.

А когда орел улетел, они стали рассматривать поверженную змею. Сто лет надо было прожить ей, чтобы достигнуть такого роста. Один из багатуров спросил Чингисхана:

— О великий хан! Не можешь ли ты сказать, почему орел вначале набросился на невкусное мясо старой змеи и только потом вернулся к оленьему, которое моложе и вкусней?

— Нет ничего вкуснее вражьего мяса! — ответил Чингисхан. — А еще более вкусным становится оно, когда сам повергнешь врага в смертельной битве...

На этом притча не кончается. Через много лет, незадолго перед смертью, Чингисхан снова поехал на охоту. Когда они проезжали мимо знакомой скалы, Субудай-багатур, ставший уже пожилым человеком, опять показал рукой вверх:

— Посмотрите, великий каган!

Та же голая черная скала уходила в небо, а по ней, извиваясь всем телом, ползла к вершине трехметровая змея. Она добралась уже до середины своего пути, и было видно, с каким трудом дается ей каждый вершок вверх. Если бы она сорвалась оттуда, мокрое место осталось бы от нее...

Несомненно, это был детеныш того самого удава, который погиб когда-то в орлиных когтях. Что же влекло его на неприступную скалу? Люди присмотрелись и увидели на самой вершине орлиное гнездо. Была середина лета, и там, на огромной высоте, сидели еще не оперившиеся орлята. То и дело слышался их тревожный призывный клекот, словно они чувствовали приближение смерти. И люди поняли, что подросший удав во что бы то ни стало хочет отомстить орлу за смерть своей матери, убив орлят...

И тогда в четвертый раз вскинул свой лук Субудай-багатур. И Чингисхан остановил его в четвертый раз...

Молодой удав все полз, медленно и упорно. Три-четыре сажени оставалось уже до гнезда. Стоило ему приложить одно небольшое усилие, и он напился бы теплой крови орлят. Он приподнялся над гнездом, разинул пасть, и в это время раздался свист орлиных крыльев...

* * *

Но не те уже были крылья у старого орла. Взмах их был не так широк, и не чувствовалось прежней силы в когтистых лапах. Отважный по природе, он не отступил и грудью бросился на защиту родного гнезда. Ухватив молодого сильного удава, орел сорвал его со скалы, и они вместе упали в пропасть. Орел еще попытался было взлететь с гордым победным клекотом, но змея успела поразить его перед смертью. Переломанное под корень крыло не выдержало вторичного взмаха, и орел грохнулся о скалы. Он падал, теряя перья и окрашивая алой кровью камни. В последний раз перевернувшись, упал он и затих...

В молчании подъехали люди к мертвой птице. Все были под впечатлением только что происшедшей на их глазах трагедии. Чингисхан посмотрел на орла и воскликнул:

— Вот вершина счастья!.. В первом случае, будучи молодым и могучим, он победил своего врага в смертельном бою. А в старости погиб, напившись в последний раз крови детеныша своего врага и не дав погубить свое потомство!.. Пока теперь вырастут для мести новые змееныши, его орлята станут взрослыми и сами будут в состоянии защищать себя и своих детей...

После этого Чингисхан обратился к своим детям и призвал их быть во всем подобными этому орлу: уничтожать без жалости всех, кто может хотя бы в отдаленном будущем повредить чингизидам, а с бранным миром прощаться, впившись когтями во врага и грозным клекотом

возвещая свою победу.

Хан Абулхаир стоял теперь, глядя куда-то в узкое окно. «Много притч оставлено Чингисханом в назидание, и все они из жизни птиц и зверей, — думал он. — Разве не в этом великая мудрость предка? Все повторяется у людей, и всегда выигрывает тот, кто следует велениям природы. Потому и преуспел в своих завоеваниях Чингисхан, что подражал во всем львам и барсам. Когда было необходимо, становился он лисицей, а при случае не стеснялся быть и гиеной...»

И тут почему-то вспомнились хану Абулхаиру прошедшие состязания акынов. Что-то другое пытались утверждать столетний Асан-Кайгы, старый Котан-жырау, а за ними и маленький Казтуган-жырау. Какая-то непонятная мудрость была у них. Выходило, что человек должен вести себя по-особенному, иначе, чем орлы или волки. Как будто не одна и та же природа у зверя и человека!..

Он понял, что именно это и разъярило его в первую очередь. Извечные аргынские умники мутят чистую воду — всякие жырау, музыканты, певцы, книжные мудрецы. Они всегда выступают против властителей, такие люди, и не случайно его великий предок в первую голову охотился на них в захваченных странах. Под самый корень надо уничтожить это ядовитое семя !..

* * *

Но почему импрам — безликая степная толпа — с таким восторгом принимает их ложную мудрость? Может быть, правы они и есть сила в их мудрости? Объединения казахской степи хотят они, а это означает раскол его Орды. Что же, посмотрим, что сильнее: мудрые притчи Чингисхана или песни голоштаных жырау!..

Как спросил тогда этот Казтуган-жырау, наученный аргынами?.. Где теперь монголы? Где великая держава, созданная его предком? Но жив пока он, хан Абулхаир, и многие земли под его рукой! Так и пребудет в веках, потому что лишь тех властителей ждет успех, которые плюют на всяких умников и верны мудрости Чингисхана...

Как будто есть какая-то другая сила, кроме страха смерти, для объединения людей? Он, хан Абулхаир, верный заветам предков, создает такое государство, которое будет жить тысячу лет!

А человек? Что человек!.. В той же притче намекается, от кого воспринял Чингисхан свою знаменитую казнь. Человека переворачивают головой вниз, слегка нажимают, и позвоночник его ломается еще легче, чем у змеи, которая сражалась с орлом...

— Мой повелитель-хан!..

Абулхаир вздрогнул от неожиданности и схватился за висящий у пояса кинжал...

Это был Кобланды-батыр. Войдя в зал и увидев задумавшегося хана, он не решился мешать ему и долго стоял в безмолвии у самого порога. Несмотря на преклонный возраст, батыр был по-прежнему нетерпелив. К тому же дела, которые привели его сюда, не ждали отлагательства. И каракипчак Кобланды-батыр нарушил тишину.

Голос у батыра был как из громадного пустого кувшина, в котором хранят зерно в Мавераннахре. А еще такие звуки издает надутый детьми пустой желудок лошади или быка, когда по нему ударяют палкой. Так или иначе, но смотревший в окно хан невольно схватился за оружие, и от батыра не укрылся этот жест.

— Не бойтесь, я вам не враг, мой хан! — воскликнул он.

«Да... да... Он враг Акжол-бию», — подумал Абулхаир. В душе он горько пожалел, что выдал свой испуг подчиненному батыру. Такие промахи опасны для властителя. И новая волна досады прилила к сердцу. «Полмира под моей ногой, а я вечно дрожу, как последний заяц в своей норе!.. По поводу и без повода боюсь всякого входящего. Такова судьба власть имущих!..»

— Ты просто зашел проведать меня, мой батыр? — спросил хан обычным бесстрастным голосом.

— Нет, я по важному делу, мой повелитель-хан... Все о том же проклятом Акжол-бие!..

«Значит, и этот храбрец догадывается, о чем мои заботы!..» Хан Абулхаир посмотрел в

глаза батыра. Нескрываемая ненависть к своему извечному сопернику Акжол-бию светилась в них. Что же, так и должно быть. Подчиненные обязаны враждовать из-за благоволения хозяина. Пусть грызутся кобели из-за кости, которая у него в руках. Пускай задирают всякий раз друг друга и захлебываются в собственной крови. Для ханской власти от этого только польза. Правда, он знает — ни народ с народом, ни род с родом не станут враждовать между собой, если не натравить их друг на друга. Но разве не для того и существуют ханы и султаны?.. Только следует быть зорким и не упустить подходящего момента... Что-то об этом сказано в одной из притч Чингисхана.

Как бы не сплотились эти роды. Вот когда действительно нависнет опасность над его Ордой. Даже страшно подумать об этом!..

Давно уже, исходя из этих соображений, подливал масла в огонь раздора между двумя знаменитыми батырами хан Абулхаир. Но борьба между батырами пока что оставалась их личным делом. Роды аргын и кипчак жили в мире и согласии. Привыкший к тому, что подобные стычки быстро перерастали в междоусобицу, хан был неприятно удивлен этим.

Долгое время ничего не удавалось ему сделать. Если не говорить о конских скачках и поэтических состязаниях, во время которых порой и вспыхивали перебранки между аргынами и кипчаками, ни разу еще не произошло серьезного столкновения с кровопролитием. И снова усмотрел в этом хан происки Джаныбека с Кереем. Именно они хотят сплотить против него казахские роды и племена. До самого высокого накала дошла его ненависть, и что бы теперь ни случилось неприятного в государстве или в его собственной семье, везде хан Абулхаир видел руку мятежных султанов...

Но истинная причина нынешнего мира между родами заключалась совсем в другом. Скотоводство было единственным средством существования для казахских родов, а при кочевьях, разбросанных на тысячи километров по бескрайней степи, просто невозможна чрезмерная централизация, которую пыталась осуществить ханская власть. Здесь обязательно нужно было местное самоуправление, а это входило в непримиримое противоречие с государством, сколоченным наспех удачливым ханом Абулхаиром из обломков таких же предшествующих ему империй.

Однако вместе с этим казахи не могли не чувствовать, что если по-прежнему будут враждовать между собой, то станут легкой добычей завоевателей, как случилось уже во времена Чингисхана и Тимура. Степные роды и племена не могли в одиночестве обороняться от усилившихся врагов и все чаще обращались за братской помощью и поддержкой друг к другу. Этого не учитывал хан Абулхаир, но это хорошо чувствовали наиболее умные степные султаны.

* * *

Пока еще не шла речь о сплочении воедино всех казахских родов и племен. Дело ограничивалось союзами между теми, чьи кочевья располагались по соседству. В этой исторической мешанине уже явственно вырисовывались три союза родственных племен, или три жуза, как назывались эти объединения. Особенно важен был в этих условиях мир и дружба между наиболее могущественными родами, аргынами и кипчаками. Понимающие это бии и батыры из обоих родов, несмотря на противоборство Кобланды-батыра с Акжол-бием, не допускали до межродовой размолвки. Особую миротворческую роль играли такие авторитетные певцы-прорицатели, как Асан-Кайгы, Котан-жырау и их многочисленные ученики и подражатели. Огромным уважением пользовались они во всех родах, и песни их отражали стремление всего народа к объединению...

Верные люди хана Абулхаира при каждом удобном случае утверждали, что непокорные аргынские султаны и их сообщники виноваты в размолвке двух видных батыров. Сам хан принимал активное участие в разжигании вражды. Он и на этот раз не изменил своему обыкновению.

— Зачем напомнил ты мне об этом невоздержанном на язык бие? — грустно спросил хан Абулхаир и опустил голову. — Не только тебя поминает он порой нехорошими словами, но и меня...

Как бы между прочим сказал это хан, но Кобланды-батыр сразу сжал кулаки.

При всей своей осведомленности хан Абулхаир не знал, что, кроме очевидных причин, есть еще одна, которая делает этих батыров непримиримыми врагами. Он раздувал огонь всегда с одной и той же стороны. Надеясь на развязку, хан терпел даже то, что порой навязывали ему оба противника.

— Коль глумится над ними этот выродок, следует достойно наказать его! — громыхнул Кобланды-батыр.

— У Акжол-бия немало сил... Да и влияние его среди казахов огромно. Нет ни одного батыра, которого уважали бы так люди...

— Кто его уважает, кроме аргынских недоумков! — взвился Кобланды-батыр. — А вы только потворствуете ему во всем. Даже бегство Саяна простили ему. Ведь это дело его рук!

— Знаю...

— А если знаете и есть у вас настоящие улики против него, то почему не сломаете ему шею?

Абулхаир улыбнулся и развел руками:

— Нельзя этого делать... Я же говорил тебе, мой батыр, что у него много сил!

Кобланды-батыр весь побагровел:

— Какие там у него силы? Что может сделать толпа аргынских джигитов, для которых слово главное дела? Песни и краснобайство — их повседневное занятие. Дайте мне ваше соизволение, и я с десятью своими джигитами среди бела дня разгромлю аул этого Акжол-бия!..

— А разве аул Акжол-бия не стоит по соседству с аулами Джаныбека и Керее? — деловито осведомился хан, показывая, что всерьез обдумывает предложение Кобланды-батыра. — Султаны не промолчат, увидя, как ты громишь аул Акжол-бия...

— В таком случае, и их не минует моя дубина! — уже в полный голос сказал несдержанный батыр и погрозил кулаком в пространство. — Пусть только сунутся!..

Но хан Абулхаир уже не слушал его. "Нет, так поступать нельзя, — думал он. — Дай сегодня простолоюдину понюхать султанской крови, завтра ему захочется отведать ханской. Нельзя доводить дело до крайности. «Снег падает на снег, хан садится на место другого хана». Мы все чингизиды, и невыгодно нам привлекать к решению споров между собой кого бы то ни было!

Да, наше дело — пускать друг другу кровь, и я сам расправлюсь с султанами. Но что ответить этому прославленному батыру? Он ведь ждет, и его двадцатибатманная палица готова обрушиться на любую голову — знатную и незнатную... Плохо это или хорошо, а нужно дать ему потешиться!.."

— Я думаю, что если не станет бия Акжола, то Джаныбек с Кереем сразу сделаются смиренными... — Хан сделал движение, словно стирая несуществующий пот со лба. — Но как бы тебе не ошибиться и самому не попасть впросак?..

Словно чужое и безразличное для себя дело обсуждал с Кобланды-батыром хан Абулхаир. Он вроде бы немного сочувствовал Акжол-бию и соглашался на крайние меры лишь из дружеского расположения к каракипчакскому батыру. Но тот чужд был хорошего тона и гнул свое:

— Если так, то прошу вашего разрешения уничтожить одного лишь Акжол-бия. Уж он заплещет у меня!..

— Как я могу дать тебе разрешение? — Хан даже развел руками от удивления. — Да к тому же есть ли необходимость нападать на целый аул с десятью джигитами? Можно подумать, что настоящий батыр не одолеет этого бия в личном поединке. Правда, в наши дни перевелись что-то подлинные батыры. Ты сам намекал на это, когда говорил о проступке бежавшего Саяна...

Кобланды-батыр мрачно посмотрел на хана. Он взял себя в руки и больше не возвышал голос. Как и положено в разговоре с ханом, каракипчакский батыр склонил голову и спросил:

— А что, если этот бий не захочет вступить со мной в поединок, мой повелитель-хан?

— Да, это серьезное возражение... Правда, в добрые старые времена батыр подстерегал своего врага на узкой дорожке, и один из двоих уже не возвращался домой. Но теперь это невозможно. Я сам подтвердил смертную казнь на разбой и жестоко покараю каждого, кто

нарушит закон. Если, конечно, буду уверен в виновности того батыра, который решил постоять за свою честь. Обычно я сам разбираюсь в таких делах...

Хан Абулхаир смотрел прямо в глаза Кобланды-батыру. Тот наконец понял, и глаза его стали наливаясь кровью. Смуглый от природы, он весь посерел, и лиловые жилки вздулись у него на висках.

«Неужели для того чтобы убить какого-нибудь батыра, я должен подстергать его в степи, как разбойник! — возмущенно думал он. — Нет, Кобланды-батыр не предатель или трус. Убить или быть убитым он может позволить себе только в открытом бою!»

И хан догадался, что задело за живое Кобланды-батыра. Не дав додумать ему до конца, он заговорил повелительным тоном:

— Открытый бой разрушит мир в народе, и я запрещаю тебе его. Для ханской Орды важно, чтобы преданные нам роды жили в мире и дружбе. А хочешь отомстить врагу — твое дело. Но нас не вмешивай в свои дела!..

— Слушаюсь, мой повелитель-хан!..

Теперь простодушный батыр опять верил своему хану. Действительно, что хорошего, если из-за ссоры с бием Акжолом передерутся аргыны и кипчаки. Конечно, он при первой же встрече убьет этого бия, но сделает это наедине. Сердце его требует мести, и не убить врага он просто не может. По всем правилам будет бой между ними, как и положено честным батырам...

— Вы мудро рассудили, мой хан... Теперь все будет решать сила батыровых рук да острота двухконечных копий!..

— И Бог поможет тому, кто из вас прав! — добавил от себя хан Абулхаир.

Батыр низко склонился перед ним, потом повернулся и вышел.

* * *

Все до мелочей продумал хан Абулхаир. Как только распространится слух об убийстве Акжол-бия, Джаныбек с Кереем немедленно сядут на коней и прискачут в ставку с требованием кровавого выкупа за убитого. В этот момент, пока они не успели еще взбаламутить многочисленных аргынов и стянуть их силы с отдаленных кочевий, можно предъявить им обвинение в мятеже. Они станут сопротивляться, а в свалке легко будет покончить с обоими. В глазах толпы все будет оправдано. Хан обязан заботиться о единстве своего народа и жестоко карать сеющих смуту. К тому же оба султана будут мертвы, и некому будет возглавить недовольных...

Придя к такому решению, хан Абулхаир тут же взялся за его осуществление. К вечеру он вызвал к себе главного багатура ханской охраны батыра Кара-Оспана из рода найман и приказал ему держать в боевой готовности все имеющиеся при ставке силы.

— Слушаюсь, мой повелитель-хан! — склонился Кара-Оспан.

Через несколько минут полетели от него в разные стороны на быстрых конях гонцы с приказом всем конным сотням стянуться утром к ханскому дворцу. Один из гонцов особенно торопился. Он вез сообщение о необычном распоряжении хана Абулхаира, адресованное аргынскому султану Джаныбеку. Найманит Кара-Оспан предупреждал своих друзей, что им следует опасаться чего-нибудь неожиданного, и обещал держать их в курсе всего происходящего в ханской ставке. Встревоженный султан Джаныбек тут же известил обо всем Керее и приказал своим джигитам быть настороже...

Два дня назад Акжол-бий с двумя джигитами отправился на соколиную охоту в сторону гор Аиртау. Красноглазые злые соколы и ястребы, истосковавшиеся за время поминок по свежей крови, обрадовали охотников богатым уловом...

Неделю охотились они, переезжая с места на место, и подменные кони были нагружены связками огненно-рыжих лис и черно-бурых корсаков. К концу недели их разыскал наконец посланец султана Джаныбека. «В ханской ставке творится что-то непонятное, — сообщил он. — Чтобы не попасть в какую-нибудь беду, Акжол-бию лучше было бы возвратиться домой».

Акжол-бий знал, что султан Джаныбек не станет его беспокоить по пустякам. В тот же день он поспешил обратно. Спустившись с гор, он и оба джигита дали в полдень отдых

лошадям на южном берегу реки Джангабыл, где когда-то находилась ставка хана Джучи. Все было спокойно в степи, но вдруг откуда ни возьмись появился каракипчак Кобланды-батыр в сопровождении десяти жасаков. Мрачнее тучи было его лицо, весь он был закутан в кольчугу и не слезал со своего коня, красавца Коксандака.

— Куда держишь путь, славный Кобланды-батыр? — спросил у него Акжол-бий, спокойно лежавший на траве у самой воды.

— Если ты не баба, то выходи на смертный бой! — закричал своим громовым голосом Кобланды-батыр. — В любом случае тебя ждет только смерть!..

И он завертел над головой своей страшной палицей, утолщенный конец которой величиной с детскую голову был залит свинцом.

— О батыр, неужели можно вызывать на поединок в голой степи? — удивленно воскликнул сопровождающий Акжол-бия молодой черноусый джигит. — Такие вещи у нас делаются при народе!..

— Не хочешь ли ты, щенок, чтобы я тебя раньше огрел этой дубиной? — загремел Кобланды-батыр. — Убирайся-ка поскорее с дороги и не суйся не в свое дело!

* * *

Акжол-бий хорошо знал, насколько сильна к нему ненависть кипчакского батыра, и не стал даже разговаривать с ним. «Посмотрим, что суждено мне от Бога!» — пробормотал он и велел джигиту привести своего стреноженного коня Акжанбаса. За неимением под рукой другого оружия, он взял простую березовую дубину, с которой охотился на лисиц и волков. Но так и не дав ему приготовиться, нетерпеливый Кобланды-батыр погнал своего коня в его сторону...

Едва успел повернуться Акжол-бий, как кипчакский батыр надвинулся на него всей массой — своей и коня. Пытаясь замахнуться дубиной, Акжол-бий угодил по закованному в латы плечу противника. Но в этот момент конь батыра всей грудью ударил не успевшего разбежаться коня Акжол-бия, и Кобланды с ходу опустил палицу на прикрытую лишь меховым малахаем голову своего врага. Череп Акжол-бия разлетелся на мелкие куски, а огромное тело рухнуло на песок. В ту же минуту, даже не придерживав коня, Кобланды-батыр умчался в степь. За ним ускакали жасаки...

Оба джигита, ошеломленные всем происшедшим, не сразу пришли в себя. Еле подняв на коня безголовое тело, они поехали в сторону Орда-Базара. Еще с дороги отправили нарочного в аргынские аулы с вестью о случившемся...

Хан Абулхаир в это время беседовал в своем дворце с везиром Бахты-ходжой. Тот со всеми подробностями докладывал, как продвигается задуманное дело...

Султан Суюнчик не поверил вначале в преступность своей матери. Он как будто даже бросился на везира с обнаженным кинжалом в руке, воскликнув при этом: «Ты клеветешь на родившую меня женщину, гнусный пес!» Но когда он услышал, что об этой истории знает сам хан-отец, то успокоился. «Если ты трусишь и не осмелишься, как подобает мужчине-батыру, вынести ей смертный приговор, это все равно сделает твой отец!» — сказал ему везир. И еще говорил с ним Бахты-ходжа, что он должен быть достойным потомком Чингисхана, а тот не знал, что такое жалость. Женщинам приличествует она, и лишь трус может испытать это подлое чувство...

В конце концов султан Суюнчик согласился всенародно приговорить свою мать к смерти. Но коварный везир скрыл кое-какие подробности от самого хана. Несколько по-иному разговаривал он с юным султаном, который не в пример другим ханским наследникам был в близких отношениях с Бахты-ходжой.

Пользуясь своей дружбой, везир Бахты-ходжа отозвал юного султана в укромное место и долго сидел, не смея начать разговор. Понявший это Суюнчик сам пришел ему на помощь.

— Говори, ученый Бахты-ходжа, — сказал он. — Ты, кажется, скрываешь от меня что-то интересное!

— Что правда, то правда! — двусмысленно отвечал везир.

— Если эта тайна предназначена только для меня, то мои уши в твоём распоряжении, а

ключ от моего рта у тебя, в кармане!

— Да, это предназначено только для тебя. Нет страшнее тайны, и от нее зависит все твое будущее...

— Говори же! — воскликнул Суюнчик.

Едва родившись, встретился он со всевозможными дворцовыми интригами и теперь насторожился. Первая мысль была о себе: «Неужели мне грозит откуда-нибудь опасность?!» А хитрый везир, словно в раскрытой книге, читал в его мыслях.

— Для того и рождается на свет орленок, чтобы стать орлом! — назидательно начал он. — Твой великий отец — хан Абулхаир, едва ему исполнилось семнадцать лет, правил всей степью Дешт-и-Кипчак. А ты моложе всего на четыре года, но никак не отделаешься от соблазна гарцевать целыми днями на лошади и качаться на качелях. Птенец, вовремя не вылупившийся из яйца, задохнется в скорлупе. А наследник, вовремя не занявший ханский престол, осужден на вечное страдание. День и ночь мерещатся ему упущенная из рук власть, и нет ничего страшнее этого!..

При упоминании о ханском троне у Суюнчика мгновенно вспыхнули глаза. Везир хорошо знал эти хищные огоньки в зрачках и специально добивался их появления. Теперь он умолк на несколько минут, словно погрузившись в думы, и лишь искоса, незаметно, наблюдал за своим учеником. Как он и ожидал, Суюнчик не выдержал.

— Как могу я хотя бы мечтать о ханском троне, если есть у меня другие братья, считающие себя старше и умнее! — вскричал он. — Они ведь тоже ханской крови...

Бахты-ходжа важно кивнул головой.

— Сын простолюдина — сын твоего отца, и только, — сказал он, продолжая прерванную беседу. — Сын хана — наследник престола и страны. Во все времена и у всех народов трудно было занять престол, ибо он один, а претендентов обычно несколько. Только мужественные, сильные люди достигали заветной цели. А на пути к ней всегда лежали трупы и лилась кровь. Чем больше крови проливали они, тем крепче было их правление.

— Да, но почему мы говорим об этом, когда наш ханствующий родитель не достиг еще и пятидесятилетнего возраста?

— Хан считается молодым, пока его сыновья считают себя не достигшими совершеннолетия. А если они до старости считают себя детьми, то хан вечно остается молодым. Стоило только наследнику выказать себя достойным ханской булавы, и хан живо превращается в одряхлевшего старика!

Суюнчик помрачнел.

— Ты хочешь... — начал он.

Везир вкрадчиво улыбнулся:

— Потерпи немного, потому что я еще не высказался до конца... Нет, я ни в коем случае не хочу противопоставлять тебя ханствующему отцу. Молодой жеребец в табуне без чьих бы то ни было советов сам прогоняет старую клячу, когда приходит время. У тебя еще будет время доказать, насколько ты чтить отца. Но моя обязанность предупредить тебя...

Тут Бахты-ходжа приблизил губы к самому уху наследника и заговорил тихо, убеждающе:

— Дело в том, что высокочтимый хан Абулхаир страдает неизлечимым недугом. Не исключена возможность, что не сегодня-завтра он окажется прикованным к ложу. Сам Бог отбирает то, что дарит нам, — здоровье, и роптать здесь нечего. Никто из смертных не в силах заступиться за него перед судьбой. Одним словом, великий хан здоров лишь внешне, а внутренности его имеют тысячу ран, как проеденная молью кошма...

— О-о!

Одно лишь изумление слышалось в этом возгласе Суюнчика. Глаза его были как раскаленные угли. Везир удовлетворенно кивнул головой и продолжал:

— Тысячу лет жизни нашему любимому хану!.. Но не дай Бог, случится что-нибудь... — Он опустил голову, словно подавленный приближающимся несчастьем, но потом бодро вскинул ее. — Нет худа без добра, как говорится. Если и случится с нашим ханом беда, то целых десять наследников оставляет он на земле. Кто-нибудь обязательно займет отцовский трон!

Суюнчик к этому времени уже совсем позабыл, что отец его живет и здравствует. Он

видел себя возносящимся на белой кошме над всеми народами, населяющими необъятное ханство, видел себя во главе войск, штурмующих города и покоряющих разные страны. Сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

— А кого бы вы, наш учитель, хотели видеть на ханском престоле? — спросил он, учащенно дыша.

Везир ожидал этого вопроса и, как хороший шахматист, мысленно передвинул следующую фигуру. Однако он начал издали:

— Знай, мой султан, что наш повелитель-хан не променяет тебя ни на одного из тех десятерых. А мнение хана есть и мое мнение. Ты наш белый лебедь, выросший в стае черных ворон. Старая поговорка гласит, что первым врагом умного наследника является царствующий родитель. Но в данном случае это не так. Не отец является тебе смертельным врагом, а мать!..

Суюнчик вздрогнул от испуга.

— Не... не может быть... — Голос у него дрожал, и сам он был жалкий и растерянный. — Нет... если есть на свете хоть одна мать, любящая своего сына, то это моя мать!..

— Для джигита с великим будущим ничего нет пагубней навязчивой и бессмысленной любви со стороны женщины, будь то жена или мать... Да, Рабиа-султан-бегим любит тебя так сильно, что боится за тебя. Она знает, какие опасности подстерегают хана, и потому решила отдать золотой трон другому своему сыну — Кушкинчику, которого любит меньше...

* * *

Спокойным, бесстрастным тоном произнес эти слова везир Бахты-ходжа. У султана Суюнчика расширились зрачки и губы пересохли от волнения. Он судорожно сжал кулаки:

— К чему мне такая любовь, если она пожалела для меня трон!.. Стало быть, она лгала мне, говоря, что я стану ханом. Теперь я понял, что одного лишь Кушкинчика любит она по-настоящему!..

Этого и ждал везир.

— Для того, кто твердо решил стать ханом, не существует ни родных, ни близких. Наоборот, именно родные и близкие — главная преграда на пути к величию. Вспомни своих великих победоносных предков, мой султан. Был ли среди них хоть один настоящий, достойный правитель, который не удавил бы или не отрубил головы кому-нибудь из родных. Сам «Потрясатель вселенной» переломил некогда хребет своему любимому сыну Джучи. Никаких жалких чувств не должен иметь подлинный хан. Власть над людьми требует жестокой руки и каменного сердца. И доказывается способность к управлению именно на пути к трону. Слабый никогда и не достигнет булавы!..

— Я буду таким! — вскричал Суюнчик.

— Если ты сумеешь быть таким с самого начала пути, то и я, и все остальные всегда пойдут за тобой!

— Я сумею!

С этого дня султан Суюнчик потерял покой и сон. В маленьком и злом уме непрерывно роились всякие планы, как овладеть отцовским тронном. Мать он возненавидел и не верил ни одному ее слову. Любая ее ласка воспринималась теперь как коварное притворство, а улыбка, посылаемая его родному брату Кушкинчику, лишь подтверждала слова везира.

А Бахты-ходжа умело и незаметно подбрасывал хворост в этот разгоревшийся костер. «Смотри, какие грешки числятся за твоей матерью, пожалевшей для тебя ханскую булаву... — говорил он. — А вот тебе еще пример ее коварства и хитрости... О, ты не знаешь, на что способны женщины!.. Пока она возле нашего правителя-хана, нечего и думать тебе о троне. Видишь, как радостно прыгает вокруг нее Кушкинчик!..»

Бахты-ходжа был настоящим везиром и не ошибся в своих расчетах. Волчица считается матерью для волчат, покуда они не вырастут. Едва отрастает у них шерсть на загривке, как мать становится для них лишь одной из многих волчиц. А Суюнчик был из волчьего потомства Чингисхана...

Везир ничего не рассказывал хану обо всем этом. «Не все ли равно, каким образом заставить сына казнить свою мать, — думал он. — Главное — исполнить волю хана и... мою!»

А хан Абулхаир и не интересовался подробностями. Он попросту обещал везиру тысячу золотых динаров, если все будет сделано чисто, без осложнений.

— Все должны поверить в это, а не только я один, — сказал он. — Пусть увидит мир, что мы справедливы и не позволим измываться над правдой даже любимой жене. Закон для нас превыше собственных чувств и влечений!..

— Слушаюсь, мой повелитель-хан!..

Бахты-ходжа скромно протянул к хану ладони горстью.

— Чего тебе? — не понял хан.

— Динары, мой повелитель-хан!..

Хан Абулхаир посмотрел на подобострастно согнутую фигуру слуги, и в очередной раз мелькнула у него мысль, что слишком много знает его везир таких вещей, которые может знать лишь один хан. Потом ему подумалось, что тысяча динаров — вполне достойная цена за такую услугу. Все же речь идет о его жене — дочери ученого Улугбека и правнучке Тимура. Да и воспитание наследника, которым занимается этот человек, тоже достойно награды...

— Хорошо, мой везир, деньги ты получишь в день казни!

* * *

Везир Бахты-ходжа собирался уже выходить от хана, как послышался какой-то шум. Вбежал гонец, склонился и сообщил о смерти Акжол-бия — знаменитого батыра, военачальника и приближенного хана Абулхаира. Тело покойного только что доставили в его аул, и женщины уже плачут над ним...

Сев на своего Тарланкока, хан Абулхаир в сопровождении усиленного в несколько раз отряда телохранителей поехал в аргынский аул, принадлежавший покойному. Так требовалось по древним степным обычаям, и хан всегда неукоснительно выполнял их. Даже враги в таких случаях приносят свое соболезнование, а хан Абулхаир был лучшим другом и покровителем великого батыра Акжол-бия.

Проехав окружавшие Орда-Базар аулы, ханский отряд направился к низовьям Каракенгира, туда, где уже были спешно поставлены юрты в связи с предстоящими похоронами. На берегу хан Абулхаир придержал коня и оглядел многочисленные аулы, осевшие по обе стороны реки и вокруг прилегающих озер.

Чем дальше смотрел он, тем мрачнее становилось его лицо. Возле каждого аула родов аргын, кипчак, найман, конрад, керей, уак стояли привязанные к растянутым арканам боевые кони под седлами да торчали ряды острых и длинных казахских пик. Куда девался мирный вид всех этих юрт и кибиток?.. Впечатление было такое, что вот-вот должен нагрянуть враг.

Хан не на шутку встревожился и подумал о том, что, может быть, слишком поспешно дал согласие на убийство Акжол-бия. Как бы не случилось чего-нибудь непредвиденного!

Да, он явно просчитался, думая, что мятежные султаны Джаныбек с Кереем настолько простодушны, что под впечатлением убийства Акжол-бия придут к нему просто так, с голыми руками требовать выкуп за смерть сподвижника. Они приготовились ко всему и ждут необдуманных действий с его стороны. А расплаты за убийство все равно потребуют.

Его обуяла тупая ярость, как в молодости... Ладно, пусть придут хоть с целой тьмой, он сразится с ними и раз и навсегда отобьет у них охоту к мятежу! Даже сейчас, в мирное время, вокруг Орда-Базара находится не менее двадцати тысяч верных ему нукеров. А если прикажет он, то через две недели их станет вдесятеро больше!

Но тут же здравый смысл подсказал хану, что большинство его войска, причем лучшая часть, как раз из этих воинственных родов, чьи юрты стоят сейчас группами до самого горизонта. Остальные — это нукеры из Мавераннахра, уйгуры, пришельцы-монголы, джагатаи, киргизы, калмыки. Правда, с ним будут многие кипчаки во главе с самим Кобланды-батыром, но кто поручится, что в самый ответственный момент их не потянет к родственникам...

Силы примерно равны. Поэтому и ведут себя так в последнее время аргынские султаны. Что же делать: вызывать войска из Мавераннахра или не вызывать? Вряд ли успеют подойти они, если начнется свара. А Джаныбек с Кереем, безусловно, воспользуются убийством Акжол-бия в своих интересах.

Но кто мог предупредить их обо всем? Чтобы так подготовиться, нужно время. В один день не подтянешь из степи столько войска.

Он поехал дальше. Вскоре показались юрты, поставленные специально для похорон главного аргынского батыра. Здесь, на берегу Черного озера, окаймленного темной полоской пожухлого камыша, они теснились, словно толпа скорбных родственников. Не менее ста было их, и возле каждой юрты торчало воткнутое в землю копьё с черной лентой и хвостом вороного коня.

На самом почетном месте, посреди белых юрт, словно ворвавшийся в стаю лебедей черный орел, высилась иссиня-черная, скатанная из шерсти особой породы овец, шестнадцатикрылая траурная юрта. Госкливо становилось на душе при одном взгляде на нее, а над куполом вдобавок развевался зловещий черный флаг с изображением человеческих глаз — символ рода аргын.

Хан Абулхаир невольно придержал коня. Казалось, к беспощадной мести за убийство взывал вид этой юрты. Невольно вспомнились ему похороны хана Мунке, о которых он думал совсем недавно. Уж не хотят ли аргыны повторить кровавую тризну? Кто же станет тогда заложником за убитого перед духами?..

И в этом узрел хан руку Джаныбека с Кереем. Создается впечатление, что они приготовились к решительному бою. Неужто не посмотрят на похороны?.. Абулхаир невольно подумал о том, как сам поступил бы на их месте, и рука его потянулась к сабле. Но он тут же отдернул ее и сделал вид, что поправляет пояс...

Нет, никто не заметил его произвольного движения. Люди смотрели на черную юрту и даже не повернулись в его сторону. Однако как ему вести себя в создавшемся положении?.. Не успел он ответить на свой вопрос, как вздрогнул от неожиданного крика. Сплошная конная масса неслась к аулу, плача и завывая в нечеловеческой горести.

— Ой ты наш родной!..

— О наш заступник... Оте-е-ец!

Это была древняя казахская традиция — на всем скаку врваться в траурный аул с криком и причитаниями «О наш родной!». Чингизиды не придерживались ее и смотрели на такие вещи с презрением. Казахи, быстро заставившие своих завоевателей говорить по-казахски и совершать многочисленные казахские обряды, тем не менее глядели до сих пор сквозь пальцы на то, что султаны-чингизиды не принимают участия в похоронах согласно древнему ритуалу степи Дешт-и-Кипчак. А те, в свою очередь, считали, что неудобно хану или султану врваться в подневольный аул с криком «О ты наш родной!». На этот раз случилось что-то из ряда вон выходящее...

Не успел хан Абулхаир как следует рассмотреть приближающуюся лавину, как из следующей за ним свиты и войска вдруг вырвалась группа нукеров. С криком присоединились они к мчавшимся к аулу и громко скорбящим всадникам. На глазах таял его отряд. Вдруг он почувствовал, что Тарланкок не слушается поводыев. С силой рванувшись вперед, конь понес растерянного Абулхаира в общей массе. Впереди, сзади, справа и слева от него люди рыдали, плакали, кричали.

— О наш родной!..

С этим всеобщим криком приближались они к черной юрте, и беспомощный хан почти свалился с коня, не доехав до нее ста шагов. Только здесь догнали его телохранители. Они поддержали хана под руки, отвели и привязали Тарланкока...

Все случившееся потрясло хана Абулхаира. «Если даже среди моих прихлебателей в свите произошел раскол, то что же случится, если мы подвергнемся более серьезным испытаниям? — думал он. — Нет, нужно быть наготове, словно тетива у лука!»

Абулхаир открыл резную дверь черной юрты. Одет он был в легкую хорасанскую кольчугу, сверх которой был накинута расшитый золотом плащ, а на голове сверкала литая золотая корона с изображением турьих рогов. Хан всмотрелся в полутьму и увидел, что народу в юрте было немного. «Нужно, чтобы со мной зашло столько же телохранителей!» — подумал он, увидев среди сидящих на почетном месте султанов Джаныбека и Кереев...

В черные плюшевые кафтаны с воротниками из черной выдры одеты были аргынские султаны. Золотые ремни опоясывали их. Вместе с ними сидело человек пятнадцать казаховских биев, батыров и певцов-жырау. Покойник лежал на левой стороне юрты. У изголовья находился его отец Котан-жырау, высохший в один день и превратившийся в полумертвеца. Смерть сына скосила его как траву. Едва слышным старческим голосом пел он что-то невыразимо печальное, подыгрывая себе на кобызе. Казалось, все вокруг него умерло, и один старый певец остался на голой земле...

Заметив вошедшего хана, Джаныбек с Кереем медленно подвинулись, давая ему место. Никто из сидящих не поздоровался с ним. Котан-жырау по-прежнему продолжал петь. Из соседних юрт доносился надрывный женский плач.

Только усевшись, осмотрелся хан по сторонам. Все в юрте было черным. С огромного купола свисали гирлянды черной траурной бахромы, сотканной из верблюжьей шерсти. Даже воздух в юрте казался черным, и невольный холод проникал под одежду, разливался по спине...

Все никак не мог хан Абулхаир посмотреть на покойника, и ему казалось, что сидящие заметили это. Огромным усилием воли заставил он себя повернуть голову к Акжол-бию и вздрогнул. На белоснежной кошме, украшенной древним казахским орнаментом по черному плюшу, громоздилось огромное тело батыра без головы. Один лишь большой белый позвонок торчал там, где должна быть голова, и бурая запекшаяся кровь была на нем.

На два вершка от торчащего из туловища позвонка лежал известный всем богатырский тумак с синим бархатным верхом, отороченный выдрой. Он как бы указывал, где была у Акжол-бия голова, и тем ужаснее было пустое пространство между ними.

Хана начало лихорадить. Для Джаныбека и Керее явно не осталось незамеченным его беспокойство, но они молчали. Все время чувствовал он на себе их взгляды. Чтобы не показать вида, что его что-то беспокоит, он продолжал осматривать внутренность траурной юрты.

Над изголовьем убитого висели железный шлем и кольчуга, которые такгодились бы ему в последнем поединке. Изнутри шлем, напоминающий по виду небольшой котел, был устлан толстой войлочной прокладкой. Пониже свисали черная соболья шуба, которую покойный надевал в особо торжественных случаях, и серпоносные ургенческие сапоги с войлочными раскрашенными чулками. У ног лежала девятибатманная палица и большой березовый лук, который никто не мог натягивать, кроме его хозяина. Казалось, что все эти вещи выставлены специально для того, чтобы напомнить каждому входящему: «Смотри, это не было надето на нем в момент убийства... Кто бы справился с ним, если был бы защищен он и готов к бою!»

Хан Абулхаир понял, что все догадываются, что Акжол-бий был сражен предательским ударом. Смерть подкралась неожиданно, как трусливый шакал к незащищенной добыче.

Старый Котан-жырау продолжал тянуть свою печальную песню:

*Зачем ты поссорился с каракипчаком Кобланды,
мой сын?*

*Я уже стар и немощен, скоро пойдет мне десятый
десяток лет...*

*Для сыновей Ногайлинской земли был ты
путеводной звездой!*

За что потушили тебя несчастные люди?..

*Зачем ты поссорился с каракипчаком Кобланды,
мой сын?*

Конца, казалось не будет этой однообразной невыносимой песне. Кобыз продолжал тихо жаловаться, когда не хватало дыхания старому Котан-жырау. Передохнув, он начинал сначала...

Но вот Котан-жырау наконец замолк, словно иссяк горький родник. И сразу же послышался чистый, успокаивающий голос врача-дервиша Абдразака Нахчивани, читающего Коран. Долго, с чувством читал он размеренные строки.

Хан Абулхаир произнес положенные слова соболезнования полным величия голосом. И

как только закончил он свою речь, заговорил один из самых влиятельных биев рода кипчак, знаменитый степной златоуст Куба-бий:

— Это на мне лежит пятно виновности в смерти нашего славного сына, соотечественники мои! — начал он. — В приступе гнева убил я его и нахожусь сейчас в таком положении, что не могу смотреть в глаза убитым горем родственникам. Да, я — жертва за того, кто свершил это. Хотите рубить — вот вам моя голова!.. Хотите прах пустить по ветру — вот вам мое тело!.. И душа моя отдана вам в вечный плен... Все это так, и ничего уже не вернешь. Но можно еще, как издревле ведется, откупиться.

— Откупиться ты можешь, но разве встанет со смертного одра наш великий бий! — огорченно вздохнул султан Керей.

— Первым делом предадим земле нашего незабвенного батыра и воздадим ему должные почести, — спокойно сказал султан Джаныбек. — А там уже потолкуем, что к чему!..

Хан Абулхаир уловил угрозу в этих словах. Покинув со свитой траурный аул, он всю дорогу обдумывал создавшееся положение. По всему выходило, что убийство Акжол-бия оказалось на руку не ему, а Джаныбеку с Кереем. Незаслуженная смерть namного увеличила славу главного аргынского бия. Так бывает. Люди этим неведомо для себя выражают протест против несправедливости. Они начинают приписывать невинно пострадавшему даже те достоинства, которых он не имел. И тем больший позор ложится на виновников его смерти. Сколько святых создано на земле таким образом!..

Но самое плохое в том, что смерть Акжол-бия не смогла послужить поводом для уничтожения Джаныбека с Кереем. Аргынские султаны чужали западню и были настороже. Наоборот, убийство Акжол-бия обострит положение в ханстве и может привести его к гибели. Хан Абулхаир всегда трезво смотрел на вещи и не нуждался в самоутешении. «Надо иметь это в виду!» — сказал он сам себе.

* * *

Когда минула неделя со дня смерти Акжол-бия и прошли первые поминки, аргынские султаны Джаныбек и Керей привели всех способных носить оружие воинов из своего рода к Орда-Базару. Они выстроили их к бою, а сами пришли к хану за справедливостью. Все делалось спокойно, по положенному ритуалу, и не к чему было придраться. Ни одного лишнего слова не сказали султаны, никому не нанесли оскорбления. Как принято было издавна в степи, они потребовали положенной платы кровью за убитого.

— Берите жизнь трех кипчакских джигитов на выбор и закрывайте иск! — предложил хан Абулхаир.

— Нам не нужна жизнь невинных людей, — сказали они. — Нам нужна голова Кобланды!

На то хан Абулхаир не мог согласиться, и султаны знали об этом. Не будет спор разрешен головой лишь одного Кобланды-батыра. А если хан потеряет Кобланды, то лишится поддержки кипчаков.

— Нет, я не отдам вам Кобланды-батыра! — ответил хан.

Джаныбек с Кереем встали с подушек без его позволения:

— В таком случае мы уходим!

И Абулхаир не осмелился крикнуть им ханское «Ни с места!». Перед их приходом он с башни дворца долго рассматривал выстроившихся в степи аргынских всадников. Все южные подступы к Орда-Базару закрыли они и, судя по блеску оружия, были настроены решительно. Вот почему Джаныбек и Керей спокойно покинули дворец.

В ту же ночь большинство аулов из родов аргын, кипчак, найман, конрад и некоторые другие начали откочевку в сторону Моголистана. Вели их Джаныбек и Керей. Вооруженные до зубов джигиты в военном строю прикрывали их уход.

К утру отколовшиеся аулы были уже далеко. Жители Орда-Базара, проснувшись, увидели, что оголилась вся степь. Хан Абулхаир сказался больным, чтобы не отвечать на многочисленные вопросы родственников и приближенных.

Каракипчак Кобланды-батыр тоже не мог оставаться возле ханской ставки. Пять тысяч юрт кипчаков откочевало с ним на берега Тургая. Произошло это после того, как явилась к

нему группа влиятельных казахских биев и батыров из разных родов...

Он лежал пластом в своей двенадцатикрылой юрте, когда пришли они.

— К нам идут почетные гости, поднимайся, батыр! — сказала ему жена.

Но даже не шелохнулся батыр. Он горел в каком-то огне, и ничего нельзя было добиться от него. Тогда к нему обратился почтенный Аргын-бий.

— О милый человек, не ждал ли ты подарка от самого хана за свое лихое деяние? Что же ты так: убил сына из нашего рода и отказываешься от положенной платы кровью! Конечно, если мы соберем воедино все наши глупости, то из нас получится один бешеный не хуже тебя. Но не для того мы пришли к тебе, неразумный батыр. О благополучии всей нашей степи хотим мы вести разговор, а ты отвернулся и кричишь, как дрянной сварливый старик, обиженный снохами. Ну-ка встань и поговори, как положено!

Услышав властный голос Аргын-бия, Кобланды-батыр понял, что к нему приехали самые видны люди казахских родов. Ему пришлось подняться и сесть с ними в круг. Жена распорядилась заколоть ожиревшую кобылу, а сама возвратилась в юрту, поболтала некоторое время гигантский черный бурдюк, сшитый из пяти жеребьячьих шкур, и принялась разливать из него в громадные деревянные чаши пенистый кумыс.

Утомленный длинной дорогой, Аргын-бий выпил одним глотком добрую половину чаши и начал говорить.

— Слушай, кипчак! — сказал он. — Мы представляем огромную страну. На Едиле и Жаике ее западная граница, на Орхоне и Иртыше — восточная, Великой стеной обозначили китайские императоры ее южную границу, и в холодных лесах Тобола и Ишима теряются ее северные рубежи. Ты, кипчак, с алшыном испокон веков охранял меня с запада; найман, керей и уак — на востоке; уйсунь, жалаиыр и дулат — на юге. Во времена, когда хунну угоняли моих сыновей и дочерей в плен, мы, аргынцы, были вынуждены отступить с боем к берегам Орхона и Онона. Там, в чужих краях, в нашу честь назвали целую реку Аргунь. А когда ушли хунну, мы вернулись в эти места, оставленные нам по завету предков, и снова вбили свой кол в вершину нашей Аргынаты. Даже монголы не смогли нас вытеснить отсюда. Благодаря вашей многовековой защите, казахские племена и роды, мы — аргыны, плоть от плоти и кровь от крови вашей, сумели сохранить здесь, в центре степи Дешт-и-Кипчак, все, что есть у всех нас великого: мудрость, обычаи, язык, музыку, письменность. Все это наше с вами, мои братья, дети мои — казахи!..

* * *

Чему же предстоит свершиться здесь сегодня?.. Давайте думать все вместе над этим, пока еще есть время для раздумий. Завтра уже может оказаться поздно...

Кобланды-батыр захотел говорить, но Аргын-бий сделал ему знак замолчать:

— Юрта принадлежит тебе, Кобланды, и ты еще наговоришься в ней. Дай сказать свое слово тому, кто, может быть, никогда больше не переступит ее порога... Говори, Кара-ходжа-батыр!

Из рода керей был старейшим из всех присутствующих Кара-ходжа-батыр, «В пять кушаков» называли его в народе за высокий рост. Он кивнул головой и повернулся к Кобланды-батыру, хоть обращался при этом ко всем биям и батырам:

— Все мы знаем, что разумны и правдивы слова Аргын-бия и нет в них присущей кое-кому из нас родовой кичливости. Не одни ведь кипчакские матери рожали батыров... Говорят, когда-то были мы неправовверными, поклонялись камням и деревьям. Возможно, что и так. Но я знаю, что с тех пор как керей называется кереем, мы всегда были с вами, о братья мои уйсунь, дулат, аргын, кипчак, найман, уак, алшын, жалаиыр и все остальные — большие и малые, счастливые и несчастные, потому что мы все казахи!

С кровавым Чингисханом боролся мой народ целые десять лет, и от руки его погибли тогда лучшие наши люди. Мы знаем, что такое свобода, и не хотим повторения Чингисханова ярма, которое стремится всеми правдами и неправдами набросить на нас Абулхаир!

— Говори, Каптагай-батыр!

Лишь вторым предоставил Аргын-бий слово знаменитому батыру рода найман, потому

что был он несколько моложе Кара-ходжа-батыра. С древности была среди казахов честь по старшинству.

— Я продолжу речь, которую начал Кара-ходжа-батыр, — сказал глава найманов. — Сломив род керей, на наш род надвинулся некогда Чингисхан. Разве мы сдались без боя? К беде нашей, предал нас коварный союзник хорезмшах Мухаммед, и все сидевшие на коне найманы во главе со своим ханом Даяном легли на поле боя.

Но и тогда не покорились найманы. Сын Даян-хана — славный Кучлук-батыр — двадцать лет воевал с монголами. Они в отместку истребили все взрослое население наших аулов, но случайно уцелевшие начали строить жизнь, словно человек, выплывший из вселенского потопа. Им помогли в этом вы, казахские племена и роды...

Но как же случилось, что не смогли мы тогда отстоять свою землю? Ответ на это в наших старых сказаниях и песнях жырау. В то время как Найман пас свои табуны у Алтая, Керей в одиночку встал против врага на Орхоне, мы не пришли вовремя к нему на помощь, ибо не были тогда едины. Потом навалились на нас тумены Чингисхана, а ты, кипчак, занимался своими набегами на Русь и Византию. Наши стоны не дошли до тебя, потому что не считал ты себя с нами единым народом. Но потом пришла твоя очередь, кипчак...

А разве не то же происходило, когда громили нас барласы Хромого Тимура? Он ведь тоже натравливал наши роды друг на друга и бил нас поодиночке с тем большим успехом, что был нашим родственником. Живучий, жилистый наш народ пережил и это погром.

Но что толку, когда остались мы по-прежнему разобщенными и кому только не подчиняемся на своей земле: Синей Орде, Золотой Орде, Казани, Астархани, Крыму. Что с того, что все они наши родственники? От этого лишь большее бьет кнут и дольше не заживают наши раны!..

Слушайте меня, казахские племена и роды!.. Если сегодня не объединимся, то будет поздно. Сейчас или никогда!.. Ты слышишь, меня, каракипчак Кобланды-батыр, убивший брата своего?

— Говори, джалаир Борибай!

Батыр рода жалаиыр, крепкий и жилистый Борибай, был средних лет. От имени семиреченских и турфанских родов заговорил он:

— Многие из вас не видели того, что мы пережили... Кроме Чингисхана, мы боролись с китайскими императорами, с калмыцкими вождями, а задолго до этого — и с греками. Мы, выжившие после всего этого, пришли к вам, наши братья. Только с вами нам по пути... Почему же ты, каракипчак Кобланды-батыр, стал наемной дубиной в руках Абулхаира и опускаешься на нашу голову? Я говорю тебе так, потому что голова убитого тобой Акжол-бия — это наша голова!

— Говори, Карабура-батыр!

Самый молодой из батыров — горячий Карабура из Тамы — обратился сразу к Кобланды:

— Сорок человек не переспорят упрямого. Не думай, что мы уговариваем тебя, Кобланды. Сорок есть сорок, и они кого угодно заставят уважать себя. Если бы ты просто убил на поединке кого-нибудь из нас, можно было бы обойтись выкупом, как делали наши деды. Бывают и между братьями ссоры. Но рука твоя замахнулась не на одного батыра. На весь наш народ поднял ты свою тяжелую десницу. Ибо убийство Акжол-бия имеет глубокий след, и все мы знаем это. Ты тоже знал, Кобланды. Так помни, что твоя могучая рука переломится, как соломинка, о нас!..

— Это что, угроза? — Кобланды-батыр вдруг выпрямился и посмотрел на всех налитыми кровью глазами. — Не раз каракипчак Кобланды-батыр встречался лицом к лицу со смертью, но еще ни разу не оставался жив осмелившийся угрожать ему!

* * *

— Да, это предупреждение тебе, батыр, или угроза, как ты называешь, — спокойно ответил Аргын-бий. — Напрасно гордишься тем, что убил Акжол-бия. Рано или поздно возвращается конь к своей привязи, и мы не советуем тебе отрываться далеко от родного косяка. В конюшне Абулхаира, конечно, много корма, но ездить там на тебе будут чужие...

Да, Кобланды, нас много, и если не в состоянии мы пока сокрушить Абулхаирову Орду, то у нас хватит сил наказать отступника и убийцу. Нам жаль тех людей из твоего рода, которые потянутся за тобой к Абулхаиру. Их злая судьба будет на твоей совести, Кобланды.

И еще одно запомни, неразумный каракипчак! Раньше лишь Джаныбек с Кереем болели за бия Акжолу и требовали расплаты с тобой. Теперь в нашем лице с тобой говорит вся наша великая казахская степь!..

Если весь наш народ потребует у тебя выкупа за смерть бия Акжолу, то не хватит добра и крови ни у тебя, ни у всего твоего рода, каким бы большим и богатым ни был он!

— Чего же ты хочешь от меня, бий? — спросил сдавленным от ярости голосом Кобланды-батыр.

— Ты преступник, Кобланды, и мы не можем предложить тебе сейчас следовать за нами. Но если дорога тебе родина, собирай свои аулы и откочевывай к берегам Тургая, чтобы не мог использовать здесь каракипчакские сабли наш враг. Не показывай дурного примера слабовольным, когда мы начинаем святую борьбу за самостоятельность. Пеняй на себя, если сделаешь по-другому. Проклят будешь своим народом, и на тебя обрушится весь его гнев!..

— Правильно говоришь, наш бий!

— На Тургай пусть едет!..

— Нет у тебя другого выхода, Кобланды!..

Аргын-бий поднял обе руки:

— Мы все сказали тебе, каракипчак Кобланды!..

Когда, не ожидая готовящегося обеда, все они вышли из юрты, Кобланды-батыр вскочил и схватился за свою знаменитую дубину. Ему хотелось догнать их и драться, сокрушая головы людей, топча их в землю и рыча от гнева. Но разум взял верх. Ему вспомнились слова о коне, отбившемся от табуна. Только такие образы понимал батыр Кобланды!..

Давно уже скрылись за степным горизонтом уехавшие гости, а он все сидел и думал, подперев свою громадную голову поросшей волосами рукой. Слишком поздно спохватился он. Неслыханный позор уже пал на него, и исправить что-либо было поздно. О коварстве Абулхаира, который подтолкнул его на это убийство, появились у него мысли. И подумал он, что правы батыры, советующие ему откочевывать к Тургаю!..

Все больше аулов снималось с места и уходило вслед за Джаныбеком и Кереем в сторону Моголистана. Те, кто не захотел открыто идти за мятежными султанами, просто уходили в бескрайнюю степь подальше от греха. Когда совсем уже пусто стало вокруг Орда-Базара, с южной стороны показался одинокий всадник. Во весь опор скакал он на громадном коне, и длинный хвост коня стелился по ветру. Это был Кобланды-батыр.

Услышав о том, что большинство аулов откочевало от ханской ставки из-за убийства Акжол-бия, он вскочил на коня и поскакал сюда. Больше суток мчался он без остановки на своем необыкновенном коне и по дороге убеждался, что никого не осталось в этой стороне. Только потухшие огнища да конский навоз говорили о том, что еще вчера в этих местах было многолюдно.

Остановив коня у Орда-Базара, долго стоял над опустевшей долиной Кобланды-батыр. Вдруг в глазах его появилась жизнь, разошлись нахмуренные брови. Другого всадника на холме заметил он и прищпорил коня.

Медленно подъехал к холму батыр, слез с коня и приблизился к всаднику. Это была девушка лет пятнадцати. Лучи солнца играли на белом лице, в маленькое сердечко были сжаты пунцовые губы, а в черных глазах отражался батыр Кобланды с неестественно расставленными руками.

— Что ты хочешь сказать мне, батыр? — спросила она.

По всему было видно, что не очень обрадовалась она свиданию.

— Я все уже сказал тебе, ханская дочь! — ответил Кобланды-батыр. — Разве не ради тебя убил я в поединке Акжол-бия!.. И знай, Саян-батыра я тоже хотел отправить на казнь, потому что без тебя не жить мне на земле!.. Пусть весь мир выходит на бой со мной, я не испугаюсь, если он встанет на моем пути к тебе!..

Нетерпеливый жест рукой сделала девушка, и батыр опустил голову. Долго стоял он так, а когда поднял глаза, в них уже не было жизни.

— Теперь... теперь мое львиное сердце сжалось в кулачок ребенка. Как у зайца, колотится оно в моей груди. Широкая, словно степь, душа моя поместилась на твоей маленькой ладони, девушка. Так не глумись же надо мной и скажи всю горькую правду!..

Девушка решительно кивнула головой...

— Я не думала глумиться над тобой, батыр. И все правда, что ты говоришь. Мать действительно хотела отдать меня в жены Акжол-бию. Но разве его вина в этом? Правда и то, что любила я батыра Саяна, но чем он виноват? Моя мать без памяти любит меня и на все пойдет ради моего счастья. И Рабиа-султан-бегим во всем помогала мне. А счастье мое не с тобой, безрассудный старый батыр. Никогда я не стану твоей женой!..

* * *

Гордый батыр вскинул голову:

— А если твой отец отдаст тебя мне?

— В таком случае мне придется умереть... — Она вынула из-под одежды маленький хорасанский кинжал и задумчиво посмотрела на него. — Этот нож раньше тебя прикоснется к моему телу!

— Но разве я такой уж плохой? — вскричал батыр.

— Пусть это будет наша последняя встреча! — твердо сказала девушка и, отвернув коня, поскакала, не оглядываясь на застывшего в горестном недоумении Кобланды-батыра.

Неотступно смотрел он ей вслед, пока не въехала она в город.

— Да, все было напрасно! — сказал он со вздохом.

Он действительно напоминал сейчас смертельно раненного льва. Красавица Гульбахрам, младшая дочь хана Абулхаира, ради которой совершил он столько безрассудств, отвергла его...

V

Чем ближе к старости, тем больше убеждался хан Абулхаир, что наслаждения этого мира мимолетны и преходящи, как сон. Да, золотой трон, богатство, любовь и горести — все это лишь обман зрения. Реальна одна лишь смерть. Прав был его великий предок, который верил только в нее и ни во что больше...

В один прекрасный день он тоже простится с этой обманчивой мишурой и вернется в землю — постоянное обиталище для всего, что некогда жило, страдало и радовалось. Однако, пока он жив, нельзя отказываться от земных забот. Пока топчет человек бrenную землю, его не оставляют страсти и желания...

Главным из них было — как можно лучше устроить своих многочисленных сыновей и подрастающих внуков. В уме он давно уже распределил между ними власть: кого определил эмиром, кого — султаном или правителем крупного города. Созданная им Орда должна остаться у него в руках и после смерти!..

Однако это желание далеко еще не было исполнено, хотя некоторым его сыновьям было под тридцать. Иные, правда, уже стали эмирами и правителями, но никто из них не участвовал в трудных походах и войнах, не проявил личного мужества и отваги, не правил самостоятельно, без подсказки с его стороны. Что будет, когда умрет он и некому станет руководить их действиями!..

Отец — самый верный ценитель тех или иных качеств в собственных сыновьях. Самую большую надежду возлагал хан Абулхаир на внуков Мухаммеда-Шейбани и Султан-Махмуда, а из сыновей — на Суюнчика. Все трое энергичны, жестоки, их, как хороших змеенышей, не возьмешь голыми руками.

* * *

Внуки были почти ровесники, а сын Суюнчик старше их лишь на пять лет. Так или иначе, а нужно выдержать и не умереть до того времени, пока они не подрастут и оперятся. Прежде всего бремя власти ляжет на сына его Суюнчика, и поэтому хана обрадовало сообщение везира

Бахты-ходжи, что тот готов на все ради власти. Опытный везир сказал: «Несмотря на свою юность, султан Суюнчик проявил крепость духа, достойную настоящего мужчины. Он с полуслова понял положение дел и готов казнить мать в интересах ханства!»

Да, многое зависит от крови, которая течет в жилах человека. А в жилах сына слилась воедино кровь чингизидов и тимуридов. Есть ли на земле более благородное сочетание? Кому, как не такому человеку, править людьми?

Вчера к нему пришел этот чудаковатый врач-дервиш Абдразак Нахчивани. Хоть и принял он правую веру, но осталась в нем какая-то слабость от его отцов. Серьезную болезнь нашел он в султানে Суюнчике.

— О мой повелитель-хан, ваш сын страдает таким страшным недугом, что необходимо решительное вмешательство!..

При этом в карих глазах раба был ужас.

— Какой же это недуг? — спокойно спросил у него хан.

— Это не случайная болезнь. Вызвана она вмешательством каких-то страшных людей, мой повелитель-хан!.. Тринадцать лет ему, и это может плохо закончиться...

— Говори!

— Вчера я беседовал с ним... — Бедный слабодушный врач вытер пот со лба, и близорукие глаза его расширились до предела. — У него одна лишь навязчивая мысль: как можно скорее воссесть на ханский трон!..

Абулхаир, не сдержавшись, удовлетворительно кивнул головой. Чем раньше начинает наследник стремиться к трону, тем лучше. От рождения должно быть в нем это чувство, а взрослые обязаны соответственно поощрять и воспитывать его.

— Что же ты находишь в этом предосудительного? — спросил хан у лекаря.

— Это еще не все! — возбужденно заговорил тот, не обратив внимания на вопрос. — День и ночь, во сне и наяву, мальчик твердит, что хочет убить свою мать. «Она преступная... Я брошу ее в пыль и забью камнями за то, что она хочет видеть Кушкинчика на ханском троне!»

Как ни были приятны хану такие настроения у сына, но его все же покорило страстное ожидание отцовской, то есть его, смерти. К тому же, что это за мысли насчет Кушкинчика? Кто внушил их ему? Везир Бахты-ходжа ничего не говорил ему про это. А тут чужеродный лекарь еще подбавил собственных рассуждений.

— Этот несчастный мальчик хочет забить камнями давшую ему жизнь и взрастившую его мать, — сказал он. — И все по подозрению, что она хочет передать ваш трон его старшему брату. Кто поручится за то, что завтра он не набросится на вас? О, чья-то преступная, подлая рука направляет его ум!..

Эти слова невольно заставили задуматься хана Абулхаира. Везир явно перегнул палку и чего-то не досказал ему в своих докладах. Да и слишком уж быстро добился он успеха в этом деле. Следует быть настороже с этим лизоблюдом!..

Через два-три дня должен был состояться всенародный суд над Рабиа-ханум-бегим. Везир Бахты-ходжа обязан объявить на нем о преступлениях ханум и вынести приговор. Нужен будет хотя бы один одобрительный кивок со стороны Суюнчика. По словам везира, можно было не сомневаться в его решимости наказать мать.

Что ж, такое не раз уже бывало при ханском дворе. Абулхаир сам подготовил это и ни о чем не жалеет. Вот только то, о чем рассказал лекарь Абдразак... Ну и что же!.. Сегодня нужно казнить Рабиа-султан-бегим, и об этом следует думать. А если завтра тот же Суюнчик окажется замешанным в заговоре против отца, то пойдет вслед за матерью!

Тогда в заключение разговора смешной лекарь вытянулся перед ним во всю длину своего тела и произнес срывающимся от волнения голосом:

— Если мальчик будет наговаривать на свою мать, я объявлю о его сумасшествии... Нельзя верить словам больного ребенка. А то, что он болен, бесспорно!..

Знаменитый лекарь Абдразак Нахчивани был известен всему ханству не только своим искусством, но и смешными чудачествами. Вот и сейчас он вмешивается явно не в свое дело. Услышав бред Суюнчика, он понял, что какая-то змея проникла к мальчику и, если ей не помешать, доведет его до безумия. Поэтому он и счел своим долгом предупредить хана об этом. И очень удивился тому, с каким спокойствием воспринял Абулхаир его сообщение.

Но не мог же хан оборвать врача и сказать, что это по его повелению обрабатывает везир Бахты-ходжа наследника. И не потому, что хан стеснялся правдолюбца Абдразака. Он просто боялся остаться без врача, зная, что недолго проживет тогда на свете со своей страшной болезнью...

Помимо других тяжелых недугов, хан давно уже страдал астмой. Всевозможные лекарства от китайских трав до казахских заговоров перепробовал Абулхаир, но пользы было немного. Какие только знаменитые врачи, шаманы, волхвы не приезжали к нему со всех концов света — из Тибета, Хорасана, Сирии, Рума и Индии, но все было напрасно. Болезнь обострялась, и к тридцати пяти годам ему предстояло быть прикованным к постели. Приступы учащались, и со дня на день ожидал он смерти. Сам пославший на смерть многих людей без всякого сожаления, он вдруг почувствовал, что жизнь все же чего-то стоит...

И вдруг из Мерва нукеры привезли захваченного в плен раба-лекаря Абдразака, который за несколько недель, пользуясь самыми простыми средствами, буквально поставил на ноги хана. Одышка не прекратилась до конца, но все же дышать можно было полной грудью и не бояться всякую минуту смерти. Около десяти лет прошло с тех пор, а хан, который собрался было умирать, живет и здравствует по сей день...

С приездом Абдразака как рукой сняло него и множество других, более мелких недугов, которые мучили его в прежние времена. Недаром сам хан говорил часто, что он будет жив, пока при нем посланный богом врач. Он искренне верил в то, что именно от бога направлен к нему Абдразак Нахчивани.

Зная упрямство своего лекаря, хан решил повременить с казнью своей четвертой жены. Дело здесь было не только в угрозе врача. Хана насторожили переданные ему врачом слова наследника Суюнчика. Если Бахты-ходжа что-то скрывал от хана, то это было подозрительно. Следовало все досконально проверить, но так, чтобы не возбудить подозрения у хитрого везира...

А везир Бахты-ходжа вел в эти дни последние приготовления к предстоящему суду. Больше всего он занимался с султаном Суюнчиком, потому что именно от мальчика зависел успех всего предприятия.

Чтобы довести Суюнчика до необходимого состояния, он с утра сажал его в одной из комнат дворца на специально сделанный «золотой трон» и прислуживал ему, как везир подлинному хану.

— Человек, хоть раз в жизни проявивший жалость к кому бы то ни было, а прежде всего к родным, не может быть ханом! — говорил он, а затем становился на колени и полз к трону, вытянув вперед руки. Устроившись возле самого уха ребенка, везир начинал в сотый раз одними и теми же словами перечислять страшные грехи его матери.

— Что же прикажете сделать с ней, мой повелитель-хан? — спрашивал он в заключение, смиренно сложив руки.

— Отрубить ей голову! — кричал в исступлении Суюнчик.

— Слушаюсь, мой повелитель-хан!

Везир отползал назад и повторял все сначала.

— Она обещала Кушкинчику трон, на котором вы сидите, мой повелитель-хан... Что сделать с Кушкинчиком?

— Отрубить ему голову! — вопил Суюнчик, и в глазах его плавали безумные огоньки.

Пожалуй, даже взрослый человек не выдержал бы такого, а Суюнчику было всего тринадцать лет, и природные склонности его вполне соответствовали тому, чему учил его везир Бахты-ходжа. Мальчик во сне и наяву уже видел себя ханом, и тем сильнее проявлялась в нем жгучая ненависть ко всем родным и близким, в каждом из которых видел он претендента на свой «золотой трон». Не первым и не последним наследником престола, которого воспитывали таким образом, был маленький глупый султан Суюнчик.

И внешне изменился мальчик за несколько недель. Бледным как мертвец сделался он, щеки его увяли, а в глазах стоял сухой голодный блеск. Он забросил игры, конную езду, которой увлекался раньше, и боялся отойти хоть на минуту от своего «золотого трона». С криком и проклятиями бросался он на всякого, кто пытался приблизиться к нему.

Бедная Рабиа-султан-бегим тоже исхудала и увяла за это время. Не зная, что ей делать с сыном, злобно огрызающимся на ее ласки, она обратилась за советом к Абдразаку Нахчивани. За десять лет придворной жизни добрый лекарь не раз был свидетелем всяких происков и интриг. Поэтому он быстро поставил диагноз и вынужден был рассказать о своих подозрениях хану.

В этот вечер хан Абулхаир приказал везиру Бахты-ходже повременить с судилищем над Рабиа-султан-бегим...

* * *

Еще когда сбежал из-под стражи батыр Саян, Абулхаир велел бросить в зиндан своего бывшего советника Оспан-ходжу. Но тут вспыхнул скандал с мятежными аргынскими султанами, произошло убийство Акжол-бия, и хан совсем позабыл о своем старом верном слуге.

Утром через старшую жену ему были переданы слова Оспан-ходжи. Как это удалось, хан не стал доискиваться. Бывший советник просил исполнения правила «Можно отрубить голову, но нельзя отрезать язык». И еще якобы сказал Оспан-ходжа: «Я знаю, что сгнию под землей. Но перед смертью мне хочется оказать последнюю услугу своему повелителю-хану. Пусть призовет меня и не откажется выслушать!»

Хан Абулхаир не мог отказать в такой законной просьбе человеку, который верой и правдой служил ему столько лет. К тому же его заинтересовало, что может сообщить ему бывший советник. Он приказал привести его, а сам начал невольно вспоминать, сколько раз этот самый Оспан-ходжа выручал его в трудную минуту...

Один из таких случаев произошел давно, при взятии Самарканда. Оспан-ходжа, служивший самаркандскому эмиру, не мог забыть о том, что некогда Тимур разгромил их дом и взял в плен его деда. И когда лазутчики Абулхаира проникли в Самарканд, Оспан-ходжа быстро нашел с ними общий язык.

Однажды, когда Абулхаир со своим войском пировал в Орда-Базаре после победы над своим предшественником, прискакал гонец из Самарканда от Оспан-ходжи с известием, что город остался без войск, так как мирза Улугбек — внук Тимура, увел их в Хорасан. Несмотря на усталость, огромное войско Абулхаира тут же выступило из Орда-Базара. Как только подошло оно к Самарканду, правитель города сам вышел к Абулхаиру навстречу и встал на колени, положив руки на голову в знак покорности.

Войска без кровопролития вошли в город, Абулхаир получил богатый выкуп и договорился о ежегодной дани.

А вскоре еще одну неоценимую услугу оказал Оспан-ходжа хану. Когда убили Улугбека, осталась сиротой его дочь Рабиа-султан-бегим. Неземной красоты была его четырнадцатилетняя девочка. К тому же, вопреки установившимся законам в отношении женщины, великий Улугбек-мирза отдал свою дочь семи лет в медресе, учил ее персидскому, турецкому и арабскому языкам, сам занимался ее воспитанием. Это была одна из самых образованных женщин Востока в то время.

Оспан-ходжа сказал Абулхаиру о ней: «Если уж ты хочешь увезти из Самарканда золото, то самым ценным самородком здесь является Рабиа-султан-бегим!..» Когда Абулхаир увидел ее, то впервые в жизни оробел. Днем и ночью мерещился ему взгляд девушки, и в конце концов он взял ее себе четвертой женой.

С превеликим торжеством провожала его тогда самаркандская знать, прекрасно понимая, что сближение степного могущественного владыки с ними рано или поздно приведет его в их лагерь. В числе приданного за Рабиа-султан-бегим были сорок молодых рабов и сорок прекрасных рабынь, а впереди вышагивал огромный белый слон, на котором под шелковым балдахинном сидела невеста. Вместе с нею ехал на постоянную службу к хану новый советник Оспан-ходжа...

Немало лет прошло с тех пор, и не было случая, чтобы Оспан-ходжа каким-либо образом слукавил или не выполнил ханского приказа. Опасность, угрожающую ханскому трону, он угадывал раньше самого хана и всегда вовремя предупреждал о ней. Словно добрый

ангел-хранитель, незримо сидящий на ханском правом плече, удерживал он Абулхаира от неверных шагов. Смело можно сказать, что многими успехами в этот период хан Абулхаир обязан был Оспан-ходже.

Что же касается Рабиа-султан-бегим, то она родила хану двух здоровых сыновей и благодаря уму, благовоспитанности и красоте сделалась его любимой женой.

Вошел главный везир Бахты-ходжа, склонился:

— Мой повелитель-хан, привели этого предателя Оспан-ходжу.

Абулхаир нахмурился... «Предатель!.. Откуда ему известно, что Оспан-ходжа предал кого-нибудь? Наверно, смотрит на него моими глазами, а я ведь так и думаю... Но правильно ли мое решение? Стоило ли из-за бегства какого-то ничтожного батыра заточать в зиндан такого слугу? О изменчивый мир!.. А что, если такое случится когда-нибудь со мной? Сейчас, пока их жизнь в моих руках, они сгибаются в три погибели. А попробуй хоть на минуту обессилеть среди людей. Как от прокаженного, побегут тогда от тебя, и самый последний из них тут же переломает тебе спину! Такова жизнь и изменить ничего нельзя...»

Хан Абулхаир кивнул головой:

— Введите его!

Два охранника ввели арестанта, поддерживая его под руки. Оспан-ходжа и раньше был как скелет, за что люди называли его стрекозой. Но как ни привыкли глаза хана к его худобе в течение нескольких лет, он невольно вздрогнул, увидев его сейчас. Это был не живой человек, а только тень. Сухая кожа была натянута на голые кости, и глаза запали так глубоко, что их не было видно.

Оспан-ходжа заговорил хриплым, едва слышным голосом:

— Мой повелитель-хан!.. Если бы ты даже освободил меня сейчас, я уже не жилец на этом свете. Волю Аллаха не нарушить ни одному из земных владык, а жить мне осталось не более недели. Так что не прошу у тебя жизни, хоть ты и хан над людьми... Даже на минуту не в силах продлить ты мое дыхание. Ну а если пожелаешь сократить, то я тоже не боюсь. Совсем о другом хотел я поговорить с тобой, мой повелитель-хан!..

— О чем же хочешь просить меня?

— Чтобы ты выслушал меня до конца...

— Говори!

— Прежде всего тебе надо знать, почему я служил тебе все эти годы верой и правдой. Только сумасшедший променял бы чистого и благородного Улугбека-мирзу на такое чудовище в облике человеческом, как ты, мой повелитель-хан. Так что услышь подлинную причину и не думай ничего другого.

— Ладно... послушаем!

— Всем известны десять поколений твоих предков... И у меня были десять поколений предков. И хоть не сохранились их имена в памяти людей, мне знать их нужно, как каждому человеку... Я далек от того, чтобы сравнивать своих предков с твоими, хан. Вы властители, а мы — рабы. Мне хочется рассказать о другом. Все вы — чингизиды, но и среди вас иногда попадались люди. Таким человеком, достойным этого высокого слова, был твой прадед в седьмом поколении султан Иис-Буги. Не достиг он в свое время ханства, но был большим батыром и отважным полководцем. А рабом его был мой прадед в седьмом поколении — Кара-Нар.

Даже от супа остается на дне котла накипь. Так и Кара-Нар хоть и был простолюдином, но тоже славился как батыр. В одном из сражений с калмыками, пытаясь спасти султана Иис-Буги, он с несколькими другими батырами был сбит с коня и попал в плен. Когда закончилось сражение, начался обмен пленными. Калмыки брали выкуп за них — по сто голов лошадей за султана и по десять голов за простого джигита. Были, правда, среди пленных батыры, за которых калмыки требовали столько лошадей, сколько за трех султанов сразу. Слишком большой урон нанесли они им в бою. Одним из таких троих батыров, оцененных в триста лошадей каждый, был и мой прадед Кара-Нар...

Двух батыров, происходивших из знатных казахских родов, сразу же выкупили богатые родственники, а кому было дело до простого ханского раба-туленгута? Горько заплакал он тогда, но аулы, к которым он принадлежал, сами жестоко пострадали от завоевателей и все

вместе не могли собрать такого табуна. Его ждала смерть, потому что калмыки тут же срезали головы тем пленным, которых не выкупали вовремя. В лучшем случае они заковывали их в кандалы и гнали на китайские невольничьи рынки для продажи в рудники. Это было еще хуже смерти...

Но тут подоспел благородный султан Исис-Буги. Не проронив ни слова, отсчитал он триста иссиня-черных чистопородных коней из своего табуна и выкупил моего прадеда. Вернувшись к семье, Кара-Нар дал клятву, что семь последующих поколений его потомков будут беззаветно и преданно служить семи поколениям твоей семьи, хан Абулхаир. Он оставил устное завещание, чтобы мы не обижались на вас, даже если будете несправедливы. На нас с тобой, хан Абулхаир, заканчивается заветное предание предка моего Кара-Нара... Вот почему я перешел от благородного Улугбека к тебе.

Абулхаир криво усмехнулся:

— Видишь, как далеко забрался ты во времени... Кроме того, твой предок завещал не обижаться на нас?

— Да из рода в род переходит у нас это завещание... И я не обижусь, даже если зарежешь меня, как барана!

— Ну вот видишь, значит, я вдвойне властен над тобой, и приговор тебе вынесен твоим предком...

— Это несомненно так. Если убьешь меня собственноручно без всякой вины с моей стороны, то не окажешься в ответе даже перед Богом. Но дело в том, что я виновен перед тобой хан!..

— В чем же виновен?

— Это я устроил побег батыра Саяна!

— Ты!.. В таком случае я прикажу оттянуть твою смерть на год, на десять лет!.. Я прикажу кормить тебя так, чтобы до глубокой старости прожил ты в каменном мешке и проклял бы десять поколений собственных предков!..

Гнев хана несколько не тронул узника. Он продолжал смотреть куда-то сквозь стену дворца.

* * *

— Хочешь, чтобы каждый день я умирал сначала... — сказал он. — Пусть будет так, я не боюсь... Если ханская воля пересилит божье предопределение, то этому следует покориться. Но не об этом хотел я говорить...

— О чем же еще, старик?

— Почему не спросишь меня, мой хан, зачем я устроил побег этого батыра?

— И божий ангел сворачивает с пути, когда блеснет ему в глаза золото!

— Нет, мой повелитель-хан, ни ангелам, ни рабам не нужно золото. Оно нужно царям. Совсем по другой причине помог я бежать батыру Саяну. Дело в том, что он является самым младшим сыном мирзы Улугбека от его рабыни-аргынки и родным братом по отцу твоей супруги Рабиа-султан-бегим. Об этом знали только она да я...

В числе сорока рабов привезла сюда своего незаконнорожденного брата Рабиа-султан-бегим. Про то, что он сын Улугбека, не должны были знать другие наследники. Тебе, я думаю, мой хан, объяснить не приходится, что всем им не очень понравилось бы появление еще одного претендента на престол. Если отца они не пожалели, то этого малыша зарезали бы еще в колыбели.

Предчувствуя беду, великий мирза Улугбек за год до собственной смерти поручил мне беречь как зеницу ока свою любимую дочь Рабиа-султан-бегим и семилетнего побочного сына. Я дал ему в этом клятву. Ну а ты теперь знаешь, что я верен даже тем клятвам, которые давали мои далекие прадеды...

Теперь тебе известно, в чем я виновен перед тобой, и на душе у меня стало легче. Да, это я устроил побег, да и трех гнедых Рабиа-султан-бегим оставила дома по моему совету. А у султана Джаныбека я взял часовых-аргынов, потому что только они согласились бы бежать вместе с батыром, имеющим отношение к их роду...

Вот и решай сейчас мою участь, мой повелитель-хан, а мне уже все равно. Я спокоен, потому что свято исполнил в этой мимолетной жизни клятву своего предка Кара-Нара и так же честно выполнил свое обещание самому лучшему из людей — ученому миру Улугбеку!..

* * *

Хан Абулхаир опешил, услышав это признание. Он не знал, радоваться или огорчаться. Ведь когда он намеревался казнить Рабиа-султан-бегим, то исходил не из одной ревности. Ему не терпелось опозорить публично всех тимуридов, которых он не любил. А причиной этого было поведение Абдусаида — правителя Самарканда и его зятя, которое в последнее время все больше не нравилось Абулхаиру.

Посаженный некогда на престол ханом Абулхаиром, эмир Абдусаид признавал его своим верховным правителем и даже выстроил в Герате дворец в его честь. Половину собираемых налогов он неукоснительно направлял в Орда-Базар, за что ханские войска гарантировали безопасность Самарканда. Но в последние годы все переменялось. Присоединив к Самаркандскому и Бухарскому вилайетам значительную часть Ирана, включая богатейший северный Хорасан, эмир Абдусаид перестал считаться с ханом и делал все по-своему. Абулхаир вдобавок узнал, что его родная дочь, которую он отдал в жены эмиру, как раз и подбивает мужа к неповиновению...

Особенно нагло повел себя его самаркандский зять именно сейчас, когда в результате ухода многих казахских родов во главе с Джаныбеком и Кереем значительно ослабло его могущество. Он уже начал грозить кулаком хану, этот Тимуров последыш! Не проучи его сейчас, завтра все подвластные султаны, эмиры и беки станут поступать так же, и развалится его ханство, словно старый дувал...

Нет, этого он не допустит. Дальновидный, многоопытный Абулхаир еще покажет им свои железные когти. Ведь именно Рабиа-султан-бегим хлопотала о том, чтобы хан помог Абдусаиду когда-то воссесть на престол. Пусть она и ответит за все, а до Абдусаида еще дойдет очередь. Жаль, что войска сейчас недостаточно для осады Самарканда.

Да, он слабеет, а враги становятся сильнее с каждым днем. Джаныбек с Кереем, этот Абдусаид, Иса Буга — владыка Моголистана, в пределы которого откочевали многие степные аулы. Что же, надо иметь терпение...

Так думал все эти дни хан Абулхаир, и тут подвернулось дело Рабиа-султан-бегим. Это было поистине находкой для него, позволяющей показать всем тимуридам, да и другим зависящим от него правителям, насколько решительно он настроен. Вот почему не очень-то обрадовали его показания бывшего советника, снимающего всякие подозрения с Рабиа-султан-бегим.

Но где-то в глубине души хан почувствовал и некоторое освобождение от ревности, которая прокрадывалась порой в его сердце. Он все же любил свою еще молодую и красивую жену, гордясь по-своему ее умом и образованностью и хорошими манерами.

Но почему не сказала ему Рабиа-султан-бегим о том, что Саян приходится ей братом? Аргынские султаны, видимо, знают об этом, а от него все скрывалось. Не говорит ли это о тайных сношениях ее с аргынами? Кто знает, какие сети сплетены уже против него!..

Хан снова помрачнел... Нет на свете мук сильнее, чем болезненное чувство преследования. Как раз им-то в наказание и болеют люди, подобные хану Абулхаиру. Повсюду мерещились ему враги. Никому на свете не верил он, кроме себя. Если прибавить к этому, что он был от природы мнительным, то станет понятно, какая жестокая змея грызла его сердце всю жизнь...

«Нет... нет... Они все объединились, чтобы уничтожить меня и мое ханство! — думал Абулхаир. — Первым делом следует стереть с лица земли эту змею Рабиа-султан-бегим!..»

Оспан-ходжа понял, о чем думает сейчас хан.

— Это от меня узнали аргыны, что Саян-батыр из их рода, — тихо промолвил он. — Я рассказал им про это еще пять лет назад...

— Для чего?

— На заливаемый волнами челн в открытом море похож сирота. Неужели нужно скрывать

от него, что есть хоть кто-нибудь из родных у него на земле!..

— Разве не было у него на кого опереться, помимо аргынов? Сама ханум, тайная сестра, беспокоилась о теплом местечке аталыка для него.

— Но ты же не согласился, мой повелитель-хан...

«Да, я сам не согласился, — думал хан. — А было бы неплохо, если бы родной сын Улугбека стал названным братом моему сыну и жил у меня. Какой это был бы хороший кнут над головой тимуридов! Каждый день поутру оглядывались бы они в мою сторону. И наказание, которому подвергнул бы я гнусного Абдусаида, получило бы поддержку толпы... Сколько земли ни завойю, а если не угодишь людям, ханство твое будет похоже на карликовый халат, натянутый на великана. При малейшем неуклюжем движении станет он расплзаться по всем швам...»

Снова перебил его мысли Оспан-ходжа:

— Если бы вы казнили славного батыра Саяна, то тем самым лишились бы и своей дочери Гульбахрам...

— Почему?

— Как и у всякой дочери Евы, есть у нее чувства... Любит она батыра Саяна.

— Кому, кроме тебя, это известно?

Оспан-ходжа сразу догадался, что хан неспроста задает этот вопрос.

Он задумался, потом поднял голову и посмотрел долгим взглядом на хана:

— Рабиа-султан-бегим... Она спит и во сне видит, что соединятся эти два любящих сердца.

«Значит, Рабиа-султан-бегим действительно сестра батыра, — размышлял Абулхаир. — Тогда почему скрывала она от меня это? Если бы я узнал вовремя все об этом Саяне, то сделал бы его аталыком моему Суюнчику. Все уладилось бы тогда как нельзя лучше!»

— Рабиа-султан-бегим сперва хотела попросить тебя о том, чтобы ты сделал Саяна названным братом Суюнчику, то в таком случае он должен был навеки отказаться от Гульбахрам, так как нельзя по закону Мухаммеда жениться на сестре. Поэтому лишь о должности аталыка просила она для него... Ты почему-то заупрямился тогда, мой хан, а раскрыть тебе тайну батыра Саяна никто не решился, зная твой характер. Разве отдал бы ты свою дочь какому-то бродяге, когда главный каракипчакский батыр имеет на нее виды. Да и Кобланды-батыр не тот человек, который уступает добычу другому. Мало ли что могло произойти!..

«Прежде чем руководить ханством, научись править в своей юрте!» Это изречение, приписываемое Чингисхану, вспомнил сейчас хан Абулхаир. Как же допустил он все эти хитросплетения и почему ничего не знал о них? Сердцем ханства считал он себя, через которое проходит вся кровь из бесчисленных вен. А тут вдруг оказалось, что даже собственное сердце за семью замками для него!..

Абулхаир не схватился за колокольчик, а просто хлопнул в ладоши. На пороге немедленно возник Бахты-ходжа, в испуге уставился на хана.

— Сейчас же приведите ко мне мою дочь Гульбахрам и призовите батыра Кобланды!

«Отдам ее сейчас старому батыру! — решил хан. — Хоть этого привяжу к себе навечно вместе с его воинственным родом. А попутно отомщу аргынам с их беглым Саяном. Нет позора сильнее для молодого батыра!.. Грешен или нет батыр Саян передо мной, а дело будет сделано. Сам виноват, что не открылся вовремя. Теперь он среди злейших моих врагов, и его уже не вернешь... Ну а с Рабиа-султан-бегим подождем. Она действительно невиновна и еще в состоянии дарить радость...»

— Разрешите, мой повелитель-хан, дать тебе еще один совет. Когда-то ты прислушивался к моим словам...

— Говори!

— Хан, доверивший тайну собственному везиру, подобен попавшему в западню зверю. Его судьба всегда в руках везира. Если он друг, то поможет выпутаться из беды, если враг — берегись его. Как бы то ни было, но непросто от него избавиться...

— К чему ты мне это говоришь?

— Остерегайся Бахты-ходжи, мой хан. Люди стали уже бояться его, а не тебя. Так

случается, когда везир уже крепко держит в своих руках властителя...

«А ведь прав этот мертвец! — как молния пронзила страшная мысль Абулхаира. — Да, Бахты-ходжа знает все мои тайны, даже такие, которые самому себе боишься доверить. А что, если при всем своем ничтожестве попытается он использовать их против меня? Может быть, случилось уже что-нибудь похожее. Недаром у меня в последнее время при виде его возникает чувство, словно змея заползает в дом!»

Волна неистовой подозрительности вновь нахлынула на него.

Везир, знающий слишком много, не должен оставаться в живых!

Как бы издалека донеслись до него эти слова бывшего советника, и хан в задумчивости кивнул головой. Вся жизнь этого человека прошла при дворцах различных правителей. Пожалуй, есть у него причины для личной обиды на нынешнего везира, но и сам хан уже неоднократно думал об этом. Да, да, слишком много знает лукавый Бахты-ходжа для того, чтобы умереть своей смертью. Сам он на свою беду пошел в везиры и не может не знать, чем это кончается!..

Вошел один из дворцовых служителей, склонился:

— О мой повелитель-хан!.. Ваша высокочтимая старшая супруга не решилась доложить вам, что со вчерашнего дня всюду ищут Гульбахрам — вашу светлую дочь. Вчера она целый день объезжала двух серых аргамаков, которые должны были принять участие в скачках, намечающихся в нижнем ауле. Нет ни скакунов, ни ханчи!..

Привыкший уже в последнее время ко всяким неожиданностям в своем доме, хан до белизны в пальцах сжал колокольчик.

— А Кобланды-батыр?

— О мой государь!.. — Страх был в глазах придворного. — Каракипчак Кобланды-батыр снялся с места со своими аулами и уходит в сторону Тургая...

Хан помолчал и уже тихо спросил:

— Почему?

— Он никому ничего не сказал. Джигиты его вооружены и никого не подпускают к каравану. Люди рассказывают, что он погнался за бежавшей Гульбахрам-Патшаим, да не догнал, потому что ускакала она в сторону Моголистана, куда ушли аргынские аулы. Но это обычное вранье. Никто ничего не знает!..

"Нет, это не вранье! — Абулхаир стиснул зубы. — Люди раньше меня узнают о том, что случается... Стало быть, Кобланды-батыр в самом деле надеялся на руку моей дочери, а она убежала от него и от меня к аргынам!..

Но каков этот каракипчак!.. В благодарность за то, что я не отдал его в руки врагов, он оставляет меня в самую трудную минуту... Но и винить его нечего.

Но это значит, что все сказанное Оспан-ходжой получает подтверждение. Из-за девчонки хотел сгубить Саяна Кобланды-батыр. Отсюда же его ненависть к Акжол-бию... Ну что же, берега Тургая еще подвластны мне. Хорошо уж то, что не ушел батыр за Джаныбеком и Кереем в чужие пределы!"

* * *

— Видать, выдохся кипчакский батыр, если не смог догнать девчонку! — сказал с усмешкой хан Абулхаир.

Он знал, что через пять минут эти слова с упоминанием о его спокойной усмешке распространятся по всему дворцу. Через час их будут повторять в городе. А через три дня они облетят все ханство. О них будет известно в Моголистане, в Самарканде и Бухаре, в Хорасане. Весь мир будет знать, что никакого значения не имеет для его могущества уход каких-то аргынов, а за ними и кипчаков. Сколько раз случалось такое в степи Дешт-и-Кипчак!

— Да, мой повелитель-хан! — поддержал его просиявший придворный и попятился к выходу.

Хан Абулхаир отвернулся и досадливо махнул рукой в сторону Оспан-ходжи. Ему нужно было остаться одному. Бывшего советника ухватили под руки и поволокли из комнаты.

— Прощайте, мой повелитель-хан! — выкрикнул несчастный, но хан только досадливо

дернул плечом.

Не до правды и добра было ему сейчас. Об этом обычно забывают властители, и один вид людей, которым они чем-то обязаны вызывает у них раздражение.

Да и что за дело хану всей степи Дешт-и-Кипчак до какого-то узника, который был в прошлом его советником? Абулхаир его сделал советником, он его и устраняет. Разве не сам Оспан-ходжа подал ему благой совет по поводу советников, которые слишком много знают?

Да, ему необходимо было остаться наконец одному, чтобы обдумать все происшедшее. Едва закрылась дверь за охранниками, хан Абулхаир прилег на подушку, уставившись невидящим взглядом на ковровый рисунок. Время от времени рука его утирала пот со лба, выступающий от тяжких раздумий...

Итак, Джаныбек с Кереем ушли в подданство к потомкам Джагатая в Моголистан, Каракипчак Кобланды-батыр увел свои аулы на Тургай. В Мавераннахре отворачивается от него подлый тимурид Абдусайд... Но это еще не все. На днях доложили ему, что Казтуган-жырау, «Ростом с грача», решил с несколькими кипчакскими аулами примкнуть к Джаныбеку и Керее. Перед отъездом маленький певец благословил остающиеся на Едиле племена алчин и жаппас следующими словами:

*Если присядет верблюд здесь в прибрежной
траве,
Ни за что не сыскать его.
Когда рыба идет косяком,
Коням не напиться воды!..
Ночные шумы от зверья
И сытый птичий гомон
Не дадут здесь уснуть человеку и под землей!
Но я все же покидаю
Твои берега Едиль.
Благословляю вас, остающиеся,
И желаю вам счастья
Во все века!..*

Почему же продолжают уходить к Джаныбеку и Керее казахские племена и роды? Неужели на краю пропасти великая Орда, созданная с таким трудом? Десять сыновей, пятнадцать дочерей и полсотни внуков уже у него. Разве этого недостаточно, чтобы замазать все щели в давшей течь лодке?

Еще при его жизни некоторые из сыновей начали показывать свои коготки. Что же станет с Ордой, когда останутся они одни и не надо будет оглядываться на отцовский кнут? Растащат по клочкам все ханство! Да, пока не поздно, следует железной рукой навести порядок как в собственном доме, так и у его порога.

Прежде всего необходимо сделать верным союзником Мавераннахр. Тимуриды имеют там вес и влияние, следовательно, нужно использовать Рабиа-султан-бегим. Правнучка самого Тимура и дочь любимого ими Улугбека должна быть жива и здорова, тем более что отпали всякие подозрения в отношении ее супружеской верности. Чингисхан учил, что война необходима для захвата чужих земель, а кто лучше сможет управлять ими, чем свои же беки и султаны. Так пусть они будут из его дома. Пусть его дети остаются правителями не в зыбкой переменчивой степи, где все зависит порой от настроения того или иного батыра и его рода, а в древних сырдарьинских городах за толстыми стенами. Туда рано или поздно перенесет он свою столицу назло всем степнякам, которые уходят, даже не предупреждая его об этом!

Ну, а укрепившись там, можно будет навести порядок и в степи. Прежде всего надо осуществить давно задуманный поход на Моголистан. Дорого заплатят ослушники за самовольный уход, на брюхе приползут обратно под его защиту. Всех соседей натравит он на них!

Хорошо сказал этот Оспан-ходжа:

«Везир, знающий слишком много, не должен оставаться в живых!»

Прежде всего это относится к нему самому. Хоть и находится он в глубокой яме, да и

жить ему осталось немного, но не надо уповать на Бога в таком деле. Земля тоже имеет уши. Слишком много тайн рассказал он сегодня. А сколько еще хранит его память!.. Что же касается Бахты-ходжи...

С этого дня прекратили давать всякую еду находящемуся в каменном мешке Оспан-ходже. А главный везир Бахты-ходжа вдруг исчез. Ушел из дома с четырьмя нукерами личной охраны и не вернулся. Ханские гонцы поскакали во все четыре стороны искать его, но тот как в воду канул.

Вскоре поползли слухи, что Бахты-ходжа сбежал в Моголистан. Хан был удручен этим обстоятельством и искоса посматривал на придворных и близких людей сбежавшего везира. Они вначале перешептывались о причинах исчезновения своего земляка, а теперь сами испугались ханской мести.

* * *

Но хан Абулхаир ограничился тем, что забрал себе в пятые жены оставшуюся тринадцатилетнюю дочь пропавшего везира, которую заметил уже давно.

И все же Рабиа-султан-бегим была для хана дороже всех остальных жен. С ней продолжал он обсуждать многие свои дела. И, к чести ее следует сказать, она давала хану неплохие советы. Все реже стали проявляться у него вспышки подозрительности по отношению к ней. Как только исчез с горизонта Бахты-ходжа, она стала заменять везира даже при решении дел, мало касающиеся женщин. Острый ум отца проявлялся в ней, и в жизнь ханства она вмешивалась без лишнего шума, достойно и незаметно...

Прошло совсем немного времени, и Рабиа-султан-бегим сделалась главным лицом при хане-супруге. Ни одного сколько-нибудь важного решения не принимал он без ее совета. А она старалась давать их поменьше, потому что чувствовала: если хан Абулхаир начинает слишком зависеть от какого-нибудь человека, для того добром это не кончается. За примерами было недалеко ходить...

К тому времени как раз пришла весть, что в Орда-Базар едет Мухаммед-Джоки, внук

Улугбека. По распоряжению Рабиа-султан-бегим его встретили с высокой торжественностью за чертой города. Десяток джигитов ехали с ним. Все они сошли с лошадей у ворот Орда-Базара и вошли в город пешими. Оставив у входа во дворец оружие, они склонились перед ханом Абулхаиром в глубоком поклоне...

Хан Абулхаир вздрогнул и ухватился рукой за кинжал: Мухаммед-Джоки как две капли воды похож был на бежавшего батыра Саяна. Даже родинка у них на одном и том же месте.

Рабиа-султан-бегим, сидевшая рядом с Абулхаиром, чуть наклонила голову:

— Мой повелитель-хан, это ваш младший шурин Мухаммед-Джоки, родной сын мирзы Абду-Латифа!

Потом она повернулась к гостю:

— Мой родной и единственный Мухаммед-Джоки, благополучен ли был твой путь?..

Тот утвердительно кивнул головой и произнес положенные слова.

— Ты стоишь перед своим зятем, высокочтимым и мудрым, как пророк Сулейман, грозным, как Искандер-Зулькарнайн, перед ханом всей страны Дешт-и-Кипчак, верным другом Мавераннахра и Хорасана!

Она первая сошла с места, подошла к племяннику и обнялась с ним грудь в грудь. Абулхаир снова почувствовал головокружение. А когда она подвела племянника к нему, хан даже сделал шаг назад и поздоровался с ним за руку. Обняться, как положено родственникам, было свыше его сил.

Словно замороженный, не мог оторвать глаз от лица гостя хан Абулхаир. Те же густые сросшиеся брови, пронизывающий взгляд, то же бледное, благородное лицо, что у батыра Саяна. И движения у него такие же — мягкие, тигриные...

Тревога не проходила. Хану все время казалось, что против него затевается что-то и под видом Мухаммеда-Джоки во дворец к нему проник бежавший к аргынам батыр Саян. Каждое мгновение ожидал он с его стороны удара кинжалом. Сразу все понявшая Рабиа-султан-бегим мягко улыбнулась ему, успокоительно положила руку на его руку.

— Я забыла предупредить тебя, мой дорогой хан, что Мухаммед-Джоки словно повторение батыра Саяна! — шепнула она.

Увидев, что хан продолжает волноваться, она попросила разрешения удалиться с гостем, и Абулхаир с облегчением согласился. Рабиа-султан-бегим увела гостя на свою половину.

Она далека была от того, чтобы укорять невинного Мухаммеда-Джоки за его отца Абду-Латифа, который убил ее отца Улугбека. Недолго прожил Абду-Латиф после отцеубийства и сам был зарезан на том же троне. А пользу от всего получили враги.

— Не нужно враждовать дочери Улугбека с сыном Абду-Латифа, ибо все равно мы одной крови! — сказала она ему. — Ведь издавна известно, что «шестеро ссорящихся между собой уступают в битве одному смельчаку». Среди оставшихся в живых потомков Улугбека мы наиболее близки друг другу. Давай же подадим пример своей беспокойной родне. Потомки великих завоевателей всегда должны стремиться к миру, чтобы и на них не распространилось божье проклятие!..

Рабиа-султан-бегим не случайно была так ласкова с Мухаммедом-Джоки. Они росли вместе во дворце Улугбека, и племянник был всего на пять лет младше ее. На правах старшей она с детства окружала его заботой. Несмотря на жестокость придворных нравов, они с малых лет питали друг к другу любовь и привязанность. Это чувство возымело теперь верх над всем остальным, что случилось между их отцами и родственниками.

В честь приезда Мухаммеда-Джоки четвертая жена хана устроила большой пир. Снова состязались джигиты и борцы-палваны, с утра до вечера в ханском парке раскачивались качели.

Когда прошла положенная для гостя неделя забав и веселья, Мухаммед-Джоки был принят Абулхаиром. Он рассказал хану о цели своего длинного и трудного путешествия и о своих планах. Увидя, что гость явился к нему совсем без оружия, хан почти успокоился. Беседа получилась душевной. Конечно, главную роль сыграла в этом присутствовавшая тут же Рабиа-султан-бегим. Абулхаир постепенно привыкал к виду своего родственника и уже не хватался за кинжал.

А Мухаммед-Джоки рассказывал интересные вещи. Оказывается, народ и почтенные бии недовольны правлением Абдусаида. Хан Абулхаир поинтересовался количеством и составом войск в Самарканде, Бухаре и Герате. Мухаммед толково рассказал о них, дал оценку их состоянию. А потом без всяких околичностей попросил у хана Абулхаира поддержки в предстоящей борьбе за престол тимуридов.

— О великий Абулхаир-хан, для того я и приехал к вам! — сказал он. — Мой дед Улугбек принял этот престол от самого Тимура. А теперь пришел мой черед, и право мое на дедовский престол неоспоримо!..

— Как же ты думаешь осуществить это? — спросил хан Абулхаир. — Право есть лишь у того, за кем стоит доброе войско...

— Я знаю, мой хан... Абдусаид сейчас ушел в поход, чтобы до конца довести завоевание Хорасана и Балха. Этим он надеется укрепить свое могущество, чтобы ни от кого не зависеть. В Мавераннахре растет недовольство, потому что война пожирает все средства. Помогите мне взять Самарканд, и все отвернутся от Абдусаида. Такой удобный для меня случай вряд ли представится когда-нибудь в другой раз...

Абулхаир усмехнулся:

— Когда надо было отобрать власть у Абдаллаха, то же самое говорил мне Абдусаид...

— Я не Абдусаид! — воскликнул Мухаммед-Джоки. — Если стану самаркандским кореханом, то никогда не забуду вашей поддержки. Могу поклясться на Коране, что буду для вас как сын! Да разве моя дорогая Рабиа-султан-бегим не самый близкий человек мне в этом мире?

— Мне не нужно усыновлять тебя... — задумчиво сказал хан Абулхаир. — У меня достаточно своих сыновей. Но я хочу, чтобы был ты мне вместо сына на престоле тимуридов!

— Вот Коран, вот хлеб, и даю вам в этом клятву. Воля ваша отныне сделать со мной все, что угодно, если нарушу ее!..

Абулхаир долго думал, потом посмотрел на Мухаммеда-Джоки уже совсем другими глазами. Это были суровые глаза полководца:

— Сколько осталось в Самаркандском вилайете боевых слонов, пригодных к сражению?

Этот вопрос всегда занимал степных военачальников, когда начинали они войну с Мавераннахром. С тех пор как Тимур завоевал часть Индии, у всех более или менее крупных властителей Средней Азии появились боевые слоны в войске. Значительное количество их было в Самаркандском и Бухарском вилайетах. Это было самое действенное средство против конницы кочевников. Не видевшие никогда слонов степные полудикие кони пугались одного вида этих чудовищ и выходили из повиновения. Да и смелые джигиты без большой охоты приближались к громадным слонам, наверху которых сидели укрытые лучники и осыпали градом стрел атакующих.

Хан Абулхаир обычно выбирал такой момент для нападения на Мавераннахр, когда слоны были в каком-нибудь походе. Словно волчья стая, нападающая лишь ночью на уснувшие кошары, налетала его конница на оставленные без должной охраны города. А после захвата их слоны уже были бесполезны.

Правда, к этому времени немного оставалось слонов в вилайетах Мавераннахра, но еще с юных лет Абулхаир испытывал перед ними мистический страх. Двадцать пять лет было ему, когда в первый раз подошел он к стенам Самарканда. Лишь трех слонов выпустили на него жители города, но все бесчисленное конное войско хана Абулхаира в панике разбежалось кто куда. Когда на него самого бросилось, яростно размахивая хоботом, громадное животное, он так струсил, что уронил копьё и убежал пешком, бросив коня. Хорошо, что умный конь сам разыскал его в свалке и вынес из битвы.

С тех пор хан Абулхаир, прежде чем идти в Мавераннахр, всегда осведомлялся о слонах. Как говорится, «укушенный змеей боится перешагнуть через пеструю веревку».

— Все те же три слона во всем Мавераннахре! — успокоил его Мухаммед-Джоки. — Да и те уже настолько стары, что годятся лишь для перевозки гаремов.

— Разве трудно достать других слонов? — недоверчиво спросил хан Абулхаир.

— Не в слонах дело... Для того, чтобы обучить их боевому искусству и использовать в военных целях, нужны опытные погонщики. Раньше эту службу несли пленные рабы из Индии. Многие из них постарели и умерли, другие сбежали на родину. Двадцать слонов, оставшихся без погонщиков, отравили в свое время противники Абдаллаха...

Абулхаир удовлетворенно кивнул головой:

— И хорошо сделали!..

Он поднял глаза к потолку, где арабской вязью были написаны различные изречения, и прочел вполголоса: «Где можно обойтись, совершай свое дело без кровопролития. А где не обойтись, пусть будет тебе судьей аллах!»

Под этим изречением висело на стене множество оружия: булатный меч, кривая степная сабля, трехгранное двуострое копьё из кремниевой стали, палица с чугуновой пупырчатой головкой, несколько луков... Вот этим самым мечом отсек он когда-то голову своему наставнику и учителю. А копьём насквозь пробил сердце хана Мустафы...

Абулхаир невольно усмехнулся... «...где не обойтись, пусть будет тебе судьей аллах!» Как будто без помощи бога взял я в руки оружие! И не ради же забавы допустил бог присутствие на земле копий и мечей».

Да, бог всегда был с ним, иначе не везло бы ему так всю жизнь. Вот и теперь допустил он, чтобы отравлены были боевые слоны в Мавераннахре. Не знак ли это ему свыше — напасть на ожиревших горожан! И пусть пеняет на себя клятвопреступник Абдусаид. Аллах и не может быть с ним, потому что нарушил он божью клятву. А хан Абулхаир избран для божьего суда над ним.

Он впился взглядом в лицо Мухаммеда-Джоки:

— «Радей ближнему своему!» Так говорится в коране, и я готов помочь тебе. Но есть два условия...

Мухаммед-Джоки склонил голову.

— Первое из них... — Хан Абулхаир повернулся в сторону Рабиа-султан-бегим, показывая, что это условие имеет отношение именно к ней. — Эмир Абдусаид женился на моей дочери в подтверждение своей клятвы. Как мне покарать клятвопреступника, смертельно оскорбившего меня, несмотря на родство?

Понимавшая его с полуслова жена улыбнулась и махнула рукой:

— Разумеется, возвращение дочери к отцу от неверного мужа — недостаточная кара за такой проступок. В наказание и утверждение твоей власти ты, великий хан, должен забрать себе в жены у Абдусаида его тринадцатилетнюю дочь от первой жены Ибадат.

— Да, только так! — подтвердил ее слова Абулхаир и снова повернулся к гостю: — Значит, первое мое условие тебе высказано супругой моей. И ты поклянешься, что этот нераскрытый бутон, о красоте которого столько говорят в Мавераннахре, будет в моей вазе!

— Клянусь, великий хан!

— А второе условие несложно... Клятву, нарушенную Абдусаидом, дашь теперь ты!

— Клянусь, мой повелитель-хан!

Вскоре из Орда-Базара выступило десятитысячное войско. В нем находились несколько знаменитых батыров, имена которых знали в Мавераннахре. Вместе с войском ехал Мухаммед-Джоки, чтобы возвратить принадлежавший ему по праву престол тимуридов...

Хан Абулхаир знал, что в отсутствие эмира Абдусаида нетрудно будет взять Самарканд. И все же, по своему обычаю, спустя неделю он выступил сам во главе двадцатитысячного отборного войска. Такой силе никто не мог противостоять сейчас в Мавераннахре.

* * *

Несколько раз за время своего правления переносил столицу своей Орды хан Абулхаир. Одно время даже думал перенести в Крым, неподалеку от Кара-Дага. Там, на теплом морском побережье, находились мечеть и дворец предка его Узбек-хана. Потом у него возник план восстановления разрушенного Тимуром города Сарая на Едиле. Но это было далеко от Мавераннахра, с которым он все более и более связывал свою политику. На западе поднимались и крепились новые государства, и он понимал, что совладать с ними ему вскоре будет не под силу. А в Мавераннахре, этом «земном рае», по словам поэтов и ученых, он был уже нужным союзником.

Поэтому и возвращался он всякий раз в Орду-Базар, чтобы не терять связи с Мавераннахром. Но этот маленький степной городок лежал далеко в стороне от больших караванных дорог, в нем было мало мастерских, вокруг ничего не росло. А огромное ханство нуждалось в настоящей столице, и хан со своим правительством должен был жить ближе к своим основным владениям. К тому же сейчас, с уходом в Моголистан и на Тургай значительной части степных родов, значение Орда-Базара совсем упало...

Да и вообще район Орда-Базар становился все опаснее для купцов и ханских чиновников. В последнее время участились случаи разбоя и нападения на ханские табуны. Все чаще стали поговаривать о некоем народном батыре-атамане, сплотившем вокруг себя храбрых джигитов, который раздавал беднякам угнанный ханский скот и лошадей. Говорили, что ездит он на необыкновенном волшебном коне и сопровождают его одни батыры-бедняки, конепасы. Действительно, ханские сторожевые отряды неоднократно гонялись в песках за этим батыром, но он исчезал со своими джигитами и одно мгновение, и невозможно было обнаружить даже их следы...

А этот «Одноглазый батыр» был не кто иной, как бывший ханский табунщик Орак. Около года прожил он в горной пещере среди вылечивших его волхвов. Лицо его было изуродовано страшными шрамами. И он не желал показываться Аккозы в таком виде, предпочитая остаться для нее и для всего мира мертвым. Орак-батыр взял себе другое имя, и мало кто знал его тайну. Он и не предполагал, что одной из причин, по которым хан Абулхаир хотел перенести свою столицу поближе к зеленым оазисам Мавераннахра, были его лихие набеги.

После долгих раздумий Абулхаир решил сделать своей столицей Ургенч, расположенный на Джейхуне, или Амударье, как все чаще начали называть эту бешеную, своенравную реку — одну из крупнейших рек мира. Рядом, в пределах видимости, находилась Хива. Вокруг лежали заброшенные поля древнего Хорасана, который постепенно приходил в себя после страшного разгрома, учиненного Чингисханом. И от Ургенча был открыт путь к Каспийскому морю, в Мавераннахр, в Хорасан и Балх. Под боком жили родственные каракалпаки, которые не представляли опасности для могущественного ханства, а беспокойная степь Дешт-и-Кипчак находилась за пустынным Аральским морем...

Именно оттуда, из Ургенча, приступит он к завоеванию Моголистана, а когда завершит его, то больше всех великих держав древности будет его ханство. С греческим царем Искандером, с самим Чингисханом и грозным Тимуром сравнится он славой!

Можно ли мечтать о большем в этом мире? Из поколения в поколение будет передаваться его имя, а потомство его будет править всеми народами и пользоваться предпочтением перед другими людьми. Ни к чему ему мудрость всяких жырау, которые ради презренного мира пренебрегают боевой славой. На крови держится все, и чем больше крови прольется, тем громче будет звучать его имя в веках!..

* * *

Да, после этого похода хан Абулхаир решил не возвращаться в Орда-Базар, но пока все многочисленные аулы подчиненных ему родов остались на месте. Через неделю войско остановилось на привал у реки Сейхундарья, в виду развалин древнего казахского города Отрара, известного своим героическим сопротивлением Чингисхану. Были разбиты шатры и юрты, чтобы дать отдохнуть людям и подкормиться лошадям. За это время подтянулись отставшие обозы и караваны следующих за войском жен-наложниц. Можно было приступить к переправе, которая в те времена была нелегким делом...

Сейхундарья была здесь бурной и своенравной рекой. Берега ее поросли высокими зарослями камыша, стеной стояли тугаи, росли карагач и густая джида. Множество птиц и зверей водилось там, и каждую ночь под самым ханским лагерем рычали потревоженные тигры.

Уже во времена Чингисхана существовал своеобразный метод переправы через широкие реки. У каждого воина была мягкая выделанная шкура козла или теленка, по краям которой продевалась в дырочки прочная волосяная бечевка. В эту шкуру складывалось оружие и одежда, после чего воин затягивал бечевку. Получался большой, наглухо закрытый кожаный мешок, полный воздуха. Обычно этот мешок привязывали к хвосту боевого коня и плыли рядом, держась за него. Выросшие на берегах бурных рек Орхон, Керулен, Енисей и Иртыш, монголы легко преодолевали таким образом любые водные преграды на своем пути. От них и переняли некоторые казахи этот метод.

Но основная масса казахов, в том числе и кипчаки, издревле пользовались совсем другим способом. Они загоняли в воду освобожденных от груза лошадей сразу целым табуном, причем впереди плыли самые опытные и сильные кони. В середине табуна под охраной матерей переправлялись жеребята. Люди же связывали плоты-салы из камыша и тальника, и только немногие пользовались надутыми бычьими желудками или высушенными тыквами.

После однодневного отдыха Абулхаир приказал своим джигитам рубить камыш и вязать салы, а сам с несколькими нукерами и приближенными поехал в тугаи поохотиться. Весной река в этом месте выходила из берегов, а когда вода отступила, осталось множество маленьких озер и протоков. В засушливые годы сюда обычно переезжали на летовку аулы из далеких гор Казыкурт. В болотной жиже здесь можно было выкопать огромных, в рост человека, сомов и налимов.

А когда аулы не прикочевывали сюда, эти места оставались царством зверей и птиц. Особую ценность представляли водившиеся здесь в изобилии олени и маралы. Вряд ли где-нибудь еще можно было найти для них лучшее пастбище.

Хан Абулхаир ехал на своем неизменном Тарланкоке, которого весь путь до Отрара вели в поводу. Когда выехали на небольшую полянку, Тарланкок вдруг тревожно всхрапнул и наострил уши. Прямо на поляну вылетело и пронеслось мимо целое стадо пятнистых бухарских оленей и несколько маралов. Не успели люди удивиться этому, как вслед за оленями и маралами на поляне появились волки. Это были матерые лютые хищники со вздыбленными жесткими загривками. Хан Абулхаир гикнул и полетел за ними на своем Тарланкоке, оставляя далеко позади свиту...

Впереди открылась равнина с кустарниками таволги и курая, за ней синела Сейхундарья. Справа и слева блестели под солнцем болотистые озера. Белесое марево разливалось над землей, мешая хорошо видеть все, что находилось по сторонам. Олени впереди похожи были на

исчезающий мираж, и только темно-бурый волк, замыкающий стаю, уже был под самыми копытами Тарланкока. Вот он круто повернулся всем корпусом к хану, сверкнули стеклянные глаза зверя, и в то же мгновенье ханская стрела вонзилась ему в сердце.

Волк, перекувыркнувшись в воздухе, грохнулся о землю, а хан уже натягивал тетиву, догоняя второго. Вскоре упали от ханских выстрелов второй, за ним третий волк. В какие-нибудь несколько минут хан Абулхаир убил четырех волков. В колчане оставалась лишь одна-единственная стрела. Еще несколько волков бежали впереди, и ему захотелось настичь вожака — огромного серого зверя, который вел всю стаю.

Тарланкок, казалось, летел над кустами. Натянув до отказа тетиву, хан Абулхаир чуть ли не насквозь пронзил стрелой вожака. Волки сразу остановили погоню и мгновенно рассеялись. Абулхаир не удостоил их вниманием, закинул за спину лук и вынул кинжал. Он решил отбить от стада и прирезать хотя бы одного марала. Но олени и маралы с ходу проломили стену густого камыша впереди и тоже пропали из виду.

Абулхаир придержал коня и медленно поехал вдоль зарослей. Но вдруг Тарланкок взвился на дыбы и тревожно заржал. Хан чуть не свалился от неожиданности на землю, и только охвативший его ужас заставил что есть силы ухватиться за гриву верного коня. Буквально в десяти шагах, возле туши задушенного марала увидел Абулхаир изготовившегося к последнему прыжку громадного тигра. Глаза его горели зловещим огнем, усы шевелились, хвост колотился о землю. Как только Тарланкок опустил передние копыта на землю, тигр взвился в воздух, закрыв полнеба белым брюхом. Страшная когтистая лапа была уже над головой Абулхаира, как вдруг тигр грохнулся на землю. Хан раскрыл зажмуренные глаза и увидел опрокинувшегося на спину зверя.

Брюхо его слабо подрагивало, а поближе к горлу, как раз напротив сердца, торчало черное оперение.

Чтобы сразить одной стрелой такого тигра, нужно обладать поистине богатырской силой. Кто бы мог это сделать?

Абулхаир посмотрел в сторону и застыл на месте. В густых зарослях джиды по ту сторону долины он увидел не менее сотни неизвестных всадников. А в пятидесяти шагах от него стояли как ни в чем не бывало две гнедые лошади из тех, которых он подарил когда-то Рабиа-султан-бегим. На одной сидел бежавший некогда из ханского зиндана батыр Саян, а на другой — его родная дочь Гульбахрам! По тому, что лук у батыра Саяна был без стрелы, он сразу определил своего спасителя. Что сделать? Поклониться молодому батыру и поблагодарить за спасение от верной смерти или же броситься на него, кликнув нукеров? Ведь этот человек бежал из-под стражи, а потом умыкнул его дочь!..

Пока хан стоял в нерешительности, его дочь достала из колчана стрелу с острым — лопаточкой — наконечником, натянула тетиву и стала спокойно целиться в него из лука. Хан видел ее прищуренные глаза. Они были похожи на его собственные. Сердце дрогнуло у хана Абулхаира. Если от разъяренного тигра он попытался защититься хотя бы тонким булатом, то теперь стоял неподвижно. словно тяжким свинцом было налито тело. В какую-то долю секунды появилась у него жалость к себе, тоска по жизни, горькое сожаление, что поехал на охоту без панциря и кольчуги...

Абулхаир сидел неподвижно с закрытыми глазами.

Через некоторое время он услышал топот проехавших мимо коней и голос дочери:

— Напрасно удержал ты мою руку... Попались бы к нему в лапы, он бы не пощадил!..

— С женщиной, убившей родного отца, не мог бы я пробыть и одной ночи!

Мужское хладнокровие было в голосе говорившего, и хан понял, что это батыр Саян.

— В таком случае убей его сам!

— Какая женщина с чистым сердцем назовет мужем человека, убившего ее отца?!

Абулхаир открыл глаза, но никого уже не было поблизости. Разбойники-аламаны, которых, очевидно, возглавлял беглый батыр, скрылись в зарослях. Откуда-то издали послышался густой ухающий звук карная. Обеспокоенные придворные разыскивали его. Приученный к трубе, громко, протяжно заржал в ответ Тарланкок...

Немного погодя в долину выехали Бахтияр-багатур и другие батыры и нукеры. Увидев сраженных волков и распростертого на земле тигра, они начали восхвалять мужество и

доблесть хана. Но Абулхаир не промолвил ни слова в ответ. Он словно окаменел.

Впервые пробралось в его сердце раскаяние, и он подумал, что скоро умрет...

Они ехали обратно в лагерь, и хан Абулхаир молчал всю дорогу. «Неужели за тридцать с лишним лет правления не научился я распознавать людей? — думал он. — Разве не нужно было мне более внимательно приглядеться к этому Саян-батыру? Какой верный слуга и военачальник получился бы из него. Не говоря уж о том, что занесенным мечом в моей руке висел бы он над тимуридами. Когда хочешь покорить мир, именно такие люди нужны — верные и не умеющие лукавить!»

Нукеры везли содранные шкуры тигра и волков, повесив их себе на шеи. Одежда их была в крови, и капли крови оставались на пыльной дороге. Они были веселы после удачной охоты. Но хан продолжал ехать молча. Лишь когда приблизились к ханскому шатру, он поманил пальцем Бахтияра-багатура.

— Если без меня попадутся вам батыр Саян с моей дочерью Гульбахрам, то батыра отпустите с почестями... — шепотом сказал он, почему-то оглянувшись по сторонам. — Голову отрубите только ей!..

Из этих немногих слов умный Бахтияр-багатур, заменявший в последнее время везира, понял, что, видимо батыр Саян убил тигра. Тем более это вероятно, что вынутая из тигринного сердца стрела не была ханской. Таким образом, неизвестно откуда взявшийся батыр спас хану жизнь. Все это еще можно было предположить, и только одно было непонятно старому придворному: почему хан приказывает отпустить батыра в случае поимки, да еще с почестями. В прошлом хан в таких случаях поступал как раз наоборот. Чувство благодарности он, по примеру всех чингизидов, считал низким чувством, присущим лишь рабам...

«А может быть, чует свою смерть великий хан?» — мелькнула мысль у Бахтияра-багатура. С веселым видом показал он на тигровую шкуру, которую в это время обступили придворные.

— Я никогда еще не видел такого матерого тигра! — воскликнул он. — Страшно подумать, что произошло бы, если бы дрогнула ваша рука, мой повелитель-хан. Смерть благополучно миновала вас, и моя жертва не оказалась напрасной!

— Какая жертва? — спросил хан.

— Как только вы ускакали от нас, мы бросились следом. Но где там догнать вашего Тарланкока! Тогда я стал молить Бога о вашей безопасности, обещая в жертву белоголового барана...

— Батыра Саяна отпустите, если попадется! — тихо повторил Абулхаир, глядя в глаза багатуру и давая понять, что прекрасно понимает его намеки.

— А если попадется вторично?

— Тогда и ему отрубите голову!

Бахтияр-багатур ухмыльнулся про себя. Теперь ему было ясно до конца, что именно Саян-батыр спас хана от смерти. В благодарность за спасение он считает своим долгом лишь один раз спасти от смерти батыра Саяна. Голова за голову, и квиты. После этого никаких прощений быть не может. По всему было видно, что хан и не собирается умирать. Минутной слабостью можно объяснить даже такую его милость!..

И все же, опасаясь попасть второй раз в такое положение, хан Абулхаир не стал больше охотиться в этих местах. А еще через неделю огромное войско переправилось на тысячах легких плотов на другой берег Сейхундарьи. В это время хану донесли, что за три дня перед их приходом именно в этом месте переправились несколько казахских аулов, которые держали путь в Моголистан, к Джаныбеку и Керюю. Хан приказал догнать их и истребить поголовно, с женщинами и детьми.

Он сам решил принять участие в этом коротком походе, но тут прибыл караван с дарами от только что захватившего Самарканд Мухаммеда-Джоки. Недолго продержался потом Мухаммед-Джоки на троне тимуридов, потому что вернувшийся из Хорасана эмир Абдусаид с помощью союзников снова отобрал у него власть. Но пока что на радостях Мухаммед-Джоки посылал хану Абулхаиру, казалось, все сокровища Самарканда. А главным из них была тринадцатилетняя Ибадат, дочь Абдусаида от старшей супруги. Пресыщенный хан сразу разглядел ее среди шелка, золотой посуды и знаменитых самаркандских ковров, разложенных

перед ним прямо на красном прибрежном песке...

Абулхаир тут же на сутки отложил намечавшийся поход и остался в шатре с этой созревающей розой, вдвойне приятной для него, потому что дочерью врага была она. Вкус зеленоватых яблок ощутил он на своих губах, а большие испуганные черные глаза привели его в неистовство, как бывало это в далекой молодости. Синий шатер с серебряными стойками был над его головой, и сам он казался себе орлом, радостно терзающим добычу.

На следующее утро хан хотел отдать приказ о выступлении своим нукером, но ему донесли ертоулы-разведчики, что уже поздно. По всей видимости, кто-то успел предупредить казахские аулы, уходившие вниз по Сейхундарье. Они снова переправились назад, на северный берег, и движутся куда-то по направлению к Караталу. А те плоты, на которых переправилось ханское войско, пущены вчера вниз по течению, потому что нельзя оставлять за собой готовые средства переправы, которыми может воспользоваться любой противник. Для того чтобы связать новые плоты, нужна неделя...

«Что же, пусть уходят к Караталу, — думал хан Абулхаир. — Лишь бы не в Моголистан, к Джаныбеку с Кереем. Укреплюсь в Ургенче, разгромлю Моголистан, а там примусь за степь. Никуда они не денутся от меня!..»

Он и не подозревал, что двадцать лет спустя сыновья его дорого заплатят за отцовское сластолюбие. Дело в том, что этот большой караван беглецов, за которым не погнался он, вводил сейчас к Караталу будущий казахский хан Касым, сын султана Джаныбека. Если бы хан Абулхаир настиг его, кто знает, как сложились бы дальнейшие события. Но молодой султан Касым был жив, здоров и уходил со своим караваном все дальше в степь...

* * *

Через несколько дней войско Абулхаира, одолев Красные Пески и солончаки Междуречья, вышло к Джейхундарье. Пройдя вниз по течению, хан увидел на том берегу многочисленные минареты, стены и башни. Начинались города древнего Хорезма...

Переправившись на ту сторону, он легко вошел в Ургенч, который надеялся сделать своей столицей. Здесь стояла громадная мечеть с голубым куполом и полумесяцем, построенная много лет назад. Были здесь и дворцы, воздвигнутые когда-то лучшими мастерами, выписанными из Индии, Рума и Китая. Но вопреки своим планам Абулхаир не стал делать столицей своего ханства Ургенч, продолжая кочевать с войском в низовьях обеих великих рек, время от времени поднимаясь вверх по их течению в Мавераннахр и вмешиваясь в непрерывные войны, которые вели между собой бесчисленные тимуриды.

Главной целью похода Абулхаир по-прежнему считал завоевание Моголистана, куда с каждым годом уходило все больше степных аулов. Он чувствовал, что именно там зреет страшная угроза его ханству. Хан считал перенесение своей столицы в Ургенч возможным после завоевания Моголистана. А пока древний Хорезм помогал в укреплении его армии, пополняя ее своими джигитами.

Однако Абулхаир не мог долго удерживать внезапно захваченный Ургенч. Через год уже он был вынужден оставить его и направить свои войска в Сыгнак.

Долгие дни и месяцы обдумывал свои планы хан Абулхаир, прежде чем выступить в поход, чтобы захватить чьи-нибудь земли. Готовились припасы, высылались многочисленные лазутчики. И никто из простых людей не должен был знать об этом. А потом, в один из обычных дней, люди вдруг видели своего хана разгневанным тем или иным соседом-правителем. И в тот же день войско выступало в поход. Создавалось впечатление, что одного гнева великого хана достаточно, чтобы стереть с лица земли непослушных.

Так было и на этот раз. Хан вдруг забежал по своему сыгнакскому дворцу, словно раненый тигр. А чтобы всем был виден ханский гнев, во дворец были приглашены накануне «лучшие люди» города. Вместе с придворными сидели они во всех проходах и на бесчисленных айванах, робко прислушиваясь к ханскому голосу. И на улицах сразу притихли, зашептались люди, быстро начал разбегаться базар.

— Где Бахтияр-багатур? — загремело во дворце.

— Бахтияр-багатур!..

— Бахтияр-багатур!..

* * *

Передаваясь из уст в уста, призыв укатился за городские ворота, где стоял шатер командующего ханским войском. И сразу же взвихрилась пыль и понеслась оттуда к дворцу. Спрыгнув с еще не остановившегося коня, побежал во дворец громадный смуглолицый человек с оголенной под халатом грудью и кривой саблей за поясом. Для порядка, потому что так было принято, оттолкнул он в сторону двух стоявших у дверей нукеров. Пробежав по коридорам и снова растолкав телохранителей, ворвался он в зал приемов и, низко склонившись, мелкими шажками пошел к своему месту — у правой ноги хана.

— Скажи мне, Бахтияр-багатур, при солнечнорожденном предке нашем Чингисхане был ли случай, когда какой-нибудь род или племя осмеливалось уйти из-под его могучей руки? — грозно спросил хан.

— Был однажды такой случай, мой повелитель-хан!

— И как тогда поступил «Покоритель вселенной»?

— Великий твой предок послал вслед бежавшим свое войско, и оно стерло с лица земли неблагодарных. Даже названия их не осталось в людской памяти, ибо запретил его произносить солнцеподобный Чингисхан!

— Так почему же мы до сих пор терпим каких-то подлых бунтовщиков, осмелившихся бежать от нас в Моголистан? Почему моголистанские владыки посмели приютить этих ослушников?!

Бахтияр-багатур низко склонил голову.

— Приказывай, мой повелитель-хан!..

* * *

Как это бывало когда-то в юности, в ночь перед выступлением войска в поход хан Абулхаир переоделся в одежду простого нукера и в сопровождении двух верных телохранителей пошел к кострам, вокруг которых грелись его воины. Много лет уже не делал он этого, и теперь одежда простого воина теснила его раздавшееся тело, царапала изнеженную кожу.

Он хорошо помнил подслушанные когда-то у воинских костров разговоры. В годы первых его победоносных походов на Дешт-и-Кипчак и Мавераннахр воины у костров пели и радовались. Они говорили о сказочных городах с голубыми куполами мечетей, об изнеженных красавицах в бесчисленных купеческих гаремах, о богатой добыче, которая ждет их впереди. Первое, что поразило на этот раз Абулхаира, — настороженная, горестная тишина у костров. Никто не пел, не плясал, не веселился. Воины тихо разговаривали. Настолько тихо, что хану пришлось подойти вплотную к одному из костров, чтобы услышать их.

— Что же, в поход так в поход! — говорил, словно убеждал сам себя, молодой густобровый нукер в старом заштопанном кафтане. — Найдется же что-нибудь в хурджунах и сундуках тех, кто осмелился уйти из-под рук нашего хана. Все будет польза в хозяйстве. А там и до Моголистана доберемся!..

— А пока ты в походе, что будет есть твоя Карашаш с четырьмя детьми? — сурово спросил светлоглазый воин лет сорока пяти со шрамом через всю щеку.

У хана Абулхаира была удивительная память на лица, и он узнал этого воина, которого звали Орысбаем. Почти во всех походах участвовал этот рыжий, а сабельный удар получил он еще двадцать пять лет назад, когда спас самого хана от навалившихся врагов.

— Да, Карашаш...

У молодого воина сразу упал голос. Хану показалось, что даже уныло повисли его только что воинственно торчавшие усы. У костра наступила гнетущая тишина. Каждый сидевший вспомнил свою семью, худую юрту, отощавший от бескормицы скот.

— Мало нам проку от этих непрерывных походов... — продолжал Орысбай. — Да благо бы еще поход против иноземцев. А тут против единокровных братьев, которые не захотели

больше терпеть ханских собак, сдирающих кошму с юрты...

— А чего они ушли? — поинтересовался кто-то из темноты. — Разве Джаныбек с Кереем не из той же породы, что и Абулхаир? Так же будут обдирать, как и он. Где это видано, чтобы хан или султан не брал свое?

— Так-то оно так, да все же свой сдерет одну лишь шкуру, а вот абулхаировские волки до последней, седьмой добираются. Нет, правильно решили эти роды, что ушли с Джаныбеком и Кереем. Пусть уж свои обдирают. Может, хоть позаботятся, чтобы охранять от набегов чужеземцев. А нашему повелителю-хану давно уже мачехой стала степь. Журчание арыков и намазы в городских мечетях заглушили ему память о родине. Что ни говори, а в степи

вольнее дышится. И уж если сильно прижал тебя какой-нибудь султан, то степь большая, и ты не привязан к построенному из глины дому и к полю. Вечером нагрузил все на верблюда — а к утру только ищи тебя.

— Что же ты думаешь, Джаныбек с Кереем не построят своих городов? — раздался из темноты все тот же голос.

— Придет время — и построят, — согласился Орысбай. — Но это будут уже свои, а не захваченные у других города. Вон сколько городов захватил хан Абулхаир. А теперь уже, говорят, и одевается не по-нашему. А дети его и вовсе никогда не будут степняками!

— Однако Джаныбек и Керей — волки не хуже Абулхаира!

— Что же, на волков, когда приходит пора, куют капканы! — Орысбай обвел взглядом сидящих. — Разве перевелись в нашей степи хорошие кузнецы?..

И тут вдруг хан Абулхаир почувствовал, как его рука сама схватилась за оружие. Он уже вытащил до половины кривое лезвие, чтобы одним ударом отсечь голову этому Орысбаю. Только усилием воли заставил он себя разжать руку. Не к лицу хану самолично карать какую-то черную кость. К тому же поползут плохие слухи в войске перед самым походом... Но он не забудет этого Орысбая. И всех сидевших возле этого костра не забудет. Есть у него опытные люди для таких бунтующих оборванцев. Абулхаир сделал шаг назад, в темноту.

— А я вот хоть и не имею никакого хозяйства, а все равно не хочу идти в этот поход...

И его, своего раба-туленгута по имени Кокуш, узнал хан Абулхаир. За пятьдесят было уже этому воину-рабу, и во многих битвах заслужил он похвалу от самого хана. Десять лет назад хан сделал его сотником, а теперь этот пес сидит и слушает подстрекательские речи. Да и сам их говорит!

— Не хочется быть грешным перед людьми и богом, поднимать меч на единокровных братьев, — продолжал между тем седой Кокуш. — Может быть, и не сравнюсь я с другими по благородству крови, но и у меня были отец и мать. Нет, не увидеть нам счастья в этом походе. Борзой пес, которого принуждают пинком, никогда не догонит лисицы!..

Их было много, тихих костров за крепостной стеной, но хан не стал обходить их. Полный лютой злобы шел он по ночной улице, и две длинные тени скользили за ним.

Хан оглянулся. А может быть, и эти телохранители думают так же, как те, у костра? И вдруг вспомнилось хану, как он схватился за кинжал. Зачем? Ведь рыжий Орысбай заговорил о волчьем капкане для обуздания Джаныбека и Керей. Почему же захотелось отрубить ему голову?.. Да, что ни говори, а Джаныбек и Керей — султаны, белая кость. И сколько бы он, Абулхаир, ни воевал с ними, они всегда будут ближе ему, чем какие-то безродные рабы и оборванцы!..

* * *

Кош — перекочевывающий аул — растянулся на добрую версту. И не потому, что очень уж большим был этот аул. Слишком отощавшими были лошади и верблюды, а половина жалкого скарба уместилась на костистых спинах нескольких быков и коров. Многие мужчины и женщины шли пешком, чего почти никогда не бывало при нормальной откочевке. Сзади пылила маленькая отара овец. Вокруг была выжженная солнцем горькая степь...

Впереди шел высокий сухощавый старик с длинной бородой и суровым лицом. Весь вид его, внушительный и гордый, никак не вязался с этим захудалым несчастным кошем, который он вел за собой. Это был тот самый аксакал Конурбай, который некогда жаловался султану

Джаныбеку на несправедливость хана Абулхаира. Вконец разоренный несслыханными поборами, аул тронулся последним вслед за родами, ушедшими с мятежными султанами. Дело в том, что аксакал ждал верблюдов, которые должны были прибыть в берегов Чу от уже откочевавших туда родичей. Но верблюды так и не пришли, и они тронулись в путь по существу пешком...

Вот этот последний уходящий от него аул и увидел перед собой хан Абулхаир, выехав на невысокий степной холм. Отборная сотня телохранителей была с ним и еще два десятка конных нукеров. Среди них были и те, чьи разговоры услышал хан в ночь перед походом. Два десятка острых стрел было заготовлено для них в колчанах у телохранителей, эти стрелы должны были вонзиться в спины недовольных при первой же схватке с врагом.

Сотник охраны, ехавший рядом с Абулхаиром, оглянулся, дал знак, и сразу же десяток всадников отделился и поскакал к кошу. Объехав его, они во весь опор поскакали обратно.

— Они едут за Джаныбеком и Кереем, мой повелитель-хан! — крикнул, упав с коня на колено, охранник.

— Пригнать их сюда! — тихо сказал хан Абулхаир и указал на подножие холма.

Полусотня телохранителей помчалась к кошу. Послышались крики, женский плач, мычание коров, жалобное овечьё блеяние. Вскоре весь аул был согнан на поросшую жесткой колючкой низинку. Люди испуганно смотрели на верх холма, где виднелась неподвижная фигура хана Абулхаира. Лишь старик Конурбай смотрел гордо и спокойно, и в лице его не было страха.

Когда крик утих, аксакал Конурбай медленно пошел вверх и остановился перед самой мордой ханского коня. С достоинством склонив голову, он сказал:

— Перед вами, великий повелитель-хан, преклоняет голову девяностолетний Конурбай из рода Джабагайлы!..

— Куда кочуете? — тихо спросил хан Абулхаир, не ответив на приветствие аксакала.

— К реке Чу, повелитель-хан... Туда, куда ушли все наши люди!

— Зачем вам это нужно?

— Страшно стало жить здесь, повелитель-хан. Твои сборщики налогов сделались как голодные волки!

— А разве там, куда вы идете, не будут собирать ясак?

— Будут, но мы надеемся, что только один. А здесь, помимо того, что берут родовые султаны, берешь и ты. Да так берешь, что в глазах у людей становится темно!

— Но я же ваш хан. Испокон веков люди платят хану его часть. Или ты забыл главный завет предков, старик?

— Нет, не забыл. Но по этому завету хан, получивший свою часть, должен защищать своих подданных от врагов и несправедливости. Ты не делаешь ни того, ни другого. Войско свое ты увел в Междуречье и бросил нас на произвол судьбы. Со всех сторон остались мы беззащитны. А справедливость... Спроси у своих сборщиков налога, сколько скота и людей на продажу было угнано из наших аулов минувшей весной. Так что вместо ожидаемой помощи нам приходится защищаться от твоих слуг-разбойников!

Старик говорил ровным, бесстрастным голосом, и во взгляде его серых глаз была непоколебимая твердость. Вспыхнувшие было желтые огоньки в глазах Абулхаира бессильно потухли. Он сделал вялый знак рукой. Сотник поспешно кивнул головой, жестокая ухмылка скривила его синие губы.

— Повернись, неблагодарный старик, и посмотри на гибель своего семени! — сказал он.

Старик медленно повернулся лицом к своему аулу. В тот же миг озверелые ханские телохранители с оголенными саблями бросились на безоружных и беззащитных людей. Многоголосый человеческий вопль поднялся в светлое пустое небо. Вспугнутый степной орел рванулся в сторону и быстро полетел от этого проклятого места.

Многие мужчины и подростки схватились за дубины и ножи, но что могли они поделать против вооруженных до зубов, молодых и сильных воинов! Женщины прикрывали руками и телами своих детей. Сами дети в ужасе заползали под брюхо к коровам, и ханские телохранители доставали их оттуда пинками. Двое держали за руки аксакала Конурбая. Он стоял все так же ровно, и только две маленьких старческих слезы светились в уголках его глаз.

Зато глаза хана Абулхаира уже по-молодому горели желтым неистовым огнем. Человеческая кровь, слезы, насилие всегда оживляли его, заставляли сильнее биться сердце. Словно оттаяли, расплзлись в улыбке толстые губы.

— Что ты бормочешь там, старик? — хрипло спросил он.

Да, губы старика беззвучно шевелились. Абулхаир наклонился к самому его рту, чтобы услышать.

— О Аллах, если существуешь ты во всем, то накажи этого грязного шакала... Из всех зверей только сытый шакал может рвать зубами чужих детенышей!

Поняв по лицу хана, о чем говорит старик, сотник привстал на стременах и с размаху хлестнул старика плетью по лицу.

Но старик даже не пошевелился. Губы его продолжали шептать все то же:

— О Аллах, если ты существуешь, накажи...

Резкий крик дозорного заставил всех повернуть головы на восток. Оттуда, из степи, мчалось десятка три или четыре всадников. При свете заходящего солнца они казались какими-то огненными джигитами, появившимися неведь откуда. Впереди на громадном длинногривом коне с пикой в руке скакал одноглазый великан. Черная повязка закрывала не только глаза, но и часть его страшного лица.

— Орак!..

— Орак-мститель!..

— Батыр черной кости!..

* * *

Хан Абулхаир невольно посмотрел назад, туда, где лагерем расположилось его огромное войско. Но до него было полдня пути. Хан выехал со своими телохранителями вперед, потому что разведчики донесли, что на три дня в пути во все стороны в степи нет ничьих отрядов. Откуда же взялся этот Орак, его бывший табунщик? Уже не раз доносили Абулхаиру о его налетах на ханские караваны. С каждого из них этот разбойник получал дань. И все до единой копейки раздавал потом беднякам, черной кости. Сколько ни ловили его, все было бесполезно. А еще знал Абулхаир, что поклялся проклятый Орак перерезать горло ему, самому хану!

Но не так уж много разбойников с этим одноглазым. Хан с облегчением увидел, что бросившие избиение телохранители выстроились ровной линией и, выставив вперед пики, ждут нападения мятежников. И в этот миг громкий клич послышался за их спиной. Хан вздрогнул и невольно пригнулся к лошадиной холке. Оглянувшись из-под локтя, он увидел, что два десятка джигитов — тех самых воинов, что разговаривали у костра, атакуют телохранителей с тыла.

— Орак-мститель, мы с тобой!

— Орак!.. Орак!..

Дрогнула и распалась линия телохранителей. Налетевшие сразу с двух сторон джигиты смяли и погнали ханских воинов в разные стороны.

Но всего этого уже не видел хан Абулхаир. Вместе с сотником и десятником телохранителей-стремянных мчался он в сторону своего лагеря, под защиту войска.

— За мной, мстители! — вскричал громовым голосом Орак-батыр.

— В погоню!

— Орак!.. Орак!..

Джигиты устремились вслед за своим вождем. Один за другим, сраженные стрелами, падали с коней ханские телохранители. Свистнул аркан, и, не успев даже крикнуть, поволочился вслед за конем Орак-батыра задушенный сотник.

Хана спас лишь его конь, Тарланкок. С каждым скачком он все дальше уносил своего хозяина от погони, и вскоре Орак-батыр понял, что их уставшим лошадям не догнать хана.

Орак-батыр со своими джигитами вернулся к аулу и крикнул уцелевшим от ханского погрома:

— Эй, люди, все эти лошади из-под проклятых ханских телохранителей — ваши. Садитесь, на них и скачите поскорей к Чу, пока не вернулся хан со своими собаками!

За Ораком поскакали все те бывшие ханские нукеры, что ударили в спину

телохранителям. Но сам Орак-батыр недолго ехал со своим отрядом. Обогнув холм, он повернул в сторону своего коня и понесся в степь, к другим отрядам мятежников-мстителей, которые скрывались до поры до времени в безбрежной степи...

* * *

Солнце уже зашло за горизонт, и громадная фигура Орак-батыра на коне казалась теперь в десятки раз больше, чем на самом деле. Спасенные жители аула видели, как словно по небу мчался всадник-великан. Скачки батырского коня казались им величиной с версту, а невиданный конь был с правого бока серый, а с левого черный. Выросшие и состарившиеся потом дети рассказывали об этом своим внукам, те — правнукам. Так и дошла до нас эта народная легенда о славном батыре-мстителе.

* * *

А хан Абулхаир отменил поход на Моголистан до следующего года. Но и в следующем году он не пошел в поход. Не пошел и через два года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Правитель Моголистана хан Иса Буга тосковал в своем тихом прохладном дворце. Ничто не могло развеселить его пресыщенную душу: ни сказочные сады древнего города Алмалыка, ни величественный вид гор Алатау, ни веселые и звонкие, как девичий смех, фонтаны и искусственные водопады на улицах его столицы. Душа его не сыграла даже при виде полумешка золота, которое намыли на берегах полноводной в те времена реки Алтын-Емель и привезли ему в подарок старатели из рода джалаир. Чтобы не оставить без внимания такое усердие, хан велел отмерить каждому из джигитов-золотоискателей по одному тепе земли на берегах все той же реки.

Взглянув в окно, он увидел прыгающих от счастья джигитов, получивших такой неоценимый дар, и улыбнулся. Но тут же его передернуло, словно холодная скользкая гадюка забралась за пазуху. Он вспомнил полученную вчера весть...

Вечером он еле дождался конца ханского совета, а потом сразу же ушел на развалины древнего Алмалыка, служившего его предку, второму сыну Чингисхана Джагатаю в качестве стольного города. Эти руины были дороги хану. Здесь он рос, мужал, познал любовь. На этом самом месте он в первый раз увидел, как его отец приказал убить человека...

Очень давно, еще в те времена, когда его отец, Ваис-султан, был молодым джигитом, их улус населял правый берег Джейхундарьи. А напротив, на другом берегу, стоял город Мангит, построенный еще при Хромом Тимуре. Это было на расстоянии одного дня пути от Ургенча.

Бесконечную, покрытую щебнем пустыню представлял правый берег Джейхундарьи, где они жили. Горькая полынь росла там, и кочевали в этой пустыне подвластные им каракалпаки. До сих пор стоит на берегу большая глинобитная крепость сорокасаженной высоты, а толщина ее валов достигает десяти сажений. В середине находятся несколько дворцов из серого кирпича, рядом хозяйственные строения. Два века принадлежала она султанам-чингизидам Джагатаева корня и получила впоследствии имя Султан-Ваис-Даг...

День и ночь шумела за стенами бешеная река, то тут, то там прорывая берега и заливая с огромным трудом выращенные людьми поля и сады. Их и так было немного на вытоптанной полчищами Чингисхана земле. Неприглядный вид имели заброшенные, поросшие верблюжьей колючкой каналы. После очередного наводнения все это опять превращалось в пустыню...

Иса Буга слабо помнил эти места, где жил и много воевал его отец. Когда отца подняли на белой кошме и провозгласили ханом всего Моголистана, они переехали в Алмалык, к

подножиям Алатау, и сказочным видением показался мальчику этот город после выцветшего берега Джейхундарьи.

В тенистых садах и вдоль улиц росли в Алмалыке яблоки, груши, абрикосы, вился по дувалам многоцветный виноград. Полны прозрачной студеной водой были арыки, и жара не была слишком удручающей...

Такого множества людей никогда раньше не видел Иса Буга. Оглохнуть можно было на базаре и прилегающих к нему улицах от крика продавцов воды и сладостей, ударов кузнецов по железу, воплей дервишей и юродивых. Впервые в жизни зашел он здесь в мечеть с громадным голубым куполом и на правах совершеннолетнего совершил намаз. Тут же, в Алмалыке, узнал Иса Буга, что, кроме ислама, существуют на земле и другие религии.

А было это так. Его отец хан Ваис был очень набожным человеком. Однажды на рассвете, после предутреннего намаза, он разбудил своих сыновей Жунуса и Иса Бугу и повел в старый город. Сопровождала его охрана из нукеров. Кругом торчали развалины домов, обвалившиеся дувалы, а посередине стояло высокое белое здание с зеленым куполом и блестящим медным крестом на верхушке. Вокруг рос старый сад. В саду сновали муллы, ишаны, дервиши, хари и другие люди в белых и зеленых чалмах. А напротив храма гяуров была установлена виселица. Под ней в ожидании казни стоял благообразный старик с большой бородой и голубыми глазами. На нем была надета длинная, до колен, белая полотняная сорочка, а руки были связаны за спиной.

Главный мулла поднялся на деревянный помост, пошептал молитву и повернулся к Ваис-хану:

— О защитник верующих и покровитель ислама, высокочтимый хан Ваис, позвольте нам исполнить ваше высокое повеление, заверенное золотой печатью!

Хан кивнул головой:

— Разрешаю!

Главный мулла, высокий краснощекий мужчина, обратился теперь к связанному старику:

— Ты слышал, гяур!.. Справедливый, как пророк Сулейман, грозный, как Хазрет-Али, величайший из великих Ваис-хан рассмотрел твои грехи. Они в том, что содержал ты на нашей земле богопротивную церковь, куда путем лжи и коварства заманивал правоверных мусульман, дабы отвадить их от истинной веры. За это, гяур Даниел, хан всего Моголистана приговорил тебя к повешению... О чем ты будешь умолять нас перед смертью?

Старец отрицательно покачал головой:

— Ничего не желаю просить у иноверцев. У бога прошу прощения за грехи!.. Счастье мое велико: сподобился пасть жертвой за веру.

Мулла опять посмотрел на хана, и тот сделал знак рукой. Мулла обратился к палачам, стоящим по обе стороны от связанного старца:

— Таково предписание и воля всевышнего... Именем нашего милостивого хана приказываю повесить за шею христианина Даниела!

Палачи тут же набросили на шею старцу аркан, перехлестнули через поперечную балку виселицы и что было сил начали тянуть. Старец постепенно вытягивался и вздрогнул всем телом лишь тогда, когда ноги оторвались от земли. Палачи деловито привязали конец аркана к вбитому в землю колышку и поклонились хану.

Эта смерть нисколько не взволновала тогда Иса Бугу. Как на детскую игру, смотрел он на казнь и даже захлопал в ладоши, когда старец повис в воздухе. Ни жалости, ни страха не ощущал он. Ему понравилась торжественность, с какой говорил мулла, важный и значительный вид всех участников казни.

Все тот же мулла снова обратился к хану:

— О величайший из великих и светоч веры!.. В течение многих лет эта церковь служила очагом совращения правоверных, прибежищем всяческой скверны и коварства. Отсюда распространялись еретические письмены по всей подвластной вам земле Моголистана. Разрешите же нам разорить это гнездо порока!

Хан одобрительно махнул рукой. Все ходжи, муллы, муэдзины, хари и мюриды с громким пением и проклятиями со всех сторон набросились на церковь. Сначала они забросили аркан на медный крест и свергли его на землю, потом принялись за купол, и пыль заволокла все

небо.

Не успело высоко подняться солнце, как от церкви остались лишь груды развалин. Не верилось, что еще утром здесь стояло красивое белое здание, построенное неизвестными мастерами — уйгурами и уйсунями. А напротив все покачивался от ветра труп повешенного старца...

Иса Буга не знал тогда, что эту церковь строили местные жители, часть которых издревле была несторианами. Ханы и хакиды, правившие Алмалыком до Ваис-хана, верны были обычной мусульманской веротерпимости и не обращали внимания на старую церковь в древней, разрушающейся части города. Но с приходом на ханство Ваиса все изменилось. Фанатичный Ваис-хан решил уничтожить церковь, и сделал он это со всей присущей ему жестокостью.

Так и забыл бы юный Иса Буга это ничем не примечательное для тех времен событие, если бы не одна встреча...

Дети хана часто играли в большом саду, окружавшем разрушенную церковь. Забрав как-то в глубину сада, Иса Буга остановился как вкопанный. Под большим развесистым деревом, где был недавно зарыт повешенный гяур, стояла на коленях девочка в черном платье с букетом цветов и плакала. Лет двенадцать-тринадцать было ей.

«Что это за девочка? — удивленно подумал подросток. — Откуда она взялась здесь?» Он начал тихо подкрадываться к ней. В это время девочка поднялась с колен, и Иса Буга схватился рукой за кинжал, висевший на поясе.

— Остановись! — крикнул он испуганно. — Я знаю, кто ты... Не человек, а порождение злого духа — иблиса!

Он начитался и наслушался всяких сказок к тому времени и не мог представить себе, чтобы от людей могло родиться такое прекрасное создание.

У девочки были золотистые волосы и большие глаза, голубые и тихие, как вода в горном озере. Особенно поразили его волосы: закрученные в две длинных косы, они спускались литыми солнечными змеями до самой земли. Еще чище и белее казалось в их обрамлении лицо.

«А может быть, это русалка! — подумал он. — Только у русалок может быть такая белая кожа и такие глаза!.. Да, да, она вынырнула из фонтана, чтобы заколдовать меня и утянуть в воду... Бисмилла!.. Бисмилла!..»

Девочка сделала шаг к нему.

— Остановись! — закричал он опять в ужасе.

Она остановилась.

«Я ни за что не должен говорить с ней! — лихорадочно шептал сам себе Иса Буга. — Если заговорю, то погиб... О, кажется, она снова движется ко мне!.. Нет, нет, когда она подойдет, я брошу в нее мой кинжал. Я не должен дать ей дотронуться до себя... Астафиралла... Астафиралла!..»

Но девочка больше не двигалась с места и смотрела на него глазами, полными тревоги и отчаяния.

— Простите меня, хан-оглы, за то, что встретила вас на вашем пути, — заговорила девочка и склонила перед ним голову. — Вы никогда раньше не играли на этом месте...

— Вот видишь, ты действительно ведьма! — сказал Иса Буга. — Иначе откуда тебе известно, кто я такой... Бисмилла!.. Бисмилла!..

— Я не ведьма! — тихо сказала она.

На красивый камень-самородок была похожа она, и он не мог оторвать от нее взгляд. И уйти он не мог от этого чудесного видения, так неожиданно повстречавшегося ему в глухом саду. Но когда она захотела пройти мимо него, занимавшего единственную тропинку, Иса Буга снова завопил:

— Не подходи!.. Не подходи и ответь, кто ты: человек или джинн? Или, может быть, ты русалка?..

Девочка поняла, что он боится ее, и улыбнулась сквозь слезы:

— Не бойся, я просто девочка!..

— Девочка! — неуверенно протянул он, все еще не отнимая руку от кинжала.

— Конечно!.. — Она горько усмехнулась. — Твой отец приказал казнить моего отца, а

теперь ты хочешь убить меня. За что? Да разве кто-нибудь разбирается в том, виноват ли человек... Чего же ты ждешь? Убивай!..

Вот тут-то Иса-Буга сразу вспомнил казнь гяура на площади перед церковью. У него были такие же голубые глаза, как у этой феи. Значит, она и вправду человек, а не злой дух. Надо все-таки убедиться в этом окончательно.

— Если ты действительно божье творение, то произнеси заклинание: «Аллахи, биллахи!.. Пусть меня, правоверную, постигнет божья кара в случае обмана с моей стороны!»

Девочка наморщила лобик и повторила:

— Аллахи, биллахи!.. Я человек, а не дух. Пусть постигнет меня божья кара, если соврала тебе. Но я не могу поклясться магометанской клятвой, я другой веры... Христа...

— Так ты девочка-гяур?

— По-вашему — гяур, а по-нашему — приверженец истинной веры!

— Ну слава Аллаху, что ты не злой дух! — сказал он с облегчением. — А обратить тебя из гяура в правоверную мусульманку будет нетрудно. Это мы посмотрим потом!..

Иса Буга сразу почувствовал, что готов на все ради этой золотоволосой девочки с голубыми глазами. Притушив свои страхи и лишь тихо повторяя про себя «Бисмилла... Бисмилла!», он притронулся к ней...

Да, она была родной дочерью повешенного в прошлом году гяура. После казни отца ее спас один из уйгуров-дехкан, обращенных ее отцом в христианство. Он спрятал у себя девочку, а теперь они ожидали караван, с которым она должна была уехать во Флоренцию к дальним родственникам отца.

Каждую неделю приходила она на могилу отца с цветами и встретила здесь Иса Бугу. Он был высокий красивый джигит. А самое главное, не было в его глазах злобной суровости Ваис-хана. Доброта и участие светились в них...

* * *

Каждый день стали они встречаться у могилы ее отца. Вскоре они не могли уже жить друг без друга. По-прежнему он с опаской касался ее руки, но это было уже благоговение перед ее красотой...

Однажды султан Жунус, старший брат Иса Буги, заподозрил неладное. Его удивило, что младший брат оставил прежние игры и скрывается от всех в старом саду. Однажды Жунус выследил брата и подслушал его разговор с девочкой. В тот же день он донес отцу, что Иса Буга встречается с неверной и хочет жениться на ней...

Ваис-хана не на шутку встревожило это известие, потому что вне всякого сомнения трон после него должен был унаследовать родившийся от дочери монгольского хана Иса Буга, а не Жунус, родившийся от кипчачки. Если же Иса Буга женится на христианке, то кто гарантирует, что она не перетянет его в свою веру, тем более, что у мальчика не по-хански добрая душа. Это может стать началом конца Джагатаева рода, историю которого знал и чтит Ваис-хан.

Много неприятностей испытал этот род от женщин. Да и не один лишь Джагатаев род. Под всех чингизидов с самого начала подкапывались женщины, и в этом очевидно, одна из причин упадка династии!..

Однако у него, Ваис-хана, хватит твердости не позволить своему сыну повторить роковую ошибку предков и жениться на чужеземной девушке!..

На следующее утро ничего не подозревающего Иса Бугу позвали на ханское подворье, и там два громадных палача на его глазах зарезали золотоволосую девочку. Ваис-хан посмотрел на сына и остался доволен: сын побледнел, но не произнес ни слова.

С тех пор юный хан потерял вредную для правителя чувствительность, и человеческая кровь сделалась для него такой же обычной влагой, как вода в текущей через город речке...

Иса Буга быстро доказал, что урок не прошел для него даром. Спустя семь лет воссел он вместо отца на престол Моголистана и сразу же приказал схватить своего брата Жунуса. «В камне нет жил, а у ханов нет родственных уз!» Так говорят в народе. Однако Жунусу удалось бежать...

Вскоре Иса Буга установил памятник над могилой девочки-гяурки и, когда ему бывало

тоскливо, приходил сюда. В такие дни приговоры его были самыми жестокими, наказывался правый и виноватый. Палачи знали это и, когда хан возвращался с могилы золотоволосой девочки, применяли самые изощренные методы казни. Это были все те же два палача, которые когда-то перерезали ей горло, и менять их хан ни за что не хотел...

* * *

Сегодня Иса Буга побывал уже на могиле золотоволосой девочки, но так и не появилось у него желания увидеть чью-то кровь. Слишком много забот свалилось в последнее время на его голову. Кровь лилась потоком по всем границам Моголистана...

Особенно тревожное сообщение поступило от его племянника — эмира Сеитали — наместника Кашгарии. Извечный враг снова начал свои действия. Несметные китайские полчища перешли границу и вторглись в пределы Кульджи и Кашгарии. То же самое сообщал в своих донесениях Аркалык-батыр из рода уйсунь. Китайские солдаты на земле уйсуней грабят и угоняют в глубину Китая пленных. Оба просили немедленной помощи.

Почти одновременно с этими неприятными сообщениями прискакали с Севера гонцы от казахских родов найман и керей. За Черным Иртышем, видимо науськиваемые китайцами, опять зашевелились ойротские владыки. С ними шутить нельзя. Так или иначе, а испокон веков китайские богдыханы спят и во сне видят земли по эту сторону пустыни Гоби. Они готовы пойти на союз с самыми злейшими своими врагами, хоть с самим шайтаном, только бы захватить эти земли! Неоднократно казахские ополчения из родов уйсунь, дулат и джалаир грудью вставали на защиту своих земель и гнали алчных захватчиков далеко за пределы своей родины. Но каждый век все начинается сначала. Не дают покоя богдыханам зеленые долины Семиречья, и снится им извечный сон о Голубом море — Балхаше!

Костями устлана вся пустыня, но разве считают богдыханы своих подданных? С муравьиной настойчивостью что ни год ползут и ползут они к Джунгарским воротам. Но только доползут, как степная конница вышибает из них воинственный дух. И бежит их пехота так, что и на аргамаках не угнаться за ней.

Нет, никогда не осилить им тех, кто от века живет на этой земле. Кровью предков полита она.

* * *

Вряд ли хану Иса Буге было жалко свой народ. Но от непрерывного напряжения на границе страдала его казна. Да и какое право имеют богдыханы претендовать на принадлежащие ему земли?

К тому же было по всему видно, что это не простое запугивание, а начинающаяся война. Китайские владыки, как хищные стервятники, внимательно следили за всем, что делалось в Моголистане. Они выбрали момент, когда особенно усилились раздоры между эмирами Восточной Кашгарии и ханами Джагатаевского улуса. Враг вдвойне опасен, когда нет внутреннего согласия в государстве.

Но было еще более серьезное обстоятельство, волновавшее хана Моголистана. Дело в том, что в последнее время окрепли и зашевелились на Западе старые враги — тимуриды. С тех пор как с помощью матерого волка Абулхайра на самаркандский престол взшел Абдусаид, со дня на день можно было ожидать войны. Величайшим из великих возомнил себя этот Абдусаид после побед в Хорасане. Все чаще его отряды нападали на окраины Моголистана. Однако достаточно решительный Иса Буга всякий раз наказывал их и изгонял из пределов страны. Но в последние годы эмир Самарканда окончательно обнаглел и уже не скрывает своих планов в отношении Моголистана.

Первое, что сделал Абдусаид — пригласил из Ирана, приютил и осыпал почестями бежавшего Жунуса, брата Иса Буги. Сегодня утром явился из Самарканда к Иса Буге один незаметный человек. Он развернул разрисованный платок перед ханом и показал на нем, где и сколько находится войск, переданных Абдусаидом в распоряжение Жунуса. По всему выходило, что не сегодня, так завтра Жунус двинется на Алмалык. Скорее всего войска эти

пойдут по рекам Чу и Талас от городов Яссы и Сауран. Оттуда и угрожает главная опасность.

Да, когда нападает внешний враг, то легче всего поднять народ на защиту родной земли. В таких случаях не приходится много разговаривать. Люди готовы на всевозможные лишения и налоги, а в бою у воинов не трясутся руки.

Но когда появляется внутренний враг, то дело осложняется. Простолюдины обычно стоят в стороне от борьбы за трон, остальные же выжидают и рассчитывают, к кому примкнуть. Им сейчас почти безразлично, кому прислуживать: Иса Буге или Жунусу. Даже самым близким родственникам трудно доверять в такой борьбе...

Что может быть опасней пожара в собственном доме! А то что он вот-вот вспыхнет, можно не сомневаться. Наверно, правда, что он, хан Иса Буга, не очень ласковый правитель. Но как объяснить людям, что предатель и доносчик Жунус будет на троне хуже чумы. Для большинства родственников и подданных он лишь несчастный изгнанник, жертва коварства родного брата...

* * *

Опасность и в самом деле была велика. С тех пор как потомки Батыя потеряли золотоордынский престол, казахские степные роды начали склоняться в сторону Джагатаева улуса, на что были свои причины. Во-первых, джагатаево-монгольским ханам не раз приходилось вступать в союз с казахскими родами для совместного отражения китайских богдыханов и прислуживающих им ойротских владык. Во-вторых, монгольские ханы сами были наполовину кочевники, их многочисленные табуны выпасались бок о бок с казахскими. К тому же их связывали общие интересы.

Зато действия Абулхаира и тимуридов все больше отталкивали от них казахов, которым приходилось терпеть немало несправедливостей и гонений.

Хан Абулхаир и тимуриды, несмотря на вечную грызню между собой, сразу объединяются,

когда представится возможность вмешаться в дела Моголистана. Что ни день — доносят Иса Буге о лазутчиках Абулхаира, сеющих рознь среди подвластного ему населения.

А сейчас, когда тимуриды решились открыто выступить против Иса Буги, хан Абулхаир позволяет их войскам пройти через свои земли, и кто знает, не присоединится ли к ним в последний момент конница самого Абулхаира.

Заклятый враг Моголистана Абдусаид идет на все, чтобы добиться своей цели. Он, кажется, решил даже женить своего сына на дочери Жунуса.

И не от жира бесится Абдусаид. Его можно понять. Если не предпримет он каких-либо действий, то в скором времени от тимуридовских владений останется одно лишь воспоминание. Слишком прожорлив и ненасытен хан Абулхаир.

Чего же нужно добиваться ему, хану Иса Буге? Да только того, чтобы, как два взбесившихся тура, бодались Абулхаир со своим мнимым союзником — эмиром Абдусаидом. Пока они в относительной вражде — Моголистан в безопасности.

На израненного тигра, собирающего все свои силы перед прыжком, был похож Моголистан, и многое предстояло обдумать хану Иса Буге...

Одним из самых могущественных государств был Моголистан еще за полвека до этих событий. И только ханские междоусобицы поставили государство на край гибели...

Разве легко досталось ханство самому Иса Буге? Недаром ведь говорится, что нос дан человеку для того, чтобы глаза не выцарапали друг друга. Кто мог занять позицию такого оградительного носа между двумя сыновьями Ваис-хана после его смерти? Тридцать лет длилась между ними борьба за трон. Все многочисленные султаны и эмиры Моголистана были втянуты в нее. При их помощи отобрал Иса Буга престол у Жунуса, но быстро забыл об этом и начал всячески притеснять тех же султанов и эмиров, которые сделали его ханом вопреки интересам старшего наследника.

Многие эмиры и султаны разбежались — кто к ойротским владыкам, кто к Абулхаиру, а те, что остались в Моголистане, принялись создавать шайки и плести заговоры против хана.

Дважды удалось ему за эти годы отразить нападение Жунуса. Но на этот раз уж очень

большое войско собрано его братом. Да и Абдусаид не из тех властителей, которые быстро отказываются от задуманного. Недаром решил коварный тимурид породниться с Жунусом...

Нет, не обойтись в этом случае без союзников, кто бы они ни были.

* * *

Вошел его главный наиб Кастек-бий и доложил, что все приглашенные на совет в сборе.

— А эмир Сеитали тоже приехал? — спросил Иса Буга.

— Да, мы тогда же послали к нему гонцов, когда вы приказали, мой хан.

— И Шейх-Мухаммед?

— Приехал одновременно с ним!

Наиб с удивлением посмотрел на хана, спрашивающего об очевидных вещах. Но, услышав о приезде эмиров, выручавших его в трудную минуту, Иса Буга почувствовал себя уверенней. Он надел поданную ему специальную шапку-корону, всю обшитую золотом и украшенную бриллиантами, взял в руки тяжелую золотую булаву и направился в приемный зал, где проходил совет. Кастек-бий и ожидавшие у выхода приближенные — паруаны последовали за ним.

Когда он вошел в зал, собравшиеся эмиры, бии, султаны, беки и хакимы поднялись с диванов и подушек, низко склонились перед ханом. Иса Буга, как было принято при его дворе, остановился на пороге, сделал широкий приветственный жест рукой:

— Здравствуйте, лучшие, избранные люди!

— Здоровы ли вы, наш великий хан? — дружно зашумели, зашелестели избранные люди.

— Все в руках Аллаха!.. — Хан прошел на свое место, повернулся к гостям. — Добро пожаловать, дорогие сородичи. Прошу всех вас садиться.

Только после этого разогнулись и сели на отведенные места приглашенные на совет. Вместе с ними опустился на серебряный, инкрустированный золотом и драгоценными камнями трон хан Моголистана. Он сидел неподвижно, а весь зал тоже застыл. Три цвета преобладали здесь: белый, голубой и золотой. Все знатные эмиры, султаны и прочие приближенные чингисхановской крови были в голубых кафтанах и белых чалмах на голове. У менее знатных, но являющихся владыками городов и селений, были белые одежды, зато чалмы голубые. А у вождей казахских родов сверкали окованные золотом пояса и ремни. На головах у них были надеты отороченные соболем, куницей или лисицей шапки.

Не в пример другим среднеазиатским ханам и эмирам, в Джагатаевом улусе не было должностей «левой» и «правой» руки хана. Возле самого хана, пониже его, сидел лишь главный наиб. Остальные располагались по занимаемому положению — поближе к хану правители крупных эмиратов, бии и батыры союзных и подчиненных казахских родов, потом хакимы больших городов, служители культа: суфии, ишаны, мюриды.

Иса Буга не стал подробно говорить о том, что и так все хорошо знали, а лишь спросил:

— Что, по вашему мнению, нужно делать, избранные люди: собирать в один кулак единое войско Моголистана или каждый хаким и султан будет принимать единолично бой с неприятелем на подвластной территории? И второе: нужно ли оставить ханскую ставку в мало укрепленном Алмалыке или перенести ее на время войны в крепость Аксу?

Присутствовавшие низко склонили головы, и казалось, что это тяжесть надвигающихся событий давит на них. Все молчали. Привыкшие к самовластью, они лихорадочно подсчитывали выгоды для себя из создавшегося положения. Меньше всего думал каждый из них о положении всего Моголистана или о ханской судьбе.

«Лучше иметь собственного теленка, чем общего быка». В те годы и зародилась эта пословица. И тут вспомнилось Иса Буге завещание Чингисхана, в котором он призывал потомков немедленно уничтожить всякого, который лишь подумает перечить хану. Слишком много воли дал Иса Буга моголистанским владыкам, и теперь, когда наступило тяжелое время, они думают лишь о себе...

Эмир Сеитали нахмурил брови. Оглядев поникшее собрание, он громко сказал:

— О мой хан!.. Простите нас, но ваши неожиданные слова обрушились на ваших слуг, как палица Азраила. Дайте нам время подумать, и мы ответим каждый по своему разумению!

— Пусть будет так! — опустил руку хан.

В зале появился человек с клинообразной бородкой и ровно торчащими в обе стороны усами. Он склонился перед ханом, и тот нетерпеливо кивнул головой.

— Мой хан!.. Еще вечером прискакал гонец с севера, но ночная стража не пустила его в город!

— Пусть войдет!

В тот же момент в дверях появился бородатый крепкий человек средних лет с бронзовым от ветра и солнца лицом. На нем был кафтан из верблюжьей шерсти, подпоясанный широким, с серебряной насечкой ремнем, на ногах дорожные сапоги с расширяющимися кверху голенищами. Придерживая одной рукой тяжелую витую плеть, он прижал другую руку к груди и знак уважения и присел у двери:

— Ассалаумагалеякум!

Пыль покрывала его лицо и одежду. Было видно, что ехал он издалека и мало отдыхал в пути.

— Какого ты рода-племени, человек? — задал хан положенный вопрос.

— Из рода дулат... А приехал к вам, мой хан, по поручению хакима города Джангы почтенного Суюндука-мирзы.

— У меня нет секретов от сородичей. Говори, что хотел передать мне твой хаким?

— Хаким Суюндук-мирза велел передать вам, великий хан, спешное донесение. В пределы управляемых хакимом земель прибыло множество людей во главе с султанами Джаныбеком, сыном Барака, и Кереем, сыном Булата. Люди, пришедшие с ними, из родов аргын, кипчак, найман, керей, уак, есть из родов конрат, алчин и некоторых других...

Огоньки появились в глазах хана Моголистана, и он спросил уже с нескрываемой заинтересованностью:

— Что они говорят?

— Они не смогли ужиться с ханом Абулхаиром и просят у тебя милости, земли для поселения и пастбищ для скота. Пока они остались на том берегу Таласа, а к тебе во главе пятисот нукеров пробираются напрямик через горы султаны Джаныбек и Керей. Я мчался день и ночь другими дорогами, чтобы успеть предупредить вас, мой хан!

— Через сколько времени могут быть здесь султаны?

— Не позже завтрашнего утра, мой хан.

— Сколько же народу на том берегу Таласа?

— Несметное количество, мой хан!.. Когда передние давно уже разгрузили верблюдов и варили пищу, со стороны степи все еще шли и шли караваны. На половину дневного перехода расположились они вдоль берега. Но это еще не все. С горы мне была видна степь. И насколько хватал глаз, двигались по ней кочевья в нашу сторону. Наверное, там их уже живьем стали глотать, в Абулхаировой Орде!

Иса Буга грозно нахмурил брови, и словоохотливый гонец немедленно прикрыл рот. Он понял, что допустил оплошность, и подумал, что «ворон ворону глаз не выклюет». Чтобы обезопасить себя, он опять склонил голову, как бы попросив разрешения продолжать.

— Говори! — бросил хан.

— О мой хан!.. Я передаю лишь заученные мной слова послания своего хакима Суюндука-мирзы. Он так и велел передать вам: «Пусть знает справедливейший из земных правителей и защитник всего народа Моголистана, что причиной переселения казахов на наши земли являются жестокость и притеснения со стороны хана Абулхаира и известная всему миру справедливость нашего милостивого хана!»

Некоторые из присутствующих поняли хитрость гонца и усмехнулись про себя. Хану понравились слова гонца, и он повеселел. Было видно, что известие о приходе казахов повлияло на дальнейшие планы Иса Буги. Он махнул рукой гонцу:

— Ладно, отдохни и выпишись. Завтра ты услышишь наш ответ своему хакиму, запомнишь и передашь!

Поняв, что удачным ответом он спас свою голову от сабли ханского палача, гонец воскликнул: «Слушаюсь, мой хан!» — и в ту же минуту исчез за дверью.

Только оказавшись во дворе, гонец вздохнул облегченно, всей грудью. «Кто говорит без

осторожности, тот умрет, не болея! — подумал он. — Только дурак умничает перед ханом!»

* * *

Все, о чем поведал гонец хану, было правдой. И то, что народу пришло в Моголистан несметное количество, тоже не было преувеличением.

На четвертый день поспешной откочевки султаны Джаныбек и Керей собрали всех вождей, биев и батыров ушедших с ними аулов. Джаныбек был более красноречив и начал говорить первым.

— Не думайте, что нас ждут с распростертыми объятиями! — сказал султан Джаныбек. — «Ближний не рад, когда ты богат, но когда ты нищий, пожалеет для тебя и пищу». Я не хочу предрекать плохое, но неизвестно еще, как примет нас Моголистан. Поэтому необходимо пройти этот длинный путь и сохранить силы и здоровье. Увидят, что мы сильны, станут уважать, а если придем изможденными, то станут только жалеть. Прогнать, возможно, и не прогонят, но какая радость быть бедным родственником!..

С этого дня, выяснив, что ханские отряды не пошли в погоню, двигались уже медленней, давая подкормиться скоту.

Через неделю Джаныбек и Керей собрали на семейный совет своих сыновей, внуков, многочисленных старших и младших братьев. Султан Джаныбек велел одному из своих джигитов нарезать сноп стеблей таволги, толщина которых достигает толщины рукоятки от камчи. В древних легендах рассказывалось о таком испытании для сыновей. Прежде всего он обратился к старшему сыну Джадику и первенцу Керей — Бурундуку.

— Возьмите по одному стеблю!

Те взяли, сосредоточенно глядя на Джаныбека.

— Переломите их!

С легким хрустом переломились меж сильными пальцами джигитов зеленые прутья.

— Теперь возьмите по два вместе!

Им пришлось приложить усилия, чтобы переломить сдвоенные прутья.

— Возьмите по четыре вместе!

Лишь с помощью колена удалось переломить прутья таволги.

— По шесть! — приказал Джаныбек.

Джадик и Бурундук взяли каждый по шесть стеблей таволги и принялись мять и ломать их со всевозможными ухищрениями. Еле-еле удалось им сделать это.

— Ну а по десять!

Снова принялись за дело тонкий, жилистый Джадик и квадратный, длиннорукий Бурундук. Они знали это степное предание и старались изо всех сил, чтобы на их примере учились младшие братья. Потрудившись вдосталь, оба отбросили от себя прутья:

— Не получается!

Султан Джаныбек некоторое время сидел молча, потом обвел всех взглядом. И хоть даже дети знали это наставление, он повторил его слово в слово, как говорили его своим детям другие батыры и султаны, как из века в век пели об этом жырау:

— Вот так бывает и с народом. Одного в поле просто убить. А когда сплочены люди, никакой враг им не страшен. Сообща можно море завалить. Если сплотятся казахские роды, то грозной силой станут они. Десять родов — это десять пальцев на двух руках. Пусть же сожмутся они в кулаки!

Бурундук был старше всех сыновей Джаныбека и Керей, поэтому он заговорил от имени остальных:

— Да, это будут хорошие кулаки... Но что будет с теми родами, которые находятся далеко от нас?

— Если захотят присоединиться к нам, то что расстояние для казахских коней!..

— Мы поняли, — сказал Бурундук. — Но что сейчас нам делать?

— Пережеванная пища не пойдет впрок зубастому волку! — сурово произнес султан Джаныбек. — Сам подумай!

— Не знаю... — Бурундук посмотрел себе под ноги. — Напасть и разграбить тех, кто не

хочет идти за нами, а остальных увести с собой!

Керею стало неловко за сына, который в такой ответственный момент не может найти правильное решение.

— Если делать, как ты говоришь, мой сын, то мы напугаем людей! — сказал он. — Силой нельзя заставлять народ...

— Пусть каждый скажет, что думает! — предложил Джаныбек.

У казахов издавна учили так сыновей. И хоть немудреная была эта школа, но знания оставались на всю жизнь, а потом с такой же настойчивостью и наглядностью передавались следующему поколению.

Младшим нельзя говорить раньше старших, и поэтому средний сын султана Джаныбека — Касым все ерзал на месте, не спуская глаз с отца.

— Ладно, скажи ты! — разрешил ему Джаныбек.

— Да, отец, с вашего разрешения мне хочется поделиться своим мнением с братьями!..

— Говори... говори!..

— Прав по-своему Бурундук, когда говорит, что силой надо приводить к правде неразумных. Так было и будет. Но мудрый дядя Кереке уже подметил, что невыполнимо такое предложение. Можем ли мы думать о применении силы сейчас к кому бы то ни было, когда сами все оглядываемся назад, не догонят ли нас враги? К тому же единым крепким народом должны прийти мы в Моголистан!..

— Говори, Касым! — одобрительно сказал теперь и султан Керей.

— Да, не разрозненными аулами, а страной казахов придем мы к границам Моголистана и Туркестана!.. — возбужденно сказал Касым. — Пусть увидят и поймут потомки Джагатая и Шейбани, что с нами придется считаться в будущем и что уход наш из родных мест временный. Куда более охотно дарят что-нибудь, когда знают, что ты можешь силой отнять это. Они должны не сомневаться, что если не дадут нам земли и пастбища, то мы в состоянии забрать их!..

А пока что я предлагаю наиболее смелым и красноречивым из нас взять каждому по пять-десять простых джигитов и разъехать по всей степи. В каждом ауле должны побывать мы с призывом следовать за нами. Мы должны разъяснить всему народу свои намерения. Не все, очевидно, сразу двинется за нами, но оставшиеся задумаются. Клич наш должен быть прост и понятен каждому казаху, какого бы ни был он рода и племени, богатый он или бедный, знатный или простой человек: «Да пребудет в веках единая Белая Орда!»

Джаныбек и Керей одновременно кивнули головами:

— Ты хорошо сказал, Касым!..

— Твоя мысль правильна, мой сын!..

Все братья и родственники, в том числе и дети, одобрительно махали руками.

— Да, ты вник в суть дела! — заговорил Джаныбек, одобрявший и всячески поддерживавший в сыновьях стремление к самостоятельности. — Наш поход вызван не просто обидой на хана Абулхаира. Главная его цель — восстановление Казахской Орды, которой столетие назад положил начало наш великий предок Урус-хан...

Мы бы могли водрузить знамя Урус-хана в междуречье Жаика и Едила, на развалинах Золотой Орды. Но это было бы на самом краю наших необъятных степей. За Едилем наши враги: Ногайская Орда, Казанское, Крымское и Астарханское ханства, а дальше уже кончается вольная степь, люди там оседают на землю, и не нужно держать рядом с ними ставку кочевого государства. Так же, как это случилось с Абулхайровой Ордой, столица ханства очень быстро потянется к могучим оседлым странам и невольно порвет свои связи с народом, который тысячелетиями кочует по степи и живет этим...

* * *

Но есть более удобное место, где наш предок водрузил когда-то свое знамя, — Сыгнак. От него куда ближе к главным кочевьям большинства казахских родов. Он пока в руках Абулхаира, наш Сыгнак, но мы не очень далеко углубимся от него в Моголистан!.. в Моголистане те же наши роды уйсунь, дулат, жалаир.

А пока что пусть будет выполнено то, что предложил мой сын Касым. Он первый возьмет пятерых джигитов и поскачет с ними от аула к аулу. Так сделают лучшие из вас. И чем больше аулов приведете вы с собой, тем быстрее возродится Белая Орда. На берегах Сейхундарьи место сбора, и не вас учить переправляться через реки!..

Наутро достигшие совершеннолетия сыновья Джаныбека и Керей, а с ними многие бии и батыры разъехались в разные стороны по необъятной казахской степи, призывая аулы к уходу из Абулхайровой Орды. С несколькими аулами, которые вел молодой султан Касым, и встретились на берегах Сейхундарьи ертоулы хана Абулхайра. Но хан проводил первую ночь с молодой женой, и погоня опоздала на сутки...

Сейчас вслед за главным караваном все шли и шли к Таласу аулы, Белая Орда становилась государством, но пока лишь государством на верблюдах — без земли и собственной столицы.

* * *

Распустив совет, с самыми доверенными людьми остался хан Моголистана Иса Буга. С Шейх-Мухаммедом, Сеитали и главным наибом Кастек-бием ему не нужно было притворяться. Радость наполняла ханскую душу. С приходом воинственных казахских родов сразу разрешались многочисленные проблемы...

Долго и подробно обсуждали они создавшееся положение. Решено было поселить казахов по всей горанице Моголистана с Синей Ордой и тимуридами вдоль рек Чу, Сарысу, Талас и Бадам, а также отдать им северные склоны гор Козыбас и Каратау. Боевым щитом станут служить они против Абулхайра и эмира Абдусаида, и не будет более преданных защитников, чем они.

Но это еще не все. В качестве платежа за полученные земли и пастбища казахские роды будут выделять полностью вооруженные отряды и на другую границу — с Китаем и Ойротским ханством, если вспыхнет там война. Так что выгода от них для Моголистана будет двойная.

Придя к такому решению, Иса Буга послал навстречу казахским султанам самых знатных людей, как делают это по отношению лишь к близким родственникам. С распростертыми объятиями встретил он их на пороге своего дворца. Целый месяц провели Джаныбек, Керей и приехавшие с ними бии и батыры в непрерывных пирах, ели и пили из одной чаши с ханом Моголистана. Условия его были приняты казахскими султанами без возражений, и вскоре первая тысяча отважных джигитов из прибывших была направлена на китайскую границу — на самый опасный участок ее, к Джунгарским воротам. Возглавил этот отряд старший сын Джаныбека, султан Джадик. Прибыв на место, он за счет джигитов из местных казахских родов увеличил свое войско до пяти тысяч всадников и быстро выгнал просочившиеся за эти «ворота» китайские отряды. После прибытия такого же войска во главе с другим сыном Джаныбека — Камбар-батыром ойротский правитель вынужден был заключить мир с Моголистаном.

Казахские аулы были так расселены по всей северо-западной границе Моголистана, что в случае набега со стороны Абулхайровой Орды и Мавераннахра они могли в несколько дней выставить конное ополчение. Часть батыров и джигитов постоянно находилась в дозоре.

«Что же, на границе с Китаем живут те же казахи, хоть и из других племен, — думал султан Джаныбек. — Пусть убедятся они, что у них всегда найдутся защитники. Это только ускорит их присоединение к нам!.. Ну а что касается границы с Абулхайровой Ордой, то мы сами не хотели отделяться от нее...»

Султаны Джаныбек и Керей лично занимались нелегким делом расселения аулов и распределения между ними земли и пастбищ. И хотя при этом строго учитывалось количество переселенцев, львиная доля, как водится, доставалась биям и многочисленной султановой родне.

Тем временем к султану Жунусу приехал сын правителя восточной Кашгарии Абдрашид-султан, тоже джагатаевского рода. Сам Жунус обычно с охотой принимал таких знатных родичей, рассчитывая на их помощь в борьбе за престол Моголистана. В связи с неожиданным появлением казахов на границе он прекратил подготовку к походу на Алмалык и проводил время в пирах и веселье с приехавшим гостем. Но на свою беду Абдрашид увидел как-то дочь Жунуса, красавицу Султан, и влюбился в нее. Так как виды на нее уже имел сын

эмира Абдусаид, да и любил ее Жунус больше других дочерей, то он предоставил все на усмотрение девушки.

Султан сама пришла посмотреть на влюбленного кашгарца и рассмеялась ему прямо в лицо. «Не то что лечь с ним в одну постель, но пройти мимо него мне противно!» — заявила она отцу и потом повторяла эти слова среди приближенных Жунуса. Ничего нет удивительного, что они дошли до Абдрашида.

Ругаясь на чем свет стоит, уехал обиженный гость в свою Кашгарию. А девушка продолжала потешаться над ним среди подруг, не зная, какие шутки иногда проделывает жизнь...

Как только уехал кашгарец, эмир Абдусаид позвал султана Жунуса к себе в Бухару, куда он переехал на время из Самарканда. А едва тот выехал, как направленный моголистанским владыкой сын Джаныбека султан Касым налетел на восточную окраину Ферганского оазиса и угнал три тысячи коней, принадлежащих Жунусу.

* * *

Ни одного настоящего джигита не нашлось, чтобы погнаться за похитителями. Лишь одна пятнадцатилетняя Султан вскочила на коня и бросилась в погоню с пикой в руке. На переправе через Талас появилась она перед джигитами Касыма, и те чуть не попадали с коней от удивления, увидев воинственную девушку. Опьяненные легкой добычей, они стали издеваться над мужчинами из Жунусова рода, которые забились от страха в норы, а в погоню за угнанными лошадьми отправили одну из своих дочерей. Сам султан Касым тут же сочинил и пропел ей куплет:

*Скажи свое имя, тебя я прошу!
Не скажешь — ни с чем я тебя отпущу...
Как глуп тот вожак-жеребец, что позволил
тебе отбиться.
Скажи, о скажи, ты чьего косяка кобылица!..*

Девушка сверкнула глазами в сторону рослого красивого султана и запела в ответ:

*По речи красивой узнала, что ты султан
И привык на всякой кобыле скакать
по кустам!
Но я жеребенок Жунуса, и даже во сне
Не видела живой поклажи на своей спине!
Все наши мужчины вчера ускакали на той,
Не то б не удался в ночи столь гнусный
разбой!
Неужто способен, как тать, настоящий султан
Беспомощных грабить — ответ ты мне сам!
Сюда прискакала стать жертвою за отца.
Верни достояние наше во имя творца!
Не сделай султана Жунуса посмешищем
для врагов;
Посмейся над дочкой его, коль на это готов!*

— О благоуханный цветок, никем до сих пор не сорванный со стебелька! — воскликнул султан Касым. — Я не в силах отказаться от твоего предложения и готов полюбоваться тобой даже ценой трех тысяч лошадей!

Что уж было между ними в белом шатре, который приказал Касым разбить на берегу Таласа, одному богу известно. Во всяком случае, девичьих слез не было слышно, зато не раз звонкой трелью в ночи раздавался счастливый женский смех.

А наутро щедрый молодой батыр приказал гнать обратно трехтысячный табун. Стоя на коне, плакала при расставании Султан. Печальны были и джигиты, лишившиеся такой богатой

добычи. Не смея прямо укорять султана, они тем не менее сложили песню об этом событии, которая намного пережила их.

*Без огня и кремень ни к чему,
Лукавая коза — обуза пастуху.
И щедрость Касеке воистину безмерна:
Три тысячи коней за поцелуй, наверно!
Обманчива судьба, как рыжая лиса,
Для нас, что только слышали той ночью
соловья.
Неужто у певички лоно золотое,
Коль трели достались такой ценою!*

Какой-то легкомысленный джигит на привале не удержался и спел султану Касыму эту песню. Тот лишь усмехнулся, но по дороге домой он во главе все тех же джигитов прихватил пасущиеся неподалеку табуны одного из многочисленных пограничных султанов, так что джигиты остались не внакладе. Касым умолял их никому не рассказывать о случае с Султан, ибо потерявшая девственность султанская дочь вместе с этим так же теряет свое достоинство, как и обычная смертная. Джигиты дали обещание молчать, но кто-то не удержался, и все песни об этом дошли до нашего времени...

* * *

Вскоре Жунус решил отдать свою дочь в жены андижанскому эмиру Шейх-Омару, сыну Абдусаида. В это время в Мавераннахре с разрешения хана Абулхаира гостила его жена Рабиа-султан-бегим. Как ей было удержаться, чтобы не вмешаться в сватовство! С пышной свитой поехала она за невестой в Яссы, забрала Султан и направилась с ней в Андижан.

Узнав об этом, султан Джаныбек призвал своего сына Касыма.

— Что делать с Жунусовой дочерью — твоя забота, — сказал он. — Боюсь только, что и твоих собственных коней уведет она в уплату за вторую ночь. Мне же во что бы то ни стало доставь здоровой и невредимой Рабиа-султан-бегим. Тогда мы по-другому заговорим с ханом Абулхаиром!

Султан Касым выехал с джигитами наперехват свадебного каравана и тут столкнулись с людьми кашгарца Абдрашида, которые устроили засаду с той же целью. Кашгарцы раньше его напали на караван. Султан Касым отбил обеих женщин.

И снова Касым не выполнил требования своего отца. Дело в том, что когда он жил при дворе хана Абулхаира, Рабиа-султан-бегим относилась к нему с присущей ей добротой. Испытывая к ней огромное уважение, Касым отпустил ее с почетом, избавив от шантажа со стороны своего отца — султана Джаныбека.

Вместе с ней отпустил султан Касым и юную красавицу Султан, но в старых песнях поется, что никак не хотела она уезжать от него. Намекается даже, что это она сама послала тайного гонца к Джаныбеку с точными сведениями о том, когда и по какой дороге отправится свадебный караван. Потом, будучи уже замужем, Султан еще десять лет ждала набега джигитов Касыма. И нужно сказать, что она дождалась своего...

Султан Касым не стал оправдываться перед отцом, докладывая о причинах неудачи.

* * *

— Мне не хотелось уподобиться псу, который, отогнав от чашки другого блудного кобеля, начинает лакать чужие помои! — сказал он. — Освободив чужую невесту от султана Абдрашида, не мог же я сам уподобиться ему...

— А почему отпустил ты Рабиа-султан-бегим?

— Из уважения к памяти великого Улугбека!

Хоть и нахмурил брови султан Джаныбек, но в душе одобрил сына.

— Наверно, чем больше стареет человек, тем сильнее опасается, что не успеет отомстить

всем своим врагам! — сказал он со вздохом. — Ты правильно поступил, мой сын, а я уже, видимо, поддаюсь этой болезни. Старость не за горами! Ну а ты, пока я жив, можешь позволять себе и благородство. Дай бог сохранить тебе до конца жизни такие высокие чувства!

* * *

Словно застывший черный омут, безмолвна и страшна была ночь. И хоть висели низко над степью черные тучи, не было ни молнии, ни грома. Казалось, все замерло в мире, даже конский храп и сопение всадников не разносились далеко, как обычно, когда воздух в ночной степи чист и легок...

Их было человек пятьдесят — безродных джигитов, тех бедняков из черной кости, которые хоть и имели свою юрту в каком-нибудь из окрестных аулов, но, когда появлялся Орак, седлали темной ночью лошадей и неслышно уходили на несколько дней в его отряд. Чтобы не быть узанными во время очередного набега на байские и ханские табуны, они надевали на лицо черные повязки мстителей.

Орак-батыр давно уже начал появляться в этих местах — в поймах рек Таласа, Чу, Каратала. Совсем недавно здесь ограбили караван самого Джаныбека. Правда, никто не был убит или уведен в плен, но тридцать верблюдов, груженных посудой и тканями, разбойники отогнали куда-то в степь.

— Если вы казахи, то зачем грабите своего султана?! — спросил у одноглазого предводителя главный караванщик.

— За эту ткань и посуду твой султан по две шкуры сдерет с черной кости, — ответил тот. — А мы уж разделим все это по справедливости. Коль воистину справедлив твой султан, то пусть проверит и убедится!

И действительно, вскоре эти ткани и посуда появились в самых бедных юртах откочевавших аулов, в том числе и юртах рабов-туленгутов. Джаныбек так и не решился отбирать у людей свои товары, розданные разбойниками. Но с Орак-батыром он твердо решил покончить.

— Когда грабил он караваны Абулхаира, нам это было на руку, — сказал султан Джаныбек. — А мне в моем ханстве не нужны разбойники. Черная кость должна знать свое место!

* * *

В один из вечеров султан вызвал Бурундука и приказал ему уничтожить отряд Орак-батыра. По его расчетам, одноглазый батыр должен был сейчас находиться где-то в низовьях Чу.

— Давно уже пора покончить с этим голодранцем, — угрюмо сказал Бурундук.

— Но смотри сделай все тихо, а то люди взбунтуются! — предупредил Джаныбек.

Бурундук лишь молча кивнул головой.

Всего этого не знал Орак-батыр, который ехал впереди своих молчаливых джигитов, время от времени поглядывая на восток, где уже показалась узкая серая полоса, предвещающая рассвет. Вдруг сзади послышался какой-то шум. Батыр обернулся:

— Что там случилось?

— Рябой Тенге исчез! — ответили ему из тьмы.

— Как это исчез?

— Вчера был, а сегодня нет. Он сказал, что пойдет в лошину за своим стреноженным конем, но так и не вернулся...

Орак придержал коня. Тенге не был бедным или безродным, как другие его джигиты. Но, кажется, этого Тенге чем-то обидел Бурундук, и он пришел в отряд мстителей. Орак-батыр с самого начала сомневался в его верности, помня пословицу: «Ворон ворону глаз не выклюет». Однако Тенге пригнал десятка полтора добрых коней, и сердце батыра дрогнуло.

Непонятное исчезновение Тенге перед самым набегом на султанские табуны насторожило

Орака.

Батыр поднял руку:

— Джигиты, надо торопиться. Если Тенге предатель, то нам надо успеть до того, как усилят охрану султанских табунов!

И они вихрем понеслись вперед, не подозревая, что впереди их ждет гибель. Еще несколько дней назад был предупрежден Бурундук об этом нападении мстителей и подждал. Теперь Тенге передал ему и точное место, куда направляется отряд Орак-батыра. Полторы сотни отборных воинов были с Бурундуком, а на всех степных тропах он приготовил засады.

Широкая лощина между двумя покатыми холмами плавала в молочном предутреннем тумане. В самой низине и на отрогах холмов лениво паслись или лежали группами со своими жеребятами породистые снежно-белые и гнедые кобылицы лучшего султанского табуна. Жеребцы, словно дозорные в войске, стояли каждый у своего косяка. Они всегда первыми чувят приближающуюся опасность, и сейчас кони тревожно прядали ушами, прислушиваясь к ночной степи.

И вдруг они все сразу захрапели, заходили вокруг своих косяков широкими кругами. Кобылицы вскочили, тревожно заржали, стали сбиваться в группы. Туман приподнялся над долиной, и в предрассветной мгле стали видны приближающиеся всадники. Они скакали растянутой линией, охватывая полукругом крайний косяк. На лицах у них были черные повязки-башлыки, и только одного из них можно было сразу узнать — великана Орак-батыра. Вместо башлыка у него через все лицо шла кожаная повязка, закрывающая мертвый глаз.

Но не успели мстители доскакать до султанских коней, как от холмов одновременно с двух сторон вынеслись наперерез им другие всадники.

— Бурундук!.. Бурундук!..

Но и без этого неистового крика, который прокатился из конца в конец лощины, мстители увидели, кто перед ними. Квадратный Бурундук, словно дубовый пень, сидел на своем гнедом коне и размахивал над головой саблей.

— Засада!

— Назад!..

Но было уже поздно. У входа в лощину показался большой отряд, а на холмах появились стрелки с натянутыми луками. Орак-батыр круто осадил коня, минуту помедлил, словно раздумывая, что делать дальше, и показал обнаженной саблей на выход из лощины. Теперь мстители неслись в обратном направлении, и Орак-батыр скакал последним. Не менее сотни джигитов ждали их там, а сзади наседали всадники во главе с самим Бурундуком.

— Вперед, мстители! — страшно закричал Орак-батыр.

Пустив коня в галоп, он обогнал своих воинов и первым врезался в строй султанских джигитов.

Ничего нет страшнее боя в степи, когда две конных лавины сшибаются друг с другом. Ржут ошалевшие от ударов кони, дико кричат люди, в густой пыли вздымаются тяжкие дубины, сверкают сабли, колют куда попало острые пики. Минута-две — и уже валяются под копыта озверевших коней обезглавленные тела, втаптываются в землю раненые, волочатся за уносящимися в степь конями задушенные арканом.

И все же неизвестно чем закончился бы этот неравный бой. Хоть втрое меньше было мстителей, но это были самые закаленные воины. Один лишь Орак-батыр уложил в этом бою не менее десятка султанских джигитов. Возможно, оставшимся в живых мстителям удалось бы уйти в степь, но тут новый мощный клич потряс долину:

— Касым!.. Касым!..

Это на подмогу Бурундуку прибыл молодой султан Касым. Сотня его джигитов решила дело, растоптав конями оставшихся мстителей.

Но сам султан не бросился вперед, а остался ждать исхода битвы на холме. Он решил, что не к лицу будущему хану казахов принимать участие в таком незначительном сражении. К тому же это были не просто разбойники, и Касым это хорошо понимал. Нельзя начинать с того, чтобы ссориться с импрамом — толпой простых людей, от которых так или иначе зависит его слава. Они его будущие подданные, а кровь подданных можно проливать, лишь утвердившись на престоле.

Касым одиноко стоял на холме и даже не смотрел в сторону битвы. А когда посмотрел, то увидел, что лишь один великан с черной повязкой на глазу остался на коне. Как жнец косой работал он огромной саблей, и султанские джигиты боялись приблизиться к нему. Совсем немного оставалось вражеских джигитов между ним и открытой степью. Но в это время Бурундук на своем тяжелом коне отрезал единственный путь спасения. Сейчас они медленно приближались друг к другу — одноглазый батыр и султан Бурундук.

Касым даже не успел разобраться, что произошло. Скрестились сабли и отлетели в разные стороны. Но в тот же миг завертелась в воздухе тяжелая дубина, и оглушенный Бурундук вылетел из седла. А Орак-батыр уже скакал в сторону степи, и ни одного джигита не было видно на его пути. Касым непроизвольно натянул свой лук. Одноглазый батыр находился внизу, в сотне шагов от него, и стрела с каленым наконечником могла навывлет пробить батырское сердце. Касым с детства не знал себе равных в стрельбе из крутого казахского лука.

— Да стреляй же... Стреляй, шенок!

Это крикнул вставший на ноги Бурундук. Но Касым опустил лук. Нет, не дрогнула бы его рука, и не пожалел бы он безродного батыра. Но на его глазах этот батыр свалил одним ударом дубины непобедимого Бурундука. А ведь именно Бурундук будет соперником Касыма в борьбе за ханство. И тогда пригодятся еще султану Касыму такие люди, как этот мстительный батыр...

А батыр Орак между тем был уже далеко. Бурундук, ругаясь и проклиная все на свете, устремился было следом с полусотней джигитов, но все было напрасно. Возвратившись, он ничего не сказал своему брату Касыму — только посмотрел на него мутными красными глазами.

Утром убрали трупы и с удивлением обнаружили под черными повязками мстителей знакомые лица. Все это была голытьба, черная кость, безродные туленгуты. Бурундук приказал поджечь жилища виновных и вырезать их семьи. В разные стороны поскакали отряды выполнять его распоряжение. Но кто-то предупреждал заранее родственников погибших, и те поспешно собирали свой скарб и уходили в степь. Целые аулы таких вот безродных людей кочевали уже по всей казахской степи, и беглецам было к кому присоединиться...

К вечеру султан Бурундук кивком подозвал к себе рябого Тенге:

— Эй ты, выродок... Ложись рядом со мной. Авось приспичит одноглазому волку как раз сегодня ночью прирезать тебя в отместку. Вот тут-то и напорется он на мой нож!..

* * *

Изменник лежал с открытыми глазами и дрожал. И когда в светлеющем проеме султанской юрты появилась громадная черная тень, он от ужаса не издал ни одного звука. Как смог проникнуть Орак-батыр в самую середину султанского лагеря — осталось вечной тайной для рябого Тенге. Длинный нож, который всегда носит с собой казахский табунщик, приколол его к кошме. Султан Бурундук только хмыкнул утром, увидя возле себя мертвого Тенге. Видно, подлинным батыром был этот безродный Орак, если не приколол заодно и самого Бурундука. По степным законам только предателя можно убить как собаку...

А сторожившие ночью лагерь джигиты помалкивали и лишь переглядывались.

* * *

Так, в охране границ Моголистана, набегах и стычках, прошло еще три года. Беженцы освоились в долине Чу и Сарысу. В четвертую весну, когда аулы готовились к откочевке на джайляу, султан Джаныбек сказал сыну:

— Не хочешь ли ты вместе с Бурундуком поехать на той в город Джангы к достойному и ученому человеку?

— В такое тревожное время?! — удивился Касым.

— Ты же знаешь, что по древнему закону во время праздничных состязаний прекращаются вражда и войны!

Той, на который приглашены были самые знатные люди из нескольких ханств и эмиратов, устраивал один из самых богатых людей Средней Азии и степи Дешт-и-Кипчак — купец

Мухаммед-Хаким аль-Тарази. Ежегодно отправлял он по нескольку громадных торговых караванов в Китай, Монголию, Индию, Тибет, а также в Византию, Москву и даже в Великий Новгород. Со всем светом торговал и имел связи этот человек. И на той не жалел денег — празднества укрепляли его положение и содействовали безопасности караванов.

На этот раз у купца была немаловажная причина для тоя. Все у него было: сундуки, полные золота и драгоценностей, многочисленные отары овец, табуны породистых коней и стада верблюдов. За золото присвоил ему хан Абулхаир титул ишикаты, главы купцов. Одного ему не дал Бог — детей.

И вот наконец полногрудая и пышнотелая токал — младшая жена — родила ему наследника. Правда, как всегда, нашлись злые языки, которые утверждали, что мальчик действительно пошел в род тарази, но похож он, как две капли воды на брата купца — здорового Махмуда.

Что бы там ни говорили, а той предстоял настоящий. Было учреждено три великолепных приза для победителей в виде отлитых из чистого золота птиц, каждую из которых нелегко было поднять среднему джигиту. Желающие могли по выбору участвовать в трех видах состязаний: пешем пробеге на шесть фарсахов <В одном фарсах около шести километров., в верблюжьем — на десять фарсахов и в конном — на двадцать фарсахов. Первый вид был заимствован у румийцев, второй — у арабов, а третий — местный, степной. Кроме того, разыгрывалось много более мелких призов в разного вида скачках и борьбе.

— Если поедешь, то учти, что пеший бег не к лицу султанам! — напутствовал сына Джаныбек. — Зато конные состязания обещают быть интересными. Из Крыма, Ирана, Хорасана приедут наездники, а в тех краях аргмаки быстрее ветра!..

И Джаныбек оказался прав. К началу тоя собрались гости чуть ли не со всего света. В ста громадных белых юртах разместили их на зеленом берегу Таласа. Тысячи людей приходили смотреть, как объезжают слуги невиданной красоты коней перед состязаниями. А пока что враждебно настроенные друг к другу батыры и султаны из разных ханств и эмиратов состязались в великодушии. Их ждали скачки и игры, на которых предстояло помериться удалью без обычного пролития крови...

Воспоминания об этом тое остались потом в песнях и преданиях.

Рассказывают, что первый приз в пешем беге завоевал сухопарый и длинный как жердь египтянин аль-Мульк ибн-Зархум. Ему было уже тридцать пять лет, и всю жизнь он строил мосты. Как и всякий ученый человек, чем-то не понравился он эмирам своей страны, и пришлось ему бежать с торговым караваном в Туркестан. Здесь он тоже прославился своей ученостью, и многие уже косились на него.

— О благородный Мухаммед-Хаким! — обратился он к хозяину праздника. — Вы предупредили, что победитель может просить вместо золотой птицы любую равную по цене вещь. И я, ничтожный, прошу вас дать мне средства на строительство чудесного моста через Сейхундарью. Я не успел построить такой мост через Нил, и теперь моя мечта осуществится. Люди смогут ходить друг к другу, и прекратится тогда вражда между ними. Чем больше мостов построят на земле, тем меньше будет войн!..

Глаза этого человека горели, когда произносил он такие удивительные слова. Но сразу почему-то нахмурились все ханы, эмиры, шейхи и хакимы, приглашенные на той. Купец скользнул взглядом по их лицам и кивнул головой:

— Хорошо, ученый бегун, я держу свое слово. Необходимо только подсчитать расходы на такое строительство!

Счастливый строитель побежал к тому месту, где хотел построить мост, и сел за расчеты на берегу мутной Сейхундарьи. Утром строителя нашли мертвым с переломленным позвоночником.

Второй приз завоевал султан Бурундук на черном высоком верблюде, но и он отказался от золотой птицы.

* * *

— Отдай мне лучше свою последнюю жену, которая родила тебе воистину золотое

дита! — сказал он, верный соленой степной шутке и намекая на порочащие купца слухи.

Каково же было его удивление, когда купец согласился и в тот же вечер отправил в шатер Бурундука свою молодую жену.

Третий приз завоевал пятнадцатилетний Мухаммед-Шейбани на сказочном коне Ахтангере — потомке прославленного абулхайровского Тарланкока.

— Лишь ханам приличествует золотая птица! — сказал он купцу. — А я всего только воин в войске моего здравствующего деда Абулхайра, дай ему Бог множество лет жизни. Тебя же прошу вооружить для меня в счет приза пятьсот нукеров...

Умный купец-сердцевед пристально посмотрел в глаза юноши и согласно кивнул головой:

— Если вы пожелаете, то я готов вооружить для вас тысячу воинов! — сказал он и, словно перед ханом, низко склонил голову.

Все враги Абулхайра поняли в этот момент, что рано еще хоронить Орду — у Абулхайра растет сильный наследник.

К вечеру сговорившиеся между собой беки и султаны решили подослать к Мухаммеду-Шейбани убийцу. Бурундук сразу согласился с этим, но султан Касым вдруг воспротивился.

— Мы все султаны, а не ночные убийцы, — сказал он. — Наследника ханского престола следует убивать в честном бою!

В тот вечер султан Касым предупредил юного Мухаммеда-Шейбани, чтобы тот был осторожен. Курыбай, наемный убийца, которому обещаны были золотые горы, с обнаженным кинжалом ночью незаметно подкрался к самому изголовью Мухаммеда-Шейбани и рухнул, разрубленный им пополам...

Так все три золотые птицы остались у хитрого купца Мухаммеда-Хакима.

* * *

И еще два события произошли на этом тое.

Вместе с сыновьями на празднество приехала в сопровождении вдовствующей невестки Аккозы ханум Рабиа-султан-бегим. Специально для них поставили на возвышении две белоснежные юрты, и уйма народу толпилась невдалеке, всем хотелось рассмотреть пышные наряды женщин и усыпанную драгоценными камнями сбрую.

Как только Мухаммед-Шейбани получил приз и слава его вспыхнула подобно факелу в ночи, честолюбивый султан Суюнчик, на всю жизнь запомнивший уроки везира Бахты-ходжи, стал белее снега от снедавшей его зависти. И тогда мудрая Рабиа-султан-бегим стала объяснять ему, к каким последствиям приводит вражда между родственниками за трон и славу, рассказала мальчику историю убийства своего отца, и взяла слово с любимого сына, который некогда чуть было не приговорил ее к позорной смерти, что не будет он стремиться к ханскому престолу.

— Одна лишь смерть и несчастье ждут правителя! — сказала она. — А чтобы быть счастливым, нужно каждый раз наступать на голову змее зависти, которая подкарауливает человека в самых неожиданных местах. Дашь ей на миг волю, она же и искушает тебя. Раны от ее зубов неизлечимы.

А второе событие и вовсе никто не заметил. Просто сидела Аккозы, вдовствующая невестка хана на мягкой кошме в своей белой юрте, и вдруг широкая тень упала к ее ногам. Сердце ее вздрогнуло, когда она увидела изуродованное лицо вставшего на пороге человека...

— Не бойся... Я Орак...

— Орак... Орак... — повторила она в беспомощности.

— Да, я жив, но страшнее мертвеца, как видишь...

Все так же стоя на пороге, он тихим, ровным голосом рассказал ей историю своего спасения, а она слушала как во сне.

— Говорят люди, что ты на Коране и хлебе поклялась не выходить больше замуж, и я благодарю тебя за такую память обо мне, — сказал он. — Даже когда черная земля примет мой прах, не забуду я твоей верности. А сейчас я освобождаю тебя от меня и прошу во имя нашей чистой любви не отказываться от дарованных Богом радостей и выйти замуж за достойного человека. Я лишаю твою клятву силы. Для тебя я тот же мертвец, но для своих обидчиков, для

всех ханов, султанов, эмиров и прочих богачей с жестокими сердцами я буду жить вечно!

— Подожди! — крикнула Аккозы.

Но он уже исчез. Она выбежала из юрты. Никого не было вокруг.

А на следующее утро поднялась тревога. Знаменитый безымянный батыр по прозвищу «Одноглазый» во главе сорока джигитов угнал огромный табун аргамаков, принадлежавших купцу Мухаммеду-Хакиму аль-Тарази. Оставленная им на степном камне надпись гласила: «В наказание за смерть строителя мостов ибн-Зархума, да возрадуется чистая душа его в райских кущах!»

* * *

Этим же летом хан Моголистана Иса Буга окончательно перенес свою ставку в Аксу.

— От внешних врагов нас охраняют казахи, — сказал он на ханском совете. — А если прорвутся враги сквозь их заслон, то пусть каждый эмир и хаким сам помышляет об обороне!

Таким решением хан думал угодить своим вечно недовольным подданным. У него уже не было ни сил, ни желания им противостоять. Приход казахов избавил его от беспокойства на западной границе. Он считал, что ни Жунус, ни Абдусаид, ни сам Абулхаир не рискнут теперь вторгаться в пределы Моголистана, так как им перед этим придется проходить сквозь враждебные для них казахские кочевья.

В чем-то был и прав моголистанский владыка. Жунус и его покровитель Абдусаид действительно были ошеломлены неожиданным появлением казахских всадников на своих границах. Прямой путь в Алмалык был теперь наглухо закрыт для них. Они стали искать другие пути к Моголистану и вскоре нашли их.

Перенесение ханской ставки в Аксу оказалось даже выгодным для их планов. Не успел Иса Буга расположиться там со своим двором, как ему доложили о невероятном: в трех переходах от Аксу появились всадники Жунуса и его очередного союзника Омара-Шейх-мирзы.

А Жунус просто-напросто пошел далеко в обход занятых казахами земель. Двигаясь севернее их через безлюдную и безводную пустыню, его войско почти у самого Голубого моря вышло в низовья реки Или и, продвигаясь вверх по течению, вступило в Яркенд.

Но недолго оставалось жить несчастному хану Иса Буге. За месяц до прихода в Яркенд султана Жунуса он заболел и слег в постель. Какая-то странная болезнь была у него. Он еле ворочал языком, в глазах стояла тьма. Прожитая жизнь казалась хану приснившейся, а сны представлялись подлинной жизнью. И только золотоволосая девочка с голубыми, как небо над Алатау, глазами допущена была в эти сны. Ему чудилось, что наконец-то вырвался он из этой страшной жизни и через тридцать лет встретился с ней, все такой же юной.

Окружавшие хана хотели услышать, чье имя вспомнит он перед смертью. Они склонялись над его изголовьем, и в страхе перешептывались: «Астаргфиралла... астаргфиралла!.. Не дай Бог повторить кому-нибудь из живущих грехи нашего хана!»

— Феодосия!..

Так звали дочь гяура, и это имя шептали губы Иса Буги.

Султан Жунус, услышав о смерти брата, решительно повернул коней в обратную сторону, несмотря на уговоры своего союзника и зятя Омара-Шейх-мирзы.

— Никогда больше не повторится в вашей жизни такой удобный случай! — говорил Омар-Шейх-мирза. — Они сейчас растеряны и не готовы к сражению. Престол перед вами, а вы, как дрожащий ученик муллы, убоявшийся прута, бежите от сражения!..

— Я не могу прийти с оружием на похороны брата, — тихо отвечал султан Жунус. — Что скажут люди!..

Может быть, и он вспомнил в этот момент, как донес отцу о любви своего брата к странной голубоглазой девочке. Так или иначе, но в тот же день он ушел со своим войском назад в Туркестан.

* * *

Пожалуй, это было самое мудрое решение. Не дожидаясь конца недельных поминок по Иса Буге, его приближенные единогласно провозгласили Жунуса ханом Моголистана.

II

Как бы посредине между Абулхаировой Ордой, Моголистаном и Мавераннахром лежит необъятный серый край с колючими травами, который издавна называли Туркестаном. Ограниченный с запада Сейхундарьей, грядой Каратау на востоке, к северу он переходит в степь Дешт-и-Кипчак, а на юге прерывается реками Бадам и Чирчик. Лишь пустыня да отсутствие воды охраняют его от жадных соседей. Песчаные барханы чередуются с просоленными, потрескавшимися от солнца равнинами, из которых наподобие кованых сабель прорываются к небу невысокие каменные утесы. Они как бы предупреждают о скором появлении там, за горизонтом, могучих горных массивов Тянь-Шаня, Памиро-Алтая, Гиндукуша...

И в этой сухой степи, на вытекающих из недалеких гор реках, стояли с незапамятных времен города Сыгнак, Сауран, Яссы, Сайрам, Архук и знаменитый Отрар на Сейхундарье. Вокруг во все времена лепились небольшие пригороды и поселки, в которых жило самое разношерстное население. Эти города служили культурными, религиозными и торговыми центрами великой казахской степи и связывали ее со всеми странами Востока.

Как раз на стыке Туркестана и степи Дешт-и-Кипчак течет одна из самых больших казахских рек — Чу. Начало ее в горах Тянь-Шаня, в прозрачных озерах. Но зарождаются ее воды еще выше, в ледниках Терской-Алатау. Вырвавшись из теснин Алатау, река плавно, величественно продолжает свой путь через пески, пока не попадает в топкие солончаки степи Дешт-и-Кипчак. Там, в просоленной насквозь земле, находится множество полусоленых и пресных озер, соединяющихся друг с другом речками и рукавами. В одно из этих озер и впадает обессилевшая Чу, всего на один конный переход не дойдя до Сейхундарьи. Совсем неподалеку находится еще одно озеро, куда впадает другая степная река, Сарысу, текущая через Дешт-и-Кипчак с северо-востока. Правда, в засушливые годы она порой исчезает на полпути в песках, но опытные люди всегда раскопают пресную воду даже в пересохшем русле.

А на пять конных переходов от того места, где Чу окончательно склоняется к западу, находится Голубое море — Балхаш, в которое впадает пять больших рек.

Таким образом, вся южная часть степи Дешт-и-Кипчак с примыкающими к ней пустынями связана, по существу, единой цепью рек и озер, вдоль которых даже в засушливые годы может пройти конница. В древние времена воды здесь было еще больше. Поэтому и расцвели когда-то города Сыгнак, Тараз, Отрар, от которых можно было водой или рядом с ней проехать в самые глубины великой степи.

* * *

Щитом по течению рек Чу, Сарысу, Таласа и частично Голубого моря осели пришедшие с Джаныбеком и Кереем казахские племена и роды. В год переезда еще до наступления осенних холодов свыше двухсот тысяч беженцев расставили юрты вдоль берегов и в удобных, защищенных от ветра предгорьях. Некоторые аулы ушли еще дальше в горы, где и зимой зеленеет трава. Сам султан Джаныбек со своим аулом и туленгутами перешел по льду на другую сторону Голубого моря к дельте реки Каратал, где располагались летние пастбища некоторых казахских родов. Там были построены зимовья для людей и скота.

Авторитет султана Джаныбека был очень велик среди местных казахов, и все они негласно признавали его своим вождем. Это было хорошее начало, и складывающееся казахское государство занимало, по существу, огромную территорию — от озера Теликоль до Тарбагатая.

Таким образом, имея огромные площади для ведения кочевого хозяйства, казахи получили и отличные места для зимовий. Правда, в диких, необжитых местах вдоль рек, а особенно в плавнях по берегам озер водилось в те времена множество хищников, в том числе барсов и тигров. За скотом приходилось глядеть в оба, но, прирожденные охотники и воины,

казахи скоро отогнали хищников от своих кочевий.

И все же не настолько был добр хан Иса Буга, чтобы только за одну пограничную службу дать беженцам такие замечательные земли. Недаром ведь говорится, что если степняк дарит что-нибудь ближнему, то дарит самое дорогое или то, что не дает ему покоя. Насколько великолепны были пойменные луга у рек и озер зимой, когда неглубокий снег позволял даже в морозы выгонять скот на пастбища, настолько невыносимы становились они летом, когда неисчислимы полчища комаров и всякого гнуса превращали жизнь людей и животных в настоящий ад. Поэтому и не селились здесь издавна люди. Едва пригревало весеннее солнце, как приходилось оставлять стойбища и уходить куда глаза глядят из этих мест. Джаныбек с Кереем каждую весну все больше задумывались над тем, где находить джайляу. Сто двадцать тысяч юрт насчитывалось теперь в их подчинении, и все богатство казахов — скот — целиком зависело от удобных пастбищ...

Волей-неволей, а ушедшие с ним в пределы Моголистана казахские аулы каждое лето возвращались в районы к западу от Голубого моря, которые еще принадлежали Абулхаировой Орде. Но у хана уже были руки коротки дотянуться до них, и очень быстро эти земли стали негласно считать отпавшими от него.

* * *

Жившие на них казахские роды тоже приняли над собой власть султанов Джаныбека и Керей.

Все эти объединенные роды, возглавляемые решительными и деятельными людьми, стали такой силой, с которой приходилось считаться. И через пять лет после массовой откочевки из степи Дешт-и-Кипчак совет биев и аксакалов всех родов и племен, подчиненных Джаныбеку и Керее, пришел к важному решению. В начале весны султан Керей, как старший, был по предложению Джаныбека провозглашен ханом Белой Орды — Орды казахов.

Это было уже открытой заявкой на создание казахского ханства. И дело заключалось не в формальном провозглашении собственного хана. Этой же весной наметили откочевку главных аулов на летние пастбища далеко в степь Дешт-и-Кипчак.

— Степь издревле принадлежала нам, — говорили на совете представители родов и племен. — Хан Абулхаир сам почти ушел из родных мест со своей ставкой. А мы возвращаемся к себе домой. И если Абулхаир попытается помешать нам, то будем биться с ним, как с чужим ханом-завоевателем!..

* * *

И биться действительно пришлось, но не с самим ханом Абулхаиром. Ставка его теперь была на подступах к Мавераннахру, и не мог он, как прежде, молниеносным набегом покорить непокоренную степь Дешт-и-Кипчак. Все, что сумел он сделать на этот раз, это послать десять тысяч лашкаров во главе с грозным полководцем Карачином. Войско довольно быстро настигло медленнодвигающиеся через степь казахские аулы, но выполнить приказание Абулхаира — загнать их в пески и уничтожить до единого человека — так и не смогло. Вслед за аулами в боевом строю шло тридцатитысячное войско отборных джигитов во главе с самим Джаныбеком.

Султан Джаныбек попросту сделал вид, что не замечает всадников Карачина. А те последовали примеру дворовых собак, провожающих на безопасном расстоянии матерого волка. Долго ехали они следом за аулами, не осмеливаясь напасть. Изредка передовые разъезды метали стрелы в отставших, но, как только джигиты султана Джаныбека замедляли бег своих коней, лашкары отступали.

И вдруг все тридцать тысяч казахских всадников повернулись и всесокрушающей лавой помчались на лашкаров, охватывая петлей их войско. Это был старый степной прием, забытый Карачином. Пока полководец пришел в себя, отступать уже было поздно. Голая степь расстилалась вокруг, скрыться было некуда, а тридцать тысяч джигитов натянули луки и лишь ждали команды Джаныбека, чтобы в полминуты освободить свои колчаны. Вряд ли после этого

уцелел бы хоть один из лашкаров. А если бы и уцелел, то не ушел бы от аркана.

* * *

И тогда Карачин-багатур запросил мира. Не желая начинать свои новые отношения с будущими соседями с кровопролития, Джаныбек согласился на это, но поставил условие, что желающие остаться с ним отпускаются Карачином. Среди лашкаров было немало людей, тяготеющих к степи, и три тысячи воинов остались в войске Джаныбека. Остальных отпустил, усадив по двое на коня. До сих пор сохранилась степная дорога, которую называют «По двое на коне»...

* * *

Прошло еще три года, и все привыкли к тому, чтобы откочевывать на лето в родные места. После поражения Карачина взбешенный хан Абулхаир поклялся во что бы то ни стало наказать отколовшихся от его Орды казахов, но думал сделать это единым махом при завоевании Моголистана. При успехе задуманного им похода все зимние казахские стойбища, расположенные теперь в Моголистане, попали бы в его руки, и казахам Белой Орды некуда было бы деваться...

Вскоре умер долго болевший Керей, и ханом всех казахов провозглашен был Джаныбек. Когда его подняли на белой кошме, казахские роды уже прочно занимали все земли в долинах Чу, Таласа, Сарысу и вокруг Голубого моря на юге, а летом уходили на север, в степь Дешт-и-Кипчак, доходя до Есиля, Нуры и Тобола. Все чаще соседи называли новое ханство Белой Ордой.

Но хан Джаныбек прекрасно понимал, что если не произойдет в самое ближайшее время объединения всей казахской степи, то возрожденной Белой Орде быстро придет конец. Тот же Абулхаир, озлившись, соберет огромное войско и встанет на пути кочующих аулов, отрезав от них летние пастбища-джайляу. В таком случае выходом будет или подчинение, или смерть.

Нет, только создание единого сильного казахского государства могло спасти народ от распыления и полного поглощения другими народами. И Джаныбек, к тому времени уже опытный политик, представлял себе всю трудность существования такого государства с регулярной армией и единой налоговой системой при кочевом ведении хозяйства. Для такого государства нужно было иметь города, но не просто города, подобные Самарканду, Бухаре, Мерву, а города, тяготеющие к степи и составляющие с ней единое хозяйство.

Иногда Джаныбек, раздумывая, поддавался своей извечной мечте: о союзе с Русью и о городах на Волге и Жайке, но тут же отбрасывал эту мысль. Слишком далеко находилась Русь от молодого казахского ханства, и она сама еще похожа на орленка, не совсем окрепшего...

Речь могла идти, таким образом, только о городах, расположенных по краям степи и связанных с ней водными путями или обеспеченными водой караванными тропами. Причем города эти должны были примыкать к границам тех стран, с которыми степь имела самые оживленные торговые отношения. Всем этим требованиям полностью отвечали города Северного Туркестана, построенные некогда именно в целях обмена с древними кочевниками. Но Туркестан принадлежал Абулхаиру, и его войско было куда ближе к ним, чем к дальним кочевым тропам...

Сыгнак, Сайрам, Яссы и другие древние города Туркестана были когда-то сметены с лица земли монгольскими завоевателями. Казалось, никогда уже не подняться им из руин и пепла, но люди возродили Сыгнак, и

предок Джаныбека Урус-хан перенес туда ставку Белой Орды. Теперь возродившему Белую Орду хану Джаныбеку предстояло отвоевать у могучего Абулхаира прадедовскую столицу...

Да, многое предстояло еще сделать Джаныбеку. Во-первых, из разрозненных, перессорившихся друг с другом и тяготеющих к разным государствам казахских родов и племен сколотить новое единое государство. Для того чтобы хищные соседи не задавили это государство, нужно было организовать единое сильное войско. И, самое главное, необходимо

было возродить всю степь Дешт-и-Кипчак и ту часть Туркестана, которая принадлежала некогда Белой Орде и без которой немислимо было самостоятельное существование.

А захват городов Туркестана означал длительную кровавую войну с ханом Абулхаиром и союзными с ним тимуридами. Для них казахские города Туркестана являлись тем ключом, который всегда открывал дорогу в степь. Потеря Туркестана для них была равноценна отказу от всех завоеваний на севере и востоке, не говоря уже об угрозе со стороны окрепшего степного соседа.

Но дело заключалось не в одном лишь военном присутствии. Для оседлого населения всей Средней Азии мясо, а прежде всего шерсть и кожи были столь же необходимы, как для кочевников изделия городских ремесленников. Ведь все товары, которые в изобилии производил Средний Восток для рынков Китая, Индии и Европы: знаменитые хорасанские, бухарские и хивинские ковры, лучшие в мире кожи, шерсть и сукна — так или иначе были получены от кочевников. Местных животноводческих ресурсов Мавераннахра или Хивы едва хватало для нужд собственного чрезвычайно скученного населения. Для того чтобы производить товары, необходимо было торговать с казахской степью. И тот, кто владел городами Туркестана, диктовал цены. Как обычно бывает, они складывались не в пользу основных производителей.

А для ряда казахских родов северная часть Туркестана, и особенно присырдарьинский оазис, была важна не только городами. Одно дело отходить на зимовья в пределы отдаленного Моголистана, в Семиречье, а другое — за несколько переходов оказаться на Сейхундарье, где издавна были у казахов отличные зимовья. К тому же и города под боком, куда можно было без посредников сбыть продукты кочевого хозяйства.

Казахский хан Джаныбек спал и во сне видел свою будущую столицу Сыгнак, видел вновь отстроенные и укрепленные Сауран, Созак, Яссы, Сайрам. Как и всякого хана, его меньше всего интересовали положение и интересы местного населения, а если и интересовали, то лишь с точки зрения того, как использовать настроения людей в будущей войне.

И здесь, нужно сказать, он проявил дальновидность. Во всех этих туркестанских городах, окруженных широким поясом полей и садов, до седьмого пота трудились рабы и дехкане, немногим отличающиеся от рабов. Неслыханны были наложенные на них налоги, но еще больше страдали они от незаконных поборов сменяющихся один за другим хакимов. Эти управляющие городами хакимы и даруги, а с ними бесчисленные баи и прочие власть имущие обдирали дехкан и ремесленников до того, что те вынуждены были продавать в рабство собственных детей, чтобы выплатить «гараж-гаражат», как называли ханскую подать.

Вдобавок хакимы и даруги были своенравны и продажны. Как только начиналась война, они сами решали, на чьей стороне им быть, и выбирали сильнейшего, который, захватив город, оставлял власть в их руках. Обычно хан или эмир делал городским хакимом преданного человека, чаще всего своего родственника. Этому же правилу придерживался и хан Абулхаир. Его родственники правили в Яссах, Саурани, Сайраме.

Абулхаир при всей своей подозрительности был, однако, уверен, что все эти люди скорее погибнут, чем сдадут подвластные города неприятелю. И это было действительно так, но только до тех пор, пока к стенам этих городов не подошел враг посильнее Абулхаира.

Пожалуй, лучше всех понимал это султан Джаныбек. Он все вел к тому, чтобы его не привыкшим к штурму городов джигитам не пришлось лезть на высокие крепостные стены. Главное — привести в Туркестан такую армию, чтобы всем стало ясно его полное преимущество над Абулхаиром. Управители городов не заставят себя ждать при всем их родстве с Абулхаиром и много раз подтверждаемой верности ему...

Но сейчас в жизни Белой Орды наступило самое опасное время. Пока перед казахскими родами стояла единая цель — освободиться от ярма Абулхаира, распри почти прекратились. Но теперь, когда имелись неплохие пастбища, многим снова стало казаться, что можно просуществовать самим, без общего государства. Ведь каждый бий и батыр, полный родовой спеси, считал себя равным с Джаныбеком, который был недавно простым султаном. К тому же враги давно не беспокоили казахов, и многих тянуло из войска по домам. Как и другим людям, захотелось им брести за мирными отарами, развлекаться песнями и скачками. Им трудно было понять, что только созданное Джаныбеком войско удерживает всех врагов от кровавой

расправы над непокорными кочевниками.

А хан Абулхаир тоже не дремал. Его люди появлялись среди недовольных, натравливали роды друг на друга, обещали поддержку в междоусобной борьбе. Джаныбек понимал, что если это будет продолжаться, то все его труды пропадут даром. Хана Абулхаира надо бить его же оружием. Аргыны и кипчаки были правой и левой рукой Абулхаира и его степной политике. Джаныбек решил сам взять в руки обе эти дубины. Церемониться здесь не приходилось. Когда не помогают уговоры, следует бить по голове!..

Пора уже было переходить к активной политике, и с этой целью хан Джаныбек переехал со своей ставкой и преданными ему аулами назад, к берегам Каракенгира. Там, посередине казахской степи, собрал он на совет ведущих биев и батыров двух самых сильных соперничающих родов: аргынов и кипчаков. Прежде всего приглашены были певцы и златоусты, и среди них Котан-жырау и маленький Казтуган-жырау — «Ростом с грача». И опять с великим нетерпением ждали все приезда вечного Асана-Кайгы — Асана-Горемыки. Уже много больше ста лет жил он на свете, и люди даже представить себе не могли, что он смертен, как и они...

* * *

Старый мудрец, прорицатель и правдолюбец слез со своего быстроногого верблюда-желмая, известного всей степи, и приложил руку к зорким молодым глазам, чтобы заслониться от закатывающегося за холмы солнца. Обычные мирные звуки раздавались в теплом воздухе: блеяли где-то неподалеку овцы, мычали проходящие мимо коровы с огромными рогами и тяжелым выменем, предком которых, как говорят, был сказочный бык Зеги-Баба. Звонко ржали длинногривые степные кони, черные верблюдицы-нары трубно зывали к своим верблюжатам, и чистый женский голос ласково звал ребенка: «Козы-жан... Козы-жан..!» — «Ягненочек ты мой... Ягненок!»

Вся необозримая пойма реки Каракенгир, заросшая сочной луговой травой и перемежающаяся камышом, дымилась. Сотни аулов расположились здесь, и скопища юрт издали казались игрушечными. А вокруг, по обе стороны от реки, медленные пыльные смерчи поднимались к спокойному небу. Это перегоняли под вечер ближе к аулам табуны и отары, и глухой шум доносился словно из-под земли. Совсем близко раздался грохот копыт. Юный джигит на аргамаче мчался с арканом в руке за необъезженной белой лошадей. Она все ускользала от него, и старый Асан-Кайгы долго следил за этой погоней...

Услышав о приезде Асана-Кайгы, хан Джаныбек вышел из своей юрты, чтобы с должным почтением встретить народного певца. Вместе с ним вышли уже приехавшие бии, аксакалы и жырау. На пороге Джаныбек невольно остановился, грозные кустистые брови его разошлись в стороны. Какое-то подобие улыбки появилось на вечно озабоченном, хмуром лице, вздох вырвался из груди...

Да и нельзя было остаться равнодушным при виде открывшейся картины. Какое-то необычное умиротворение было в ней, и сразу пропадала тревога, не такими тяжкими казались заботы.

— Вот так пройдет жизнь, и не увидишь больше этого! — тихо сказал Джаныбек.

Тем временем джигит, гонявшийся за белым конем, изловчился и забросил коню на шею курук. Белый конь рванулся и потащил юношу с его конем вдоль речного берега. Однако юноша не растерялся и, упершись ногами в стремя, стал медленно наматывать аркан на жердь курука. Белый конь постепенно затихал, пока не остановился, притянутый к самой луке седла, в котором сидел джигит.

— Вот это молодец! — сказал хан Джаныбек. — Чей он сын, этот джигит? Сегодня сам Асан-Кайгы видел его удаль!..

Один из нукеров побежал узнавать имя джигита, а Джаныбек круто повернулся и пошел к Асану-Кайгы, которого уже с двух сторон поддерживали под руки аргын Котан-жырау и кипчак Казтуган-жырау. Со всех сторон к холму, на котором стоял великий старец, сходились люди, останавливались внизу в безмолвном почтении. И эта тишина была выше самых шумных приветствий, за которыми легко скрыть истинные чувства.

А потом случилось невероятное. Хан Белой Орды Джаныбек, перед которым трепетали враги, подошел к холму и, как сын перед мудрым престарелым отцом, склонился в глубоком земном поклоне. Такого еще никогда не было в степи, чтобы хан поклонился народному певцу!..

И слова приветствия сказал он совсем не ханские:

— Здравствуйте, дед Асан!..

Все смотрели на великого певца, ожидая его ответа.

— Здоров ли ты, наш светоч?! — Мудрый провидец тоже впервые за свою долгую жизнь произнес по отношению к хану такие простые и значительные слова...

По древнему казахскому обычаю, они трижды обнялись через плечо, как люди, делающие одно и то же дело. Потом хан Джаныбек прижался грудью к Котан-жырау и маленькому Казтуган-жырау, и все направились к белой женской юрте, напоминающей высокую парусник в открытой всем ветрам казахской степи...

Войдя в юрту, уселись с правой стороны на стеганные шелковые одеяла. Асана-Кайгы усадили выше остальных и даже повыше самого хана. Каждая деталь в степном гостеприимстве имеет огромное значение, и все понимали без слов этот немой разговор. Когда прислуживающие воины, что тоже было не случайным, поднесли мягкие пуховые подушки под локти всем жырау, Асан-Кайгы, а за ним и другие певцы не стали опираться на них, оставаясь сидеть, поджав ноги по-степному, из уважения к хану Джаныбеку.

Хан Джаныбек почтительно склонил голову в их сторону, и лишь тогда они переменяли позы.

— Добро пожаловать к своим детям, великий Асан-Кайгы, — сказал Джаныбек. — Издалека ли едете?

— Для моего верблюда Аксирака недалеко, но для его престарелого хозяина не так уж и близко! — Старик улыбнулся по-молодому, и все улыбнулись вместе с ним. — А побывал я в земном раю, где деревья цветут дважды в году и зимой поют соловьи... В Алмалыке, у зеленых гор Алатау был я, там, где кочевал когда-то мой прадед Майкы-бий. Да, много благ там от Бога, — Асын-Кайгы покачал головой. — Даже роми построили там некогда церковь в подтверждение этого... Много крови прольется еще на этой земле, Джаныбек!

— Невеселы твои прорицания, жырау!

— Кто же виноват, что на всех дорогах земли поселились некогда наши предки. Но самый страшный ветер дует всегда из-за тех гор, — Асан-Кайгы кивнул на восток, в ту сторону, откуда приехал. — Оттуда придет и на этот раз главная беда на наши кочевья, и во всей степи не укрыться от нее!..

— Что же ты предлагаешь?

— Не уходить от опасности, а ждать ее в Семиречье, у самых гор Алатау, на древних наших землях. Там пусть будут наши города и кочевья, чтобы знали враги, что им всегда уготована достойная встреча. Коль закроем навсегда восточные перевалы, то и степь будет спокойней!

— А как нас встретят там?

— В Семиречье живут басымелы и уйсыны — предки подчиненных тебе родов. Еще двести лет назад построили они там свою столицу Алмалык... Объединяй казахов и борись за землю своих предков. Семиречье для нас обетованная земля. Если не тебе, то потомкам она принесет счастье...

— Допустят ли до этого серые волки из Абулхайровой Орды?

— Ничего, что сейчас они скалятся на нас. Придет время, и они окажутся в нашем положении...

— Пока наступит это время, они успеют до нашей шкуры добраться!

— Светлее, может быть, будут грядущие века, но пока еще сильный стремится перегрызть глотку слабому. Так лучше быть тебе сильным, хан Белой Орды!

— Но и волки сильны!..

— Волка не переделаешь... По дороге сюда свернул я в Яссы, чтобы прочитать молитву в мечети Ахмеда-ходжи. От того, что увидел там, облилось кровью мое сердце.

* * *

— Что же ты увидел там, жырау?

— Казахские люди пригнали в Яссы на продажу скот. Хаким велел отобрать у них скот, а самих выгнать в пески.

— Да, они каждый раз делают так.

Маленький Казтуган-жырау вскочил с места:

— А где же смогут купить тогда казахи ситец-карбас, чтобы прикрыть тело, и бязь на саван, чтобы закутать его после смерти?

Возможно, этот взрыв негодования маленького певца подействовал на хана Джаныбека. Всегда спокойный и уравновешенный, он до белизны в пальцах сжал рукоять камчи:

— Все это мы возьмем в Туркестане... Сами возьмем, если не хотят нам продавать!

Асан-Кайгы задумчиво посмотрел на Джаныбека:

— Мой светоч Джаныбек... Мудрость достойного предка твоего Урус-хана замечая в тебе. Скажу, что сомневался в осуществимости твоих замыслов. То, что ушел ты от Абулхаира, мне сразу понравилось. Но не одобрял я в душе твою откочевку в Семиречье. Только теперь понял я, как далеко ты метишь... Разумеется, нам необходимы города, которые завещал своей Орде Урус-хан. Нам не нужен бухарский виноград или ташкентский урюк, как бы вкусны они ни были. Но без собственных городов, куда бы могли мы пригонять лошадей на продажу, нам не обойтись...

— Туркестан — край моих отцов, и не хочется мне проливать братскую кровь. Но что делать, если не возвратит наши города Абулхаир? Сейчас у нас еще сил маловато. Но в следующем году, когда подойдут подкрепления, придется заговорить во весь голос!

— В каждом деле своя мудрость, — вступил в разговор Котан-жырау. — Люди, уставшие от непрерывных перекочевков, стали теперь есть вволю. А когда люди обрастают жирком, их не поднимешь и плетью.

— Когда враг наступает на горло, не до жира.

Котан-жырау в раздумье покачал головой:

— Сытый не думает о еде!..

Хан Джаныбек долго слушал разговор жырау, высказывающих свое мнение о войне и мире. Не количество копий и сабель считали они и даже не численность войска, а нечто неуловимое и тем не менее самое важное. Много раз уже приходилось видеть ему в бою, как сильный отступал перед слабым, а малочисленное войско побеждало превосходящее его в несколько раз. Это была та наука, без которой не бывает настоящего полководца, и жырау были в ней лучшими учителями.

— Благодарю вас за те мысли, которые высказали вы здесь, — сказал он, обращаясь к ним. — Они сделали меня сильнее во много раз, и я никогда не забуду ваших мудрых слов!..

* * *

Для каждого жырау поставили белую юрту, и почти вровень с ханской была юрта Асана-Кайгы. Но разве живут когда-нибудь дома народные певцы! Из юрты в юрту, из аула в аул переходили они, и день, когда посещали чей-нибудь дом, оставался навечно семейным и родовым праздником. А вскоре сюда, в аулы при ставке хана Джаныбека, приехал с берегов Едиля племянник астарханского властителя Темир-бия пятнадцатилетний Шалкииз-жырау. Да, всего пятнадцать лет было ему, но уже на всю степь прославился он своей правдивостью, находчивостью и беспощадной смелостью по отношению к сильным мира сего. Вся степь присудила ему эту вескую приставку — жырау...

Большой ханский совет, который собрал в эти дни Джаныбек, тоже проходил с участием жырау. О полном объединении казахов шла на нем речь, и решено было в урочище Каратауз-Нура собрать чрезвычайную сходку вождей и батыров всех казахских родов. Туда одинаково удобно было ехать отовсюду.

Три проблемы — джаргы предстояло обсудить на этой сходке. Первая джаргы: войти всем без исключения родам и племенам в единую Орду. Вторая джаргы: учитывая отдаленность

казахских кочевий друг от друга, образовать три племенных объединения — жуза соответственно занимаемой территории, экономической заинтересованности, родовым узлам и солидарности. Уже полтора века говорили о такой организации казахи, но вечная междоусобица не давала возможности прийти к какому-нибудь приемлемому для всех решению. Теперь наступил удобный момент. У каждого жуза предполагался свой бий или батыр со ставкой, но с подчинением главной ставке Белой Орды. Во многом такая организация напоминала полуусное деление Чингисхана или деление на вилайеты, предпринятое Тимуром, с той лишь разницей, что не для далеких завоевательских походов делалось это, а для собственного спасения...

Третья джаргы вытекала из двух предшествующих: объединенное казахское ханство должно было потребовать у Абулхаира возвращения своих городов по южной кромке степи. В случае несогласия с этим предстояла война...

Прошло лето, и, когда до назначенного дня осталось две недели, ханский аул в сопровождении многочисленных родственников, близких друзей и туленгутов откочевал к озеру Саумал-коль. До урочища Каратауз-Нура было отсюда полдня пути на рысистых конях.

Единственная дорога, поросшая жесткой колючкой и сухим тростником, ведет в урочище. По обе стороны от нее — твердая, как камень, солончакровая равнина. Все здесь казалось каким-то мрачным и таинственным. Черный столб, увешанный белыми лоскутами, человеческие черепа, прокаленные многовековым солнцем, напоминали о том, что в древние времена эти места считались священными, здесь производились жертвоприношения суровым степным богам.

* * *

Еще загодя послал хан Джаныбек специальный караван к Каратаузу. Было поставлено пятьдесят больших юрт для гостей, вырыты новые колодцы, откуда доставляли воду в кожаных мешках. Вдоль по оврагу протянули канаты, к которым привязывали жеребят. Большой косяк кобылиц пригнали для кумыса. Сам хан в сопровождении сыновей Джадика, Касыма и сына покойного хана Керей — Бурундука — приехал раньше всех, чтобы самолично встречать представителей родов и племен.

Вскоре стали стекаться к Каратаузу казахские бии, аксакалы и батыры. Только избранные люди знали о сходке. Почти все они были вождями родов и племен, а некоторые из них владели бесчисленными табунами лошадей и отарами овец. Каждого из них сопровождали отряды батыров и джигитов, туленгутские сотни. Власть над степью была у них в руках, и их слово много значило для хана Джаныбека...

* * *

Пятнадцатый век был тяжелым для казахского народа, и именно в этом веке разрозненные, противостоящие друг другу в жестокой и междоусобной борьбе казахские роды и племена поняли, что им наконец нужно объединиться, чтобы выжить. Самовластные и честолюбивы были родовые вожди.

По самой природе своей они являлись противниками единого государства. Но на этот раз общий национальный порыв был так велик, что невольно увлек их за собой. Когда они спохватились, было поздно сопротивляться ему. Да и вес хана Джаныбека был уже достаточно высок в степи.

Вот как несколько лет спустя пел возмужавший Шалкииз-жырау об этих событиях, высмеивая астарханского властителя Темир-бия:

*Я — сын Тленчи, Шалкииз,
И Темир-бий — мое солнце...
Он так могуч — Темир-бий,
Что при нем я рогами задевал тучи!
Так казалось мне, а был я просто одинокий
дятел,*

Едва не сломавший по глупости эти рога...

Да, Темир-бий, внук легендарного батыра Едиге, одного имени которого боялись люди, прекрасно понимал, что если подчинится хану Джаныбеку, то во многом лишится своей неограниченной власти. «Чем стать гусем среди гусей, лучше быть гусем среди ворон», — решил он и принялся еще больше укреплять свои связи с Казанью и Крымом. В этом же году он выдал свою пятнадцатилетнюю дочь за сына казанского хана. В будущем он предполагал наладить отношения даже с далекими турецкими султанами, которые стали часто навещаться в Крым и астарханские степи, но делал он это не из желания иметь добрососедские отношения, а чтобы получить поддержку в степной междоусобице. Так издавна поступали приграничные степные властители, надеясь оставить для себя как можно больше власти. Кстати, как только выдавался удобный момент, они тут же забывали о своих клятвенных обязательствах перед союзниками и совершали нападения на них, подобно самым лютым врагам...

«Чтобы там ни было, — думал Темир-бий, — а хан Абулхаир после откочевки казахов в Моголистан ослаб, Московская Русь не близко, с Казанью мы постараемся найти общий язык, между Едилем и Жаиком кочуют верные мне алчины и часть ногайлинцев. Так что главная опасность для меня хан Джаныбек, который в своих речах мягко стелет, да как бы не пришлось жестко спать!..»

Но и Темир-бий, как водится, не ответил полным отказом. Слишком велико было стремление всего народа к объединению, такой отказ мог бы повредить родовому вождю даже среди своих, тем более что речь шла о войне с ненавистной Абулхаировой Ордой, принесшей немало бед и алчинам.

— Это хорошо, что степь решила стать единой! — сказал Темир-бий в начале сходки. — Давно пора отобрать у Абулхаира Туркестан и лишить его зубов. Алчины, жаппасы, жагалбайлинцы и все остальные, населяющие степь между Едилем и Жаиком, готовы выделить в помощь Джаныбеку пять боевых туменов. Однако удобно ли будет нам подчиняться хану, находящемуся где-то за тридевять земель, в Сыгнаке?

Уйсунец Кара-Оспан, оказавшийся здесь старшим по возрасту, гулко расхохотался:

— Неужели ты думаешь, что конь хана Джаныбека не покроет легко то же расстояние, которое покрыл только что конь бия Темира?

Вспльчивый Темир-бий понял намек и по старинному обычаю в знак своей готовности к спору бросил перед собой на кошму двужилльную плетку с таволжьей рукоятью, обмотанной золотой проволокой:

— Не везде, куда можно доскакать на коне, все валится, как скошенная трава... И у хана Абулхаира были длинные рога, а некоторые из его батыров забрались даже за Едиль, к самой Казани. Однако что вышло из этого? Они вернулись восвояси с вытянутыми, словно жердь, шеями и привезли домой вшей величиной с воробья!..

Теперь и Кара-Оспан бросил перед собой плетку:

— А ты все надеешься на резвость своего коня. Но и не такие, как у тебя, кони были заарканены в свое время. Смотри, Темир-бий, как бы курук Джаныбека не оказался длиннее курука хана Абулхаира!

Это были отголоски старого спора. Хоть и считались алчины, жаппасы и жагалбайлинцы, кочующие в междуречье Едиля и Жаика, подданными хана Абулхаира, но на деле эти воинственные роды никогда до конца не подчинялись ему. Неоднократно посылал Абулхаир войска для их усмирения, а одним из таких походов руководил когда-то сам батыр Кара-Оспан...

В те времена был жив отец Темира — старый Тенсик-бий, который, не будучи выдающимся полководцем, обладал достаточной хитростью и находчивостью. Он-то и дал нужный совет своему сыну Темиру, начавшему к тому времени прибирать власть к своим рукам. «В открытом бою не победить тебе войско Абулхаира, — сказал он. — Сделай вид, что не имеешь против него никаких враждебных намерений и готов покориться!» Темир-бий послушался мудрого совета. Все подвластные ему аулы откочевали к Крыму, а сам он с пятью тысячами воинов и обозами остался на месте.

Когда Кара-Оспан с огромным войском вышел к Едилю, то увидел на том берегу

множество юрт и бесчисленные дымы, поднимающиеся к небу. Это могли быть только непокорные аулы алчинов, жаппасов и жагалбайлинцев, которые он прибыл усмирять. Не дав даже передохнуть уставшему от изнурительного перехода войску, Кара-Оспан в ту же ночь начал переправу на тот берег. К утру войско уже было на месте, но никаких аулов на западном берегу Едиля не оказалось. Как стало понятно Кара-Оспану, они в ту же ночь переправились на восточный берег и теперь уходили в степь, к Жаику. Разъяренный Кара-Оспан тут же велел переправиться обратно и устремился в погоню. Но слишком уж быстро уходили от него непокоренные аулы. Никак не мог догнать он их и лишь через добрую тысячу километров, в песках Нарына, понял, что гонится не за аулами, а за войском Темир-бия. На свежих конях было оно и легко уходило от погони. Приближалась зима, и возвращаться в Крым для того, чтобы наказать подлинных аулы, было уже поздно. Пришлось возвращаться ни с чем к Абулхаиру...

Этот поход и напомнил сейчас Кара-Оспану злопамятный Темир-бий, на что Кара-Оспан ответил угрозой. Действительно, курук Джаныбека мог оказаться подлиннее, чем у Абулхаира. Слишком уж большим авторитетом пользовался хан Джаныбек, и ему помогали куда охотней, чем Абулхаиру. С этим приходилось считаться.

Вечный межродовой спор разгорался, грозя перейти в открытую схватку. «Этот Темир-бий явно не хочет единения под моей булавой, — лихорадочно размышлял хан Джаныбек. — Алчины и жаппасы находятся на отшибе, и их местоположение заставляет их держаться в стороне. Но все болезни заразны, кроме перелома кости. Что, если за ними потянутся и другие?... Этого нельзя допустить!»

Он вскинул голову и в упор посмотрел на Темир-бия:

— Твой предок Едиге-батыр думал шире. А ты никак не хочешь вылезти за свои ногайлинские пределы. Да и согласятся ли во всем с тобой сами алчины и жаппасы? Пусть это покажет будущее. Но наш общий враг — Абулхаир, и с ним нужно воевать. Ведь это он зарезал своего деда Казы-бия, сына самого Едиге. Поэтому скажи прямо: выделишь двадцать тысяч воинов для этой войны?

— Да! — твердо сказал Темир-бий.

— Этого пока достаточно, а там посмотрим.

Темир-бий медленно взял с кошмы свою плеть. «Ты, Джаныбек, хочешь ханствовать над всей степью! — подумал он. — Но этому не бывать. Если тебе нужно большое ханство, то нам достаточно маленького — того, какое у нас пока есть. Впереди еще много споров и битв, хан Джаныбек!»

И вдруг все повернули головы, выпрямились.

— Тревога... Тревога!

— Враг!

* * *

Всадник на взмыленной лошади мчался с востока прямо к открытой ханской юрте, где происходила сходка. Его отчаянный крик подхватывали джигиты вокруг и передавали дальше. Казалось, вся степь кричит.

Он еле удержал разогнавшегося коня, скатился с него.

— Откуда враг? — спросил хан Джаныбек.

— Кто враг?... Кто?

Суровые бии и батыры невольно оглядывали чистый горизонт.

Гонец был совсем молодым джигитом высокого роста с едва пробивающимися усами.

— Мой повелитель-хан, враг близко! — крикнул он. — Со стороны Кок-Джингила идут они, посланные Абулхаиром. Старший сын хана Абулхаира Шах-Хайдар и Карачин-багатур над ними. Кони породы ахалтеке и теке-жаумыт — повыше наших. Смушковые шапки на головах у всадников. Вооружение — шашки и пики. Не пройдет и времени на одну дойку кобылицы, как они будут здесь!..

— Сколько их? — спросил Джаныбек как бы между прочим. Ни лицо, ни голос не изменились у него.

— Примерно тысяча клинков!

— А где же наш заградительный отряд?.. Керей и найманы охраняют с той стороны!..

— Они прошли стороной, через пустыню, оставив в стороне наших! Теперь керей и найманы у них сзади...

— А им сообщили?

— Мой напарник поскакал к ним!

* * *

О всеказахской сходке в урочище Каратауз-Нура хан Абулхаир узнал еще две недели назад через своих лазутчиков, но сделал вид, что ничего не знает об этом. Тем не менее в одну из ночей из ставки Абулхаира тайно выступило десять сотен самых отчаянных головорезов-лашкаров, набранных из туркмен-сельджуков, мангитов и барласов. Во главе с его сыном Шах-Хайдаром и Карачин-багатуром они ехали только ночью, а днем отсиживались в камышах, растущих по берегам степных оврагов. Задача им дана простая: разгромить неожиданным налетом ставку Джаныбека, а прах развеять по ветру.

Хан Джаныбек, которому уже не раз приходилось иметь дело с Абулхаиром, понимал, что тот рано или поздно узнает о сходке и не преминет воспользоваться удобным случаем. Поэтому с четырех сторон были выставлены сильные заградительные отряды. Как раз с востока, со стороны Голубого моря, охрану несли воины из родов керей и найман на боевых верблюдах породы «желмая» — «обгоняющие ветер». Однако опытные лашкары сумели небольшими группами просочиться через кордоны как раз оттуда, где их не ждали. Все же рано или поздно, но их обнаружили...

Ханские лашкары из туркмен-сельджуков были действительно грозной силой и не раз наводили ужас на регулярные части Византии. Сплошной лавой неслись они на высоких мощнотрудых и крепких конях и никогда не брали пленных. Абулхаир держал их при себе на особом положении и оставлял им все добытые в бою трофеи. Они были его опорой даже внутри собственной Орды.

Но на сходку съехались лучшие батыры всех казахских родов. Услышав о приближении ненавистных ханских лашкаров, они немедленно облачились в боевые доспехи и сели на коней. И вряд ли бы двинулись дальше лашкары, если бы видели, с кем им предстоит сразиться...

Одна фигура Кобланды-батыра с громадной палицей в руке могла внушить страх самому смелому человеку. Немногим отличался от него и один из сыновей Джаныбека — прославленный во многих схватках Камбар-батыр. Рассказывали, что он во время похода вытащил из колодца упавшего туда взрослого верблюда. Два человека легко умещались на его плечах, но в талии он был строен и тонок, словно девушка. В отличие от нескольких других своих братьев, Камбар-батыр не был честолюбив и корыстолюбив, за что раньше других получил в народе прозвище батыра. Специально для него выковали оружейники особую пику и саблю по руке.

На этот раз Камбар-батыр занял место между могучими Кобланды-батыром и Кара-Оспаном. Они составили нечто вроде клина, к которому пристроились все остальные батыры. Хан Джаныбек остался сидеть на кошме, всем своим видом показывая презрение к приближающемуся врагу. Вместе с ним осталось несколько советников и жырау.

— Коль враг сам пришел к нам, то и получит все, что ему положено! — с усмешкой произнес Джаныбек. — Разве нет у нас достойных сыновей, чтобы проучить его?.. А вы, дед Котан, пока выметут врага от нашего порога, спойте нам песнь о том, как известили о смерти предка моего Джучи. Я давно хотел услышать ее, и мне говорили, что вы хорошо помните это сказание!..

Все жырау и гости стали упрашивать Котан-жырау, словно и не касалось их предстоящее сражение. Старик взял в руки свой вечный спутник — кобыз, тихо тронул струны...

Больше всех своих детей любил Чингисхан старшего сына Джучи. Но тот стал выходить из повиновения, и «Потрясатель вселенной» послал к нему убийц в Улытау. Во время охоты спутники Джучи переломили ему хребет, и весть об этом дошла до Великой Орды.

Но все знали, что Чингисхан очень любит Джучи и поклялся переломить хребет тому, кто

сообщит ему о смерти сына. Он хотел дожить до собственной смерти, не услышав этого печального известия. Что же, так поступают все властители, не желающие слушать о неприятных вещах.

Старый певец-жирчи взялся выручить растерянных ханских чиновников и сообщить Чингисхану о смерти Джучи. Во время пира старый жирчи запел:

*Море замутилось у истоков.
Кто успокоит волны, о мой хан?
Осину сломило бурей посредине.
Кто срastит ее, о мой хан?*

И Чингисхан тоже ответил стихами:

*Коль море замутилось у истоков,
Успокоит волны мой милый сын Джучи!
Коль осину сломило посредине,
То жив ведь мой сын Джучи!*

Тогда жирчи повторил все тот же куплет о замутившемся море и сломанной осине, и слезы градом покатались из его глаз. А Чингисхан спросил:

*Почему ты плачешь, жирчи?
О чем твоя скорбь?
Неужто умер Джучи?
Сердце мое похолодело!..*

На это жирчи ответил:

*То, что не дозволено было моим устам,
Произнесли твои, мой хан!
Делай с собой все, что хочешь,
Ибо догадлив ты, мой хан!*

Говорят, как малый ребенок заплакал тогда впервые в жизни Чингисхан. Не сама смерть любимого сына, которого он же и приказал умертвить, а именно известие о ней сразило его.

*Я — старый несчастный кулан!
Потерявший жеребенка!
Я — лебедь, поющая песню
Над своим погибшим птенцом!*

Так пел Чингисхан, и — самое страшное — это были искренние слезы!

Столько безысходной горести было в песне-плаче, что все жырау, престарелые батыры и советники сами начали всхлипывать. Все забыли на время о нависшей над ними опасности. А старый Котан-жырау исполнял песню за песней, и одна из них была песней легендарного батыра Орака.

*Лишь самый выносливый верблюд
Пройдет с поклажей по горной крутизне!
И только непокорный человеческий дух
Вынесет то, что вынес Орак-батыр!*

Протяжна, заунывна, похожа на безысходный волчий вой в ночи эта песня, и дрожь пробилла всех слушателей. Далекую молодость вспомнили они, когда готовы были к любым лишениям и смерти во имя самоутверждения и славы.

*... О джигиты, лихие джигиты,
Перед вами вражья рать:
Двум смертям не бывать,
А одной не миновать!*

Голос жырау окреп, и пел он сейчас так стремительно и горячо, словно вместе с воинами скакал на врага. На всю степь разносилась песня, и сидящие на конях батыры невольно сжимали рукояти мечей и сабель...

С каменным лицом сидел хан Джаныбек. Пожалуй, никто сейчас лучше его не понимал значения предстоящего сражения. Дело было даже не в том, что самое отборное войско Абулхаира брошено против них и силы примерно равны. Главное, что впервые за два века люди готовы были броситься друг на друга не во имя древних межродовых распрей. Это была такая проверка создаваемого им государства, от которой зависело многое.

Да, если сегодня они выстоят и разгромят врага, то это будет первая общая казахская победа. В бою закаляется верность батыров, а жырау заговорят и запоют об этой битве по всей степи. Под булавой единого хана будет одержана эта победа!..

И то, что он всеказахский хан, а не простой батыр, доказывает сейчас его спокойное неучастие в битве. Ему хочется вскочить на коня и ринуться в самую гущу сражения, но тогда он будет одним из многих. Пусть потом враги припишут ему робость, он готов даже на это!..

Не каждый найдет в себе мужество сидеть на краю урочища и слушать песни жырау в то время, когда приближается смертельный враг. Так и нужно: укреплять в других веру в победу. Видя спокойного вождя, никогда не ударятся в панику воины, не будет места суете и сомнениям...

Котан-жырау уже перешел к знаменитому сказанию о Едиге. Голос его гремел совсем как в юности, и подобны заклинанию были мужественные слова.

* * *

Между тем к выстроившимся в боевой порядок батырам на холме присоединились все новые и новые джигиты из тех, кто мог носить оружие. По зову Казтуган-жырау прискакала сотня кипчаков, выделенных для охраны обоза. Во главе своих двух сотен сопровождения стал сам Темир-бий с Шалкиизом-жырау. Все сыновья Джаныбека и сыновья покойного Керей в главе с Бурундуком стали вплотную к трем ведущим батырам. Всего набралось до полутысячи войска у места сходимки. И как-то так получилось, что все распоряжения отдавал Камбар-батыр, и ни у кого, в том числе и у старших батыров, не возникло протеста...

Сначала на северо-востоке показался столб пыли. Он рос на глазах, стремительно приближаясь, и вдруг из этой пыли выехали всадники. Они казались ее порождением — в высоких бараньих шапках со свисающими на глаза космами. Красные халаты, гладкие лошадиные спины побурели от пыли. Лишь длинные острые пики сверкали в лучах солнца. Сомкнутым строем, рысью скакали они, растягиваясь на ходу и охватывая страшным полукругом ставку хана Джаныбека.

Это был излюбленный прием абулхаировских лашкаров — заарканить всем войском противника, заставить его поворачиваться в разные стороны, сталкиваться друг с другом, путаться в собственном оружии. И тогда уже нетрудно уничтожить его, не выпуская ни единой души из смертельного кольца.

Но на этот раз все произошло иначе, чем предполагал возглавляющий лашкаров Шах-Хайдар. Не успели загнуться концы подковы, как одновременно на севере и на востоке показались две конные лавы, во весь опор мчавшиеся на строй лашкаров. Опущенные копья, вертящиеся над головами палицы и воинственный клич разных казахских родов не оставляли сомнения в их намерении. Это были подоспевшие заградительные отряды, выставленные на подступах к урочищу ханом Джаныбеком. С востока двигались керей и найманы, а с севера — аргыны и кипчаки, Касым, сын Джаныбека, привел их...

Однако лашкары не собирались отступать. Они быстро втянули обратно крылья своего войска и, подъехав к ставке, где стояли главные казахские батыры, на полет стрелы, остановились, ошетинились оружием в обе стороны. Между тем оба приблизившихся отряда охватили их с двух сторон, так что теперь уже сами лашкары оказались в смертельном кругу. Правда, им еще можно было уйти, прорвав тонкое кольцо, но, судя по всему, они и не думали об этом. До сих пор они встречались обычно с разрозненными отрядами казахских джигитов и не знали поражений...

Вдруг строй лашкарцев раздвинулся, и на свободное поле между враждующими сторонами вынесся огромный черный всадник на вороном коне, который был величиной с хорошего верблюда. Все у всадника было черным: папаха, латы, шлем, длинные черные усы свисали по обе стороны лица. Это был знаменитый багатур Карачин — Черная скала. Он и вправду был похож на скалу — грозный, неприступный...

Два рода сражений было в те времена. Чаще всего сражение начинали одиночные батыры, вызывающие кого-нибудь из противного лагеря на поединок. Остальное войско обязано было не трогаться с места, ждать исход. Вечным позором покрывались нарушившие это правило.

— Эй, выходи кто-нибудь на поединок! — закричал во всю силу легких Карачин-багатур. — Кому надоел белый свет?

— Мне!

Камбар-батыр бросил вперед своего вороного, с белой звездочкой на лбу, коня.

— Стой!

Это властно крикнул Бурундук — сын Керей, и Камбар-батыр послушно остановил коня. Верхом на белом боевом верблюде восседал квадратный Бурундук, глаза его грозно горели под насупленными бровями.

— Мое право! — сказал он. — Нет такого закона, по которому младший брат идет на смерть впереди старшего...

Да, они были названными братьями, Бурундук и Камбар, и сын Керей был старше.

На ствол рослого дуба был похож султан Бурундук, чугунными казались его огромные руки. Густые черные усы в локоть длиной каждый он закручивал за уши, подражая сказочному Хезрету-Али. Один вид его внушал непреодолимый ужас.

Под стать Бурундуку был и его Белый верблюд, которого он предпочитал лошадям и приучил к поединкам и битвам. При виде всадника верблюд приходил в бешенство и хватал его зубами, срывая с седла. Бурундуку обычно приходилось только добивать врага дубиной, которая была в две косых сажени длинной и имела хороший свинцовый наконечник.

— О, Черный Буян сел на своего Белого Джинна!

— Берегись, Черная скала!

Такими возгласами подбадривали казахи своего бойца. Они знали, насколько опасен Карачин-багатур со своим прославленным приемом. Правой рукой тот обычно прикрывался от дубины противника, а левой неожиданно отсекал голову его коню. После этого ничего не стоило справиться с пешим. Пожалуй, только Камбар-батыр мог бы противостоять ему, потому что сам пользовался этим приемом...

Но Бурундук не из голого упрямства хотел помериться силами с Карачин-багатуром. Помимо законной ненависти к прислужнику хана Абулхаира были у Бурундука с главой ханских лашкаров и свои личные счета.

Дело в том, что у Карачин-багатура была сестра — красавица Тохтар-бегим. Розой среди ромашек казалась она простодушному Бурундуку, когда видел ее среди других девушек. А было это тогда, когда еще не откололись Керей и Джаныбек от Абулхайровой Орды. Но Тохтар-бегим была высокомерна, гордилась своим братом и не удостоивала вниманием многочисленных сыновей простых степных султанов.

Когда исполнилось ей четырнадцать лет, Бурундук с согласия отца прислал к ней человека с предложением стать его женой. Если бы просто отказала она, то ничего бы не произошло. Но она при этом сказала посланцу Бурундука: «Не нужна мне эта неотесанная глыба... Разве лишь в туленгуты моему дому годится такой мужлан!»

Тогда уже из оскорбленного самолюбия обратились Керей и Бурундук к самому Карачин-багатуру с требованием отдать Бурундуку в жены младшую сестру. Но тот, зная о сложившихся отношениях между аргынскими султанами и ханом Абулхайром, ответил отказом, сославшись на то, что Тохтар-бегим якобы уже обручена с сыном какого-то эмира. Вскоре, когда Джаныбек с Кереем отделились от Абулхаира, он отдал ее в жены одному из молодых батыров ханского войска. Такого оскорбления в степи не прощают из рода в род. Несколько лет мечтал Бурундук о встрече с Карачин-багатуром в поединке, и вот теперь судьба послала ему счастливый случай...

И вот Бурундук, ни слова не говоря, ринулся на Карачин-багатура. Чуть не до самой земли

пригнул шею свирепый верблюд, длинные космы шерсти стелились по ветру, пена хлопьями опала на песок. Неуклюжими, неровными казались издали его шаги, но летел он быстрее любого коня.

Тогда и Карачин-багатур тронул навстречу своего коня. Люди затаили дыхание, потому что и вправду на бой черной скалы с белым джинном походила эта схватка. Крутя над головой огромной дубиной, Карачин-багатур вдруг изумленно открыл рот. Только теперь он заметил, что у противника нет никакого оружия в руках!..

В самый последний момент замахнулся Карачин-багатур левой рукой с зажатым в ней мечом-алдаспаном, намереваясь с ходу отсечь голову верблюду. Но, не доехав нескольких шагов, Бурундук выбросил вперед правую руку, и Карачин-багатур вдруг почувствовал холод смерти на своем горле. В последний момент он попытался перерезать тонкий волосяной аркан, но было поздно. Верблюд все таким же мощным галопом уже мчался обратно, а Черная скала волочился следом, вздымая горько-соленую степную пыль к небу...

Все произошло так быстро, что никто не успел опомниться. Видели только, как стал свечой вороной конь Карачин-багатура, потому что крепкой веревкой был привязан всадник к седлу. А теперь конь волочился в пыли вместе со своим хозяином, не в силах сопротивляться верблюжьей мощи. Аркан был очень крепок и тоже привязан к луке верблюжьего седла.

— Аруах... Аруах!..

Это кричал Бурундук, призывая в свидетели своей победы души предков. И лишь потому не оторвалась голова у его врага, что аркан попал на железные заплечья шлема. Перед самым строем казахских батыров аркан все-таки лопнул, и Карачин-багатур забился на земле, хватая ее голыми волосатыми руками. Один из джигитов соскочил с коня и обрывком аркана связал руки пленнику. Освободившийся конь заржал и ускакал в открытую степь...

Потрясенные пленением Карачин-багатура, лашкары хана Абулхаира начали поворачивать коней. Первым это сделал Шах-Хайдар. Не успели казахские батыры воздать почести Бурундуку за его славную победу, как снова пыльное облако взметнулось к самому небу. Но теперь оно удалялось, скрывая за собой бегущего врага. Тонкая цепь кереев и найманов не смогла удержать его, а громадные текинские кони быстрее ветра уносили в степь ханских лашкаров. Лишь несколько батыров на длиннохвостых степных тулпарах продолжали преследование, срывая арканами с седел отставших лашкаров. И среди этих батыров был каракипчак Кобланды.

Разгоряченный погоней, Кобланды-батыр оставил далеко позади своих товарищей. Его мощный конь догнал текинских долгоногих аргамаров, а громадная палица одного за другим валила лашкаров на землю. Увидев наконец, что за ними гонится один лишь Кобланды, полсотни лашкаров неожиданно повернули коней и взяли в кольцо кипчакского батыра. Что может сделать самый лютейший волк, когда полсотни таких же волков берут его в кольцо? Да и было уже Кобланды-батыру к тому времени за шестьдесят, и хоть сила не изменяла ему, но не было уже былой изворотливости...

И все же случилось чудо, о котором пели потом жырау: верный конь вынес Кобланды-батыра, и не успели враги опомниться, как он умчался к находящимся неподалеку камышам у пересохшего степного озера.

Однако не суждено было на этот раз уйти от погони Кобланды-батыру. Уже в камышах с двух сторон настигли его арканы ханских лашкаров, поскакавших наперерез. Могучее тело батыра словно ветром сдуло с седла, а конь уже без всадника улетел в камыши. Лишь падая, услышал Кобланды-батыр чей-то громкий клич: «Акжол!.. Акжол!..» Он успел еще подумать, что в наказание за смерть Акжол-бия посылает ему небо такой позорный конец, и потерял память...

Когда Кобланды-батыр открыл глаза, то увидел склонившегося над ним молодого, рослого и стройного, как ель, джигита и невиданной красоты женщину, которую он уже видел где-то. Да и джигит был ему как будто знаком. С трудом поднявшись на ноги, он узнал обоих. Батыр Саян это был, а с ним Гульбахрам, родная дочь хана Абулхаира, которую когда-то любил батыр Кобланды, а она отвергла его...

После того как на берегу Сейхундарьи батыр Саян спас хана Абулхаира от тигра, а затем от пожелавшей крови отца дочери, он продолжал в окружении таких же обиженных судьбой джигитов заниматься разбоем. Как волки, рыскали они в междуречье Джейхуна и Сейхуна, угоняли табуны у беков Мавераннахра, грабили богатые караваны. И всегда была среди них красавица с березовым луком в руках, о которой рассказывали легенды...

Не от хорошей жизни разбойничали джигиты Саян батыра, да и многие другие в те тяжелые годы. Узнав, что предстоит объединение казахов в одно государство, Саян батыр с женой и пятилетним сыном в сопровождении сотни наиболее преданных ему аламанов направился к урочищу, надеясь, что Джаныбек еще не забыл его. В камышах у сухого озера отдыхали они, когда услышали шум погони и увидели заарканенного казахского батыра. Недолго думая Саян-батыр вскочил на коня и с боевым кличем «Акжол!.. Акжол!..» бросился ему на помощь. Решив, что подоспели основные силы Джаныбека, лашкары бросили Кобланды-батыра и поскакали вслед за своим отрядом...

Сердце защемило у Кобланды-батыра, когда узнал он Гульбахрам. Но разум взял верх над чувствами. Только что человек, чьей смерти он требовал и желал, спас его от неминуемой смерти или позорного плена, который хуже смерти для подлинного батыра. «Чувством чести отличается человек от зайца, прячущего в камышах голову», — подумал Кобланды-батыр и прямо смотрел в глаза своему бывшему врагу.

— Батыры по-настоящему дружат только после схватки друг с другом! — сказал он. — Можешь ли ты забыть все недоброе между нами, как забыл это я?

— Я ничего не помню! — ответил Саян-батыр.

Они обменялись рукопожатием и поехали во главе отряда в ханскую ставку.

В это время хан Джаныбек уже распорядился о большом праздничном тое в честь победы над войском хана Абулхаира. Итак, война началась с поражения Абулхаира, но главное — в победоносной битве участвовали, по существу, представители всех казахских родов. Возвращение Кобланды-батыра стремя в стремя с его бывшим врагом лишь усилило всеобщую радость единства.

* * *

В самый разгар тоя к закованному в цепи, подобно медведю, Карачин-багатуру пришел в черную юрту Бурундук. Он не привык ко всяким церемониям и сразу взял быка за рога.

— Слушай, Карачин, — сказал он. — Если хочешь остаться в живых и увидеть родное небо над головой, исполни лишь одно мое желание!

— Говори, Бурундук! — мрачно согласился Карачин-багатур.

— Отдай мне в жены Тохтар-бегим, твою высокомерную сестру!

— Так ведь она давно уже замужем! — крикнул пленный багатур. — У нее уже сын...

— Разведи с мужем, — холодно предложил Бурундук. — Ребенка можешь оставить мужу или воспитай сам. Мне нужна эта женщина!

— Ты поступаешь не по заветам Мухаммеда!

— Для нее я не мусульманин!

— Нет, не могу совершить я такой грех! — вскричал несчастный Карачин-багатур. — Это против нашей религии. Лучше сними с плеч мою голову, Бурундук!

— Хорошо! — сказал Бурундук, вытаскивая из ножен шашку.

— Подожди, дай подумать! — взмолился Карачин-багатур.

Бурундук приходил к нему каждый день после тоя. Он отказывался взять в жены любую из дочерей Карачина, которые были моложе и красивее Тохтар-бегим.

— Эта тварь будет у меня в постели! — твердо сказал он. — Иначе я выпью твою кровь, Карачин. Но выпью не торопясь, по ложке в день.

Поняв, что ему не вырваться иным путем из рук Бурундука, Карачин-багатур вынужден был послать к братьям гонца с приказом развести Тохтар-бегим с мужем и отдать ее Бурундуку. Куддус-батыру, мужу Тохтар-бегим, предложил Карачин взамен одну из своих дочерей и младшую сестру.

* * *

Единое казахское ханство было провозглашено на сходке. Нельзя сказать, что все родовые вожди и батыры с одинаковой охотой согласились на это. Только необходимость вынудила их к воссоединению. Особенно противились в душе самовластные вожди наподобие Темир-бия. Они считали такое объединение временным, пока не минует опасность со стороны Абулхаира. К тому же их примиряло возможное деление на три жуза, в каждом из которых можно было взять бразды правления в свои руки.

А без деления на жузы невозможно управлять столь огромным степным государством, которым должна была стать будущая Орда. В Старший жуз должны войти самые древние роды уйсунь, дулат и джалаир, чьи памятники и гробницы поныне разбросаны по всему Семиречью. Средний жуз объединял наиболее близкие по территории и бытовым особенностям роды аргын, кипчак, найман, конрад, керей, уак, таракты. А Младший жуз должен был состоять из родов алчин, байулы, алимұлы и жагалбайулы, кочующих между Жаиком и Едилем. Предполагалось, что сольются в эти жузы другие более мелкие степные роды и роды, оставшиеся с Абулхаиром в пределах Туркестана.

Долго еще продолжались в степи споры и разногласия по поводу такого деления. Аулы перекочевывали из одного жуза в другой, происходили всяческие разделения внутри родов. Только через восемьдесят лет, при внуке Джаныбека — хане Хакназаре, окончательно сгруппировались казахские жузы, каждый из которых представлял отныне полусамостоятельную орду. Пока что на этой исторической сходке великий прорицатель Асан-Кайгы дал каждому роду свой знак.

— Наш предок, великий законодатель Майхы-бий из рода древних уйсуней, еще во времена Чингисхана, когда все называли себя монголами, назвал нас казахами, — сказал он. — Наше казахское знамя поднял он над степью. Так пусть же знаком уйсуней останется это знамя!

Все одобрительно зашумели, приветствуя знак уйсуней.

— Посредине всех наших родов живут аргыны, сохранившие в нетронутom виде наши слово и мысль. Глаза — знак человеческой мудрости — были издавна их знаком. Так пусть останется он у аргынов!

Снова склонились сотни голов в утверждение этого.

— Кипчак встал первым при вражеском нашествии. Так пусть будет его родовым знаком боевая секира, воздетая над врагами!

— Слава тебе, Асан-Кайгы! — откликнулась сходка.

Сорока казахским родам были розданы родовые знаки. Мастерские-туленгуты высекли на огромной глыбе черного гранита эти знаки, и каменный столб остался стоять в древнем урочище Каратауз. Так и называют с тех пор в народе это место — Знаки Нуры.

На другой день сам Асан-Кайгы благословил ханство Джаныбека, и уже от имени всех без исключения казахских родов был омыт Джаныбек в молоке сорока белых кобылиц и поднят на белой кошме.

Вожди родов разъехались по своим кочевьям, договорившись, что весной следующего года начнут совместную войну за освобождение городов Северного Туркестана. Не слишком веселы были некоторые из них, и прежде всего Темир-бий. В течение сорока лет еще придется кусать ему губы, видя успех того дела, начало которому было положено здесь, в урочище Каратауз-Нура.

Через три дня ханская ставка перекочевала на берега Чу, и снова только ветер вздымал столбы соленой пыли над опустевшей степью...

* * *

В день прибытия султана Бурундука в зимовье на реке Талас братья Карачин-багатура привезли ему Тохтар-бегим. В тот же день Карачин-багатур получил свободу и уехал домой.

Вечером квадратный плосконосый Бурундук пришел в белую юрту, поставленную для его новой жены. Стройная, как тополя на ее родине — Мавераннахре, сидела она за шелковой

занавеской и ждала. Он стал снимать свои огромные сапоги, и по всей юрте распространился запах провонявшихся портянок. Даже не помыв после похода ноги, пришел он к ней, чтобы больше унижить...

По бледному гневному лицу женщины, полному ненависти взгляду нетрудно было догадаться, что никогда не простит она ему разлуки с мужем и маленьким сыном, оставленным в Мавераннахре.

Ни слова не говоря, Бурундук схватил своей страшной волосатой ручищей рыжую кошку, сидевшую возле серебряной вешалки. Послышался душераздирающий вопль несчастного животного. В мгновение ока султан оторвал ей голову и лапки, выбросил их через дымовое отверстие юрты наружу. Потом он спокойно посмотрел на Тохтар-бегим, и минуту назад казавшаяся недотрогой женщина, послушная, дрожащая от страха, легла туда, куда он указал мокрым от крови пальцем.

— Если понравишься мне сейчас, будешь как-нибудь жить! — сказал он.

Спустя год у нее родилась дочь, названная Жаухар-бике.

III

Следующей весной хан Джаныбек прибыл на летовку в Сары-Арку и стал ждать прихода обещанных на сходке войск. И вот тут-то впервые обнаружилась слабость нового государственного образования. Необходимых для большой войны войск не было. Достаточно сказать, что от союза племен и родов, входящих в Младший жуз, кочующих между Жаиком и Едилем, явилось немногим больше пятисот джигитов. Правда, они были из воинственного рода адай и отличались храбростью. Всей душой воины западных родов тянулись к новому ханству, но они не могли ни на день оставить беззащитными свои аулы, потому что с трех сторон точили на них зубы казанский, крымский и астарханский ханы, многочисленные ногайлинские бии. Как раз в это лето угроза стала реальной... Кипчаки, кочующие по Тургаю и Ори, тоже не порадовали достойным войском. Кобланды-батыр болел, и, по существу, некому было организовать посылку джигитов.

Казалось, что у родов, кочующих где-то у Едиля или Ори, не имелось никаких интересов в Туркестане, ради которых нужно проливать кровь своих джигитов. Да и новый хан пока еще ничем не помог им, а уже требовал участия в войне против грозного Абулхаира. Уж если воевать, то на западе, с Казанью, Ногайской Орды и Крымом, где можно захватить новые пастбища для скота и немало всякого добра. Так говорили отдельные султаны, но основная масса кочевников стремилась влиться в новое ханство, сплотиться с ним для защиты своей степи. Однако в это тяжелое лето даже из самого близкого рода аргынов и их соседей — найманов прибыло куда меньше всадников, чем ожидалось. Здесь помешала в какой-то мере и вражда между старшинами этих родов, подкрепленная недавними событиями.

Как раз накануне умер знаменитый и всеми почитаемый Аргын-бий, считавшийся главой всего рода. На похороны со всех концов степи собрались люди. Из Хорезма приехал даже эмир Султан-Хусаин, выходец из аргынов. Многочисленные подарки родичам привез эмир, а вместе с ними и предложение мира и дружбы, составленное не без участия его хозяина — хана Абулхаира.

«Зачем великим аргынам воевать и умирать ради вожделий какого-то Джаныбека? — говорил он. — Туркестан ни к чему аргынам. А если вам нужны хорошие зимовья, перекочевывайте ко мне в Хорезм и Хорасан. Бескрайни там просторы и богаты травой урочища. Зима коротка там и не бывает лютых морозов. А кроме того, все, что производите вы, легко и выгодно продавать в Иран, Ирак, Индию!..»

И вот сейчас, потеряв своего мудрого вождя, аргыны находились в нерешительности. Подавляющее большинство их никогда не покидало привычных кочевых троп, берегов Есиля и Тобола. Но слишком уж заманчивы были предложения их царствующего земляка... Да и какой народ привлекает война? Так и не нашлось среди них в это лето нового вождя, который мог собрать и повести единое аргынское ополчение к Джаныбеку.

А от найманов и кереев к этому времени трудно было требовать присылки большого войска. Они сами отбивались от очередного нападения ойротского контайчи. Кроме того, часть

их аулов находилась на территории Абулхаировой Орды, и трудно им было перечить ханским хакимам.

Не более тридцати тысяч всадников собрал в это лето хан Джаныбек. Кого испугаешь таким войском? У одного только Абулхаира было стотысячное конное войско, которое вдобавок он мог за короткий срок еще более увеличить за счет союза с Мавераннахром. А сколько войск у китайского богдыхана и подвластных ему ойротских контайчи, которые лишь ждут удобного случая, чтобы ринуться в казахскую степь? А на западе нетерпеливо ждут своего часа родственники — астарханские и ногайлинские бии, крымские Гирейи, казанский хан Ибрагим. Казахская степь велика, и каждому хочется урвать от нее кусок побольше, тем более что после откочевки Белой Орды все они перестали бояться Абулхаира. Оставалось рассчитывать лишь на собственные силы.

И все же города Северного Туркестана во что бы то ни стало нужно было отнять у Абулхаира. Без этого новое ханство не могло долго существовать. Однако, когда хочешь помериться силой со львом, следует заранее поберечь собственные ребра. А для этого есть лишь один путь, если не хватит собственных сил: найти союзников.

* * *

Да, в Средней Азии сейчас сотни всяких ханов, беков, эмиров, хакимов, султанов, каждый из которых готов впиться в глотку более удачливого собрата или примкнуть к более сильному, чтобы воспользоваться хотя бы крохами с чужого стола. Если объединить всех, кто ненавидит Абулхаира, то ему несдобровать. Но разве можно надеяться на всех этих волков и шакалов, которые, гонясь за одним оленем, кусают друг друга за бока?.. Даже волки так не делают. Только имея острые клыки, можно подчинить всех их себе. Силу уважают они!

Поэтому, коль желаешь их преданности, имей клыки. Вся степь Дешт-и-Кипчак должна не просто на словах подчиниться, а платить единую подать на содержание войска, должна выставлять по ханскому приказу точно определенное количество всадников. Ханство провозглашено, и у него, законного хана Джаныбека, есть право требовать и заставлять силой уважать свои приказы. Власть должна быть жестокой, другого пути нет!..

Это ему удалось не сразу. Прошло еще два года, пока привыкшие к древней степной воле казахские роды начали аккуратно присылать необходимые средства на содержание ставки и войска. Лишь когда по приказу хана привязали к конским хвостам и проволокли по земле несколько задержавших подать старшин, остальные задумались. А там, где легкомысленные старшины и бии подняли аулы на вооруженное сопротивление, пришлось, по испытанному дедовскому методу, сжечь аулы. Смердные трупы остались на пепелищах, и долго еще кружили вороны там, где недавно жили люди. И люди эти были казахи...

Перед самой своей смертью мудрый Котан-жырау спел:

*О, как бодр и весел на людях хан Джаныбек,
Но следы тайных слез вижу на его лице!*

Плакал или нет хан Джаныбек, железной рукой заставляя подчиниться себе все роды и племена, в конце концов не имеет большого значения. Во всяком случае, когда народный жырау пишет о его слезах, то это означает понимание и сочувствие его политике. Низкорослая, чахлая трава читир-кокпек, растущая в тени осоки, убивает животных. Чтобы обезопасить свой скот, эту траву беспощадно выпалывают, где только не встретят. В степи вырос Джаныбек и узнал эту степную мудрость. Кто знает, каким был бы он, если бы рос с других краях и в другое время!..

И вот наконец степь Дешт-и-Кипчак от Тобола и Есиля до Чу и Голубого моря и от Джунгарских ворот до Жаика фактически подчинилась ему. Только теперь это объединение можно было назвать государством. Предстояла война за города Северного Туркестана и поход за Жаик, где кочующие в междуречье Жаика и Едиля племена Младшего жуза так и не признали его власть. Как издавна принято у степных ханов, предстоящую кампанию хан Джаныбек решил обсудить в кругу самых близких людей, прежде всего братьев и сыновей.

* * *

Троюродными братьями по общему прадеду своему Урус-хану были Керей и Джаныбек. У Керей было четыре сына: Бурундук, Шайхин, Санджар-Жахан и Жахан-Бехты. У Джаныбека девять: Жиренче, Махмуд, Касым, Бусайд, Адик, Жаным, Камбар-батыр, Тыныч, Уснак и Жадик.

И все же третьего сына — Касыма хан Джаныбек предпочитал всем другим, когда требовалось посоветоваться по важным вопросам. Двадцать шесть лет исполнилось к этому времени султану Касыму. Рослый, плечистый, с большими миндалевидными глазами, в которых светился недюжинный ум, он с пятнадцати лет выходил победителем во всех состязаниях народных борцов, во многих конных состязаниях и скачках. Из таких джигитов обычно вырастают недюжинные батыры — редко судьба сводит в одном человеке такие физические данные с высокими умственными достоинствами. Но на этот раз природа не поспешила ни на то, ни на другое. Даже помимо хана Джаныбека, все братья и родственники закономерно считали именно Касыма наследником ханского престола. Другого никто не мог и предположить...

К слову сказать, и мать Касыма — Жахан-бике была самой любимой из семерых жен хана Джаныбека. Она приходилась родной сестрой вдовствующей снохе Абулхаира — красавице Аккозы, которая отвергла десятерых ханских сыновей в память о простом батыре Ораке. Из рода керей были они. И если от Жахан-бике родился любимый сын Джаныбека — Касым, то от ее сестры Аккозы родились не менее любимые внуки хана Абулхаира — Мухаммед-Шейбани и Султан-Махмуд, ставшие впоследствии среднеазиатскими владыками.

Невзирая на кровавую вражду между Абулхаиром и Джаныбеком, сестры по-прежнему дружили, обменивались подарками и приветствиями. Но, самое удивительное, вопреки принятым среди чингизидов правилам, как султан Касым, так и Мухаммед-Шейбани с Султан-Махмудом во всем были покорны воле своих матерей.

Нужно сказать, что и хан Джаныбек, совещаясь с сыном, обычно приглашал Жахан-бике. На этот раз он сам отправился в белоснежную юрту-дворец, где жила она. Весна была на исходе, ставка перекочевала в южные окраины Улытауских степей, весь мир, казалось, был в цветах. На енотовую шубу, вытащенную проветриться из душного сундука, походила степь...

Джаныбек по своей привычке постоял немного, послушал, как свищут степные соловьи, всей грудью вдохнул настоящий на травах воздух и вошел к Жахан-бике. Как всегда в ожидании его прихода, жена сидела посередине юрты и переливала из большой плоской чаши в малую душистый пенный кумыс. Когда он вошел, она встала и молча приветствовала его, склонив голову.

— Здоровья тебе, Жахан-бегим! — сказал он.

— Здоровы ли вы, мой повелитель-хан? — ответила она положенным вопросом.

Снимая свои вышитые серебром кожаные кебисы, Джаныбек искоса поглядывал на жену. Необычная для него любовь и нежность светились в его глазах. А она знала и чувствовала это. Стройная, с маленьким пунцовым ртом и огромными черными глазами, Жахан-бике казалась девушкой, хоть было ей уже сорок один. Ресницы ее были опущены, а когда она подняла голову, черные их стрелы вонзились в ханское сердце, как много-много лет назад. И каменное сердце Джаныбека забилось, затрепыхалось, как воробей в силках...

Всякий раз удивлялся этому Джаныбек, и казалось ему, словно только вчера он в свите из сорока джигитов сопровождал сына Абулхаира — Шах-Будаха в его свадебной поездке. А было это, когда Джаныбеку едва минуло двадцать лет. Ехали они к главному батыру родов керей и найман Домбалыку.

Джаныбек по праву возглавлял свадебный отряд из самых родовитых юношей Абулхаировой Орды. Они достигли Алтая, где находились в это время кочевья Домбалык-батыра. Белоснежными юртами было окружено синее, как небо, озеро Кыдырколь, и отраженное в воде увидел Джаныбек девичье лицо с черными стрелами ресниц. Впервые затрепетало тогда его сердце. А когда он несмело поднял взгляд, то увидел лишь мелькнувшие в тени деревьев черные косы, задевавшие траву...

Потом была пышная встреча жениха, и Джаныбек испугался, увидев невесту Шах-Будаха

Аккозы, ему показалось — это та, чье отражение он увидел в озере. Такие же огромные были нее глаза, такие же длинные, в руку толщиной, черные косы свисали до самой земли. И все же это была не она. Сестру невесты — Жахан-бике он увидел только вечером, когда она вместе с братьями пригнала коней-аргамаков из ночного. Дочь великого батыра не гнушалась пасти лошадей. Так воспитал всех своих дочерей Домбалык-батыр, и вряд ли во всей степи были девушки лучшего воспитания...

А на следующую ночь, пользуясь свободой древних казахских нравов, Джаныбек вместе с друзьями тоже поехал пасти лошадей. Немало девушек отправились в ночное вместе с гостями, и среди них была Жахан-бике. На всю жизнь осталась у него в сердце эта лунная ночь... Где-то неподалеку в долине пасутся и ласково всхрапывают кони. Девушки и джигиты по очереди объезжают табун, но почему-то делают это попарно. Звонкие молодые голоса исполняют в серебристой тьме песни любви и радости жизни. А у шалаша в большом котле варится для них свежее, ароматное мясо заколотого накануне жеребенка. Его специально откармливали молоком для свадьбы...

Прекрасная ночь манит. И вот уже молодой джигит берет легкую березовую дубину и скрывается в лощине, чтобы отыскать какого-то заблудшего стригунка, которого могут съесть волки. Но не о стригунке его думы, и, отойдя на несколько шагов, останавливается он затаив дыхание. Ни слова не сказал он той, на которую смотрел весь вечер, и не знает даже, как ее зовут. Но вот и она встает, делает вид, что прогуливается, и идет почему-то к ближайшей березе. Шаг вперед делает джигит, они молча берутся за руки и уходят прямо в лунный свет...

Джаныбек днем смотрел на Жахан-бике и не верил, что это к нему подошла в молочной лунной ночи такая красавица, что ее тонкие белые руки держал он в своих. Каждую ночь теперь происходило это, и не было на земле людей счастливее их.

А свадебные празднества продолжались, кокпар, конная борьба, скачки и игры — все шло своим чередом. Особое место заняли стрельбы из лука, в которых принимают участие и девушки. Серебряную бляху — джамбу срезали у невесты с родового нагрудного украшения и подвесили на расстоянии двухсот шагов и принялись поочередно пускать стрелы в эту едва видимую мишень. Но, как нарочно, никто не мог попасть. Даже Джаныбек, славившийся на всю степь своей меткостью, несколько раз не попал в нее. Может быть, у него дрожала рука, потому что с самого утра не видал он Жахан-бике. И вдруг, в очередной раз приложившись к луку, услышал он ее имя.

— Жахан-бике...

— Жахан идет!

Он отпустил тетиву, и общий смех раздался вокруг. Стрела даже не долетела до дуба. И тогда подъехала на белом коне неизвестно откуда взявшаяся Жахан-бике. Он едва узнал ее, Совсем по-другому выглядела Жахан-бике. Ночью она была словно соткана из лунного света и казалась прозрачной. Тут же он увидел рослую, крепкую девушку-охотника — точно такую, как рисовали на стенах пещер его предки-саки.

— Уступите место Жахан-бике!

— Стреляй, Жахан, как всегда!

— Она и не целясь попадет в жаворонка!

Жахан-бике взяла у Джаныбека лук, слегка коснувшись пальцами его ладони. Да, почти не целясь, выпустила она стрелу из его лука, и пластинка с серебряным звоном ударилась о жесткую кору дерева и покатила, отражая солнце...

А люди уже бежали к ней со всех сторон, воздевая руки.

— Тысячу лет живи, славный лучник Жахан!

— Это орлица!

— Славна казашка, родившая тебя!

— Честь нашу отстояла ты перед всей степью!

Люди сняли девушку с коня и, словно статую предка, понесли в круг гостей. Косы Жахан волочились по земле, а ресницы опустились, как тогда, у синего озера, еще раз пронзив сердце молодого султана Джаныбека.

А на следующий день он увидел, как объезжала она дикого коня. На громадного косматого зверя был похож конь, и кровавый огонь горел в его глазах. Но только девушка притянула его куруком и вскочила ему на спину, как конь успокоился и лишь косил глазом в сторону непонятого седока...

Они так и не сказали друг другу ни единого слова. Но по возвращении в Улытау Джаныбек послал к ней сватов и вскоре ввел ее в белую юрту в качестве третьей жены. Четырнадцать лет было ей тогда. Он по-хозяйски, как привык уже это делать с другими женами, намотал ее чудесные косы себе на руку и ласково коснулся ее тела. Она сидела, словно каменная.

— Я женился на тебе, потому что люблю тебя! — сказал он ей, и это было правдой.

Она покосилась на него и повела плечом:

— Почему же вы ни разу не говорили со мной об этом?.. Может быть, есть у меня свой Меджнун, как был когда-то у прекрасной Лейли!..

Кровь ударила ему в голову, и он закричал в гневе:

— Вот сейчас мы и проверим!

И вдруг он опустил руки. В полутьме юрты увидел, что она улыбается.

— Пища, которую лакала собака, делается несъедобной?!

С жесткой насмешкой сказала она ему слова пословицы, которую он чуть было не сказал ей сам. Принято было в степи возвращать с позором родителям порченную невесту. Но он уже знал, что так это или не так, а все равно он любит ее и не променяет на сто тысяч девственниц.

— Ну а если я чиста, как молоко моей матери... Если так, то выполните мое единственное желание?

— Выполню!

Он не сказал это, а выдохнул. Она посмотрела ему в глаза:

— Когда родится у меня сын, возьми в атеке ему джигита из нашего аула по имени Хасен!..

Но он уже не слушал ее. Как два черных озера были ее глаза, тоньше тростника стан, белее лебединых крыльев руки...

* * *

Первым, кого увидел хан Джаныбек, войдя в гигантскую спаренную юрту своей жены Жахан-бике, был постаревший уже джигит Хасен — атеке его сына Касыма. Хан вспомнил свои сомнения в отношении этого человека в первые дни своего супружества и внутренне усмехнулся. Он тогда не сразу понял, в чем дело. Уходя в чужой род, казахская девушка хочет видеть возле себя друга детства — одноплемянника, готового на все для нее. У каждой красивой девушки есть такой верный воздыхатель, который настолько беззаветно любит ее, что с радостью воспитывает ее детей от другого мужчины. Он приносит в жертву ей всю свою жизнь, довольствуясь тем, что каждый день видит ее. Нет на земле более преданного человека, и все относящееся к ней для него священо.

Так всегда было в степи, и девушки принимали эту великую жертву как должное.

Джаныбек прошел на свое место и улегся на бок, подмяв прохладные пуховые подушки, покрытые плюшем. Спиной он оперся на сложенные горкой шелковые стеганые одеяла. Жахан-бике принесла ему кумыс в плоской чаше, налила из нее большую серебряную пиалу и села пониже мужа. Медленными плавными движениями оживляла она напиток, источавший аромат полыни и степных цветов. Бегали по стенам юрты солнечные блики от серебряного половника.

— Как вы спали, мой повелитель-хан?

Снова стрелы впились в его сердце. Нескрываемая ирония была в голосе Жахан-бике. Она-то уж, несомненно, знала, что ночь он провел в юрте красавицы Жанбике из семьи Акжол-бия. По мрачному виду атеке Хасена Джаныбек, едва войдя в юрту, понял, что здесь все известно. Честный Хасен отвернулся от него, потому что ревновал вместе со своей госпожой...

А хан Джаныбек действительно был виноват перед Жахан-бике. В прошлом году он взял

себе седьмую жену — пятнадцатилетнюю Жанбике и, как водится, начал пропускать негласно установленные дни посещений других жен — всех, кроме Жахан-бике. Вчера впервые в положенный для Жахан-бике день он не пришел к ней...

— Говорят, Жанбике-токал хорошо стелет постель, — тихо сказала Жахан, продолжая переливать кумыс. — У нее перины мягче, чем у нас, бедных. Ничего не поделаешь!..

И она притворно вздохнула. Вслед за ней вздохнул и Джаныбек. Он подумал, что все же куда легче сплотить в единое ханство двадцать восемь беспокойных казахских родов, чем образовать дружную семью из семерых жен. Скандал, который могла в любой, самый неудобный момент поднять одна из них, равнялся скандалу в целом жузе. Только одна его жена, никогда не участвовала в семейных склоках, и это была Жахан. Неужели и ее не миновала эта болезнь?..

Хан Джаныбек завозился на подушках и попытался перевести разговор в другое русло.

— Вели-ка позвать Касыма! — сказал он.

Жахан лукаво улыбнулась, посмотрела ему в глаза:

— Вместе с нашим Хасеном?

Она так произнесла это слово «нашим», что хан чуть было не подскочил на своем мягком ложе. Ему показалось на миг, что обнаженное сердце его царапнула кошка.

— Да... да, вели его тоже позвать... Но ведь он только что был здесь...

— Неужели ты заметил его, мой повелитель-хан?

От такой наглости Джаныбек даже открыл рот.

— Он же только сейчас был здесь! — повысил он голос.

— А я что-то не заметила!

С притворным равнодушием сказала это Жахан-бике и пошла к двери своей особенной походкой. Ни у одной из женщин не видел Джаныбек такой походки. И глаза ее были что-то больно веселые.

— Абен... Абе-ен! — позвала она нукера-туленгута. — Абен... Пусть позовут султана Касыма. Высокий хан хочет видеть его... И моего Хасена не забудь позвать, Абен!

«Опять „моего“ Хасена!» — отметил про себя хан и нахмурился пуще прежнего. Но, когда она вернулась — светлая, сияющая, он невольно протянул ей пиалу:

— Твой кумыс сладок, Жахан... Налей-ка еще!

Она взяла пиалу, чуть-чуть коснувшись пальцами его ладони, и дрожь прошла по телу Джаныбека, как когда-то в ночном. Все подозрения пошли прахом...

Жахан слегка оттолкнула Джаныбека, деловито вяза прокопченный кожаный бурдюк, полный свежего кумыса.

— Этот бурдюк мне наши керей закоптили и подарили... Специально для тебя!..

Джаныбек счастливо заулыбался:

— Только ты знаешь, что мне нужно!

Пришел султан Касым. Поприветствовав, как положено, отца-хана, он скромно уселся по правую руку от Джаныбека. Покосившись на сына, хан посмотрел на жену. «Точь-в-точь мать!» — подумал он. — Зато нос и подбородок наши, аргынские. И усы мои!"

— А где же этот растеряха Хасен? — уже с досадой спросила Жахан-бике. — Ему же велено было с тобой прийти!..

Джаныбек не выдержал и рассмеялся.

* * *

Молча, втроем, пили они кумыс, и Касым с удивлением поглядывал на отца. Он знал, что просто так не станет приглашать его хан.

— Да, я не просто так позвал тебя, султан Касым! — сказал Джаныбек, отвечая на его мысли.

— Какое же дело предстоит мне, мой повелитель-хан? — с готовностью откликнулся Касым.

— До дел еще не дошло время. — Джаныбек помолчал. — И все же юрту ставят загодя, а не во время бури, когда ветер рвет из рук кошму... Мне нужно посоветоваться с тобой, султан!

— Ваша правда, мой повелитель-хан. Намокшую кошму уже не натянешь на юрту!

— Так слушай, мой сын, и помни, что тебе продолжать начатое мной... по-видимому, ты и сам уже знаешь, что надвигается решительная схватка. Абулхаир не дремлет. Что ни день захватывают его лазутчиков в наших аулах. Значит, есть люди, к которым приезжают они... Да, не все у нас довольны моим правлением. Но хотят эти люди или нет, а воевать придется. Не так уж мы слабы сейчас, чтобы не постоять за себя против Абулхаира. Он нас боится больше, чем мы его!..

— Со дня отделения мы все готовимся к войне с ним, отец. Так что это не будет неожиданностью для людей. Лучшие из джигитов давно уже готовы и ждут только вашего слова!..

— Да, с Абулхаиром все ясно... Но разве только оттуда грозят нам враги? У такого большого государства, как наше, враги со всех сторон. Разве Казань, Астархань, Крым, ногайлинские бии не готовы что ни день ворваться в нашу степь? А с востока разве не шипит черная богдыханская гидра? Ойротский контайчи лишь ее язычок. А она выжидает удобного момента, чтобы разинуть свою смрадную пасть... Словно далекие волны грохочут в мире, готовясь потопом хлынуть в нашу степь. Мы не будем выжидать и ударим туда, откуда прежде всего следует ждать нападения!..

— Ты хочешь спросить меня, отец, нужно ли первым выпустить стрелу в волка?

— Да, об этом я и хотел посоветоваться с тобой.

— Мне думается, что с волком и говорить следует по-волчьи. Вряд ли он понимает другой язык. Да и мы ведь не жалкие сайгаки. Но не мешало бы тебе, помимо меня, поговорить с Камбаром, с Бурундуком. Каждый какие-то вещи знает лучше другого. А начиная такую войну, следует все предусмотреть. Ведь с умом можно победить не только волка, но и яростного льва!..

— Я поговорю и с Бурундуком, и с Камбаром, и с прочими родственниками, биями и батырами. Но что бы ты предпринял сейчас, будучи ханом Белой Орды?

— Первый наш враг сегодня — Абулхаир. Он уже не раз добирался до нас со своей конницей, а сейчас собирает армию вокруг Сыгнака. Мышь, рожденная в мельнице, не боится грохота. Так и ему кажется беззащитной наша степь...

— Но хан Абулхаир не скрывает, что войска его готовятся к походу на Моголистан...

— И Моголистан ему нужен, и Дешт-и-Кипчак. Если и пойдет он туда, то только с целью отрезать нас от зимовий и разъединить с казахами Семиречья и Восточного Туркестана. Мы должны действовать. Пока он собирает свое войско, нам нужно неожиданно захватить Сыгнак, Сайрам, Яссы, Сузак и Отрар. Пусть тогда попробует, имея нас на своей шее, пройти хоть в Моголистан, хоть в Дешт-и-Кипчак!..

Глаза горели у султана Касыма, но голос и лицо оставались бесстрастными. Джаныбек невольно залюбовался сыном.

— Значит, мысли наши сошлись! — сказал он.

— Мы лишь отберем то, что принадлежит нам по праву! — Касым твердо положил руку на колено. — Кто живет хуже наших братьев в этих городах и вокруг них? На своей земле являются они рабами. А разве не долг наш перед Моголистаном, пригrevшим нас в трудный час, помочь ему теперь в борьбе с кровавым Абулхаиром? Ведь его месть обрушится прежде всего на проживающих там казахов!..

Жахан-бике переводила все время взгляд с отца на сына, и печаль была на ее лице.

— Неужели нельзя избежать этой войны? — тихо спросила она.

— Нельзя!

Это ответил за себя и за отца султан Касым.

— Но разве возможно справиться со всей Абулхаировой Ордой!

— Что же, сто с лишним лет уже этой войне. Хромой Тимур начал ее против нас когда-то из Мавераннахра. Теперь Абулхаир занял его место. Нам ничего не остается делать, как воевать!

— Стало быть, опять польется кровь?

— Бескровных войн не бывает, мама...

— И может так случиться, что сын моей любимой сестры Аккозы встретится на поле боя с

тобой, мой сын?

— Да, так может случиться!

Жахан-бике нахмурила брови, сделала гневный жест рукой:

— Не бывать этому!

Отец с сыном растерянно переглянулись, не зная, что сказать.

— Но... война, мама, — прошептал Касым. — Если не я его, тогда он убьет меня!..

Но Жахан-бике уже не слушала его.

— Ни за что! — Она снова взмахнула рукой, словно отменяя все возражения. — Мы с Аккозы дети одного отца и одной матери. Нельзя, чтобы вы убивали друг друга. Ничто не оправдывает вас!..

— И все же я иду на эту войну! — горячо заговорил Касым. — Ради нашего народа, ради будущего обнажаем мечи. Добровольно отказываюсь я от жизни, если предстоит мне рабство. А Абулхаир несет нам рабство. Мы будем стерты с лица земли, если уступим сейчас победу его Орде. Как же могу я пощадить кого бы то ни было из врагов!

— И все же разве только война разрешает споры между народами?.. У нас говорят, что «теплым словом даже змею можно вызвать из норы». Не верю я, что нельзя найти общий язык с детьми моей дорогой сестры Аккозы!..

Молча слушавший этот разговор хан Джаныбек резко поднял голову:

— С детьми — не знаю... Но найти общий язык с Абулхаиром — это значит дать ему выпить всю свою кровь до капли!

— Но Мухаммед-Шейбани или Султан-Махмуд не станут пить кровь нашего Касымжана! — твердо сказала Жахан-бике. — Они дали в этом клятву своей матери, когда лежала она на смертном одре!..

Хан Джаныбек с удивлением посмотрел на нее. Он впервые слышал об этой клятве.

* * *

В прошлом году, в начале осени, после празднества, устроенного купцом аль-Тарази, Аккозы приехала в Яссы, чтобы в мечети заказать специальную молитву и принести положенные жертвы во спасение своих двух сыновей от дурного глаза и болезней. В виде подаяний ханум раздала муллам, мюридам и убогим десять кип шелка и бархата, две арбы урюка и изюма, принесла в качестве жертвы сорок баранов, пять упитанных нежеребых кобыл и только после этого возвратилась в свой шатер. Войдя туда, она свалилась без чувств и больше не могла подняться...

Приглашены были различные знахари и волхвы. Они спорили, пререкались друг с другом, но так и не смогли определить род болезни, постигшей ханум в святом городе.

Когда Жахан-бике, извещенная отцом, приехала в Яссы, Аккозы была уже при смерти. В иссохший скелет превратилась одна из первых красавиц Абулхаировой Орды в течение одной недели. Жахан-бике, увидев сестру в таком состоянии, бросилась к ней и не могла сдержать рыданий. Аккозы едва слышно прошептала:

— О сестра... Мне не хочется предстать на том свете с грузом грехов!..

— Что же ты хочешь? — тихо спросила Жахан-бике.

— Я знаю некоторые тайны и хочу поведать их тебе, но только наедине. Не сможешь ли беречь их как собственную душу?..

— Зачем ты говоришь так, Аккозы?.. Разве твоя тайна не моя тайна? Разве не примчалась я к тебе по первому твоему зову?

Аккозы сжала ей руку и попросила выйти всех посторонних.

— Говори, мы одни! — сказала Жахан-бике.

— В моей смерти никто не виновен, кроме меня самой!.. Она говорила через силу. — Наверно, и до вас докатились сплетни, распространяемые обо мне. Ты знаешь, какую клятву дала я на хлебе и Коране после вести о смерти батыра Орака. И вот Орак оказался жив, а любовь оказалась сильнее его нынешнего уродства и сильнее шарията. Я дважды встречалась с моим несчастным батыром. Не могла я запятнать честь моих сыновей и выпила зелье, приготовленное одним знахарем... Вот и все!..

Тут же по просьбе умирающей приглашены были ее сыновья Мухаммед-Шейбани и Султан-Махмуд. Они искренне любили мать и сидели притихшие, испуганные.

* * *

— Дети мои! — сказала она, взяв их за руки. — Я покидаю вас... А перед уходом хочу просить исполнить одно мое желание...

Жестокосердый и решительный Мухаммед-Шейбани вдруг заплакал, за ним заревел и юный Султан-Махмуд. Мать гладила их по голове слабеющей рукой, пока они не притихли.

— Выслушайте мою просьбу!.. — У Аккозы словно вдруг прибавилось сил, и она приподнялась на локте. — Вот моя дорогая сестра Жахан. Когда-то вместе с нею нас привезли из далекого Тарбагатая на чужбину. Может быть, потому, что были мы здесь совсем одни среди чужих людей, но мы всегда оставались родными друг другу. Сколько бы ни враждовали наши мужья и наши отцы, ничего, кроме глубокого родственного чувства, не питали мы одна к другой. И теперь, я требую от вас никогда... вы слышите... никогда не поднимать мечь на ее сыновей, и прежде всего на султана Касыма, который рано или поздно станет казахским ханом!..

Братья сидели ошеломленные и не знали, что им говорить.

— Да, она возьмет ту же клятву с Касыма, и горе будет тому из вас, кто нарушит ее!.. — Аккозы показала пальцем на небо. — Материнское проклятие оттуда равноценно божьему проклятию!.. О, я знаю, что в вас течет ханская кровь и жестокость к людям гнездится в ваших сердцах. Здесь уж я бессильна что-либо изменить. От прадедов на вас это проклятие. Но не смейте поднимать руку на брата своего Касыма, если не хотите совершить смертный грех. Дайте клятву мне в этом на Коране!..

Она вынула из-за занавески Коран и пшеничную лепешку, подала сыновьям. Они поцеловали хлеб и книгу, принялись вслед за матерью читать молитву...

В тот же день Аккозы отошла в иной мир. Все вокруг плакали, потому что искренне любили ее. Даже Абулхаир не мог отказать ей в высоком благородстве.

Оба юноши — Мухаммед-Шейбани и Султан-Махмуд — проводили тетку Жахан далеко в степь и при расставании молча склонились перед ней, словно подтверждая свою клятву матери. У Жахан-бике осталось теплое чувство к ним, на них перенесла она любовь к сестре.

* * *

Об этой клятве рассказала она сейчас мужу и сыну.

— Ладно, раз дана клятва, пусть будет так! — жестко сказал хан Джаныбек. — Мы не из тех, кто нарушает данное слово. Пускай дружат хоть всю жизнь Мухаммед-Шейбани и наш Касым. Рано или поздно, но именно Мухаммед-Шейбани займет трон Абулхаира, а Касым — мой наследник. Был бы неплох в будущем союз между ними. Однако будет ли так?..

Человек на ханском троне чувствует себя словно верхом на огнедышащей гидре. Чтобы она не проглотила его самого, он должен порой кормить ее мясом отца или единственного сына. Во все времена только так расплачивались люди за власть над другими людьми. И боюсь, что придется нашему Касыму отбиваться от того же Мухаммеда-Шейбани, несмотря ни на какие клятвы. Знаю я эту Абулхаирову породу!..

— Нет, он дал клятву матери и никогда не выступит первым против Касыма! — стояла на своем Жахан-бике.

— Давая тогда клятву, твои милые племянники еще не знали, для чего вообще служат всякие клятвы у ханов! — Джаныбек криво усмехнулся. — Язык у хана лишь для того, чтобы умело скрывать мысли. Допустим, что Мухаммед-Шейбани и Султан-Махмуд действительно не станут трогать Касыма. А как быть, если один из них друг пронзит своим копьём Адика или Камбар-батыра, которые не являются твоими сыновьями, но тем не менее приходятся Касыму братьями?..

Жахан-бике была в растерянности. А что, если случится так, как говорит Джаныбек, и она потеряет из-за этой клятвы своего Касыма? Кто знает, какими сделаются в будущем эти

Абулхаировы внуки, которых родила ее сестра? И вправе ли Касым не мстить за братьев?..

Она резко вскинула голову:

— Что же, в таком случае... — Твердость появилась в ее голосе. — В таком случае — кровь за кровь! Султан Касым обязан отомстить за смерть братьев, не дай Бог всем нам дожить до этого! Он убьет самого Абулхаира, срубит головы многочисленным его сыновьям. Но повторяю: пусть никогда мечи моего сына и сыновей моей сестры Аккозы не коснутся друг друга. Это может произойти лишь в том случае, если они нападут на него первым. Требую, чтобы он поклялся мне в этом. И если он не исполнит клятвы, я до конца своих дней буду брызгать в небо своим материнским молоком в знак проклятия!

Будто острый кинжал вонзился в сердце султана Касыма от этих слов. Он вскочил, встал перед матерью на одно колено, вынул из ножен меч, приложился к нему лбом и поцеловал острие.

— Клянусь тебе, мать! — закричал он. — Клянусь тебе, мой меч, не вынимать тебя первым из ножен против братьев моих Мухаммеда-Шейбани и Султан-Махмуда! А если нарушу эту клятву, то пусть ослепну от молока собственной матери!..

Жахан-бике взяла меч из его рук и тоже поцеловала острие, скрепляя клятву сына.

— О сыновний меч, коль овладеет тобой жажда братской крови, то вонзись в мое сердце, минуя Мухаммеда-Шейбани и Султан-Махмуда! — тихо сказала она. — Но если они нарушат клятву, то и тогда не жалей меня, ибо ничего нет радостнее для матери, чем умереть вместо сына!..

Хан Джаныбек молча слушал и размышлял. Он и раньше знал, что Касым страстно любит свою мать, но только теперь ему открылась вся глубина этой любви и сыновнего уважения.

И Жахан-бике со своей женской слабостью может выдержать любые испытания, если дело коснется чести и достоинства. Он пожалел сейчас, что решился испытывать ее чувства и даже позволил себе посмеиваться над ними.

* * *

На другой день Джаныбек собрал ханский совет. Два дня длился он, выступили все батыры, бии, родовые вожди, находящиеся при его ставке. Потом он принял окончательное решение.

Назначен был срок наступления на Северный Туркестан. Войско разделилось на две части. Одна под началом хана Джаныбека и его сыновей пойдет на Созак. Другой будут командовать батыры, а возглавит их султан Бурундук. Эта часть войска должна идти на Сыгнак.

Все войско перед тем, как разделиться должно было собраться в низовьях Сейхундарьи. А пока что к хакимам и бекам городов Северного Туркестана были направлены секретные письма. Они писались по-разному, в зависимости от того, какой ориентации придерживался тот или иной владетель. Но смысл их был один и тот же: «Мы сейчас сильнее Абулхаира и ближе к вам, чем он. Война нам ни к чему, но мы полны решимости возратить наши города. Ничто не угрожает вам с нашим приходом, кроме собственного неблагоразумия...»

По-разному отнеслись к этим письмам беки и хакимы Абулхаира. Так, владетели Созака и Сыгнака дали издевательские ответы, уверенные в своей силе и мощи Абулхаира: «Если приславший эти письма действительно не боится великого Абулхаира, хана над всеми земными ханами, то пусть и сразится с ним. Коль победит, то мы с радостью поднесем ему ключи от нашего города...»

Такой дерзкий ответ лишь ускорил события.. Не дожидаясь срока, Джаныбек с Бурундуком оставили свои аулы и прибыли в Кара-Озек...

Вскоре здесь уже стояло около ста тысяч джигитов, и Джаныбек дал знак к выступлению. Словно два страшных вала потянулись к зеленым долинам Северного Туркестана. Сначала они двигались почти рядом, но в урочище Шиели разошлись, как расходится волчья стая для захвата. Бурундук направился к Сыгнаку, а сыновья Джаныбека, Жиренче и Махмуд, — на Созак. Сам хан Джаныбек вместе со своими сыновьями Касымом и Камбар-батыром остались в урочище Шиели, на берегу Сейхундарьи. Так испокон веков поступали степные полководцы

при нападении на разбросанные в оазисах города...

Как кобры, вставшие на хвосты, зашипели правители Созака и Сыгнака, увидев подходящее казахское войско. Немедленно были затворены все ворота, а население поголовно призвано к защите городских стен. И вот тут-то проявилась вся слабость Абулхаировой Орды. Не говоря уже о тех, кто в душе сочувствовал Джаныбеку (а таких было большинство, особенно из угнетенных беками и хакимами дехкан и мелких ремесленников), даже тяготеющие к Мавераннахру торговые аксакалы немедленно заговорили о сдаче. «Какое нам-то дело, — шептали они друг другу по чайханам и притворам. — Пусть придет Джаныбек. А победит его потом Абулхаир, мы тоже в стороне останемся. Зато уж если степняки ворвутся — никому несдобровать!»

Почти все эти аксакалы, бии, купцы, содержатели караван-сараев были из степных родов. Среди подошедшего войска хана Джаныбека почти у всех были родственники в этих городах, и это древнее азиатское родство всегда спасало их от полного уничтожения.

Поняв, какие настроения царят среди его поданных, правитель Сыгнака решил унести ноги, пока цел. Со всеми своими чадами и домочадцами, большую часть которых составлял гарем, он бежал в Самарканд. Следом за ним потянулись многочисленные чиновники, сборщики податей и все, кому грозили серьезные неприятности прежде всего от самого населения. Султан Бурундук вступил в Сыгнак, не выпустив ни одной стрелы...

По-иному поступил правитель Созака Бахтияр-султан. Это был энергичный военачальник, державший в ежовых рукавицах свой край. Когда прибывшие в город купцы привезли предложение о добровольной сдаче, он приказал схватить их и заточить в зиндан.

Сам город Созак был расположен в голой степи, не имел естественных прикрытий, а до верха его крепостной стены легко мог достать сидящий на верблюде человек. Поэтому Бахтияр-султан собрал тридцать тысяч лашкаров и решил сражаться с подошедшим войском казахов в открытой степи.

Это и погубило его, ибо думал Бахтияр-султан, по старой памяти, что к городу подошла обычная кочевая масса, слабо знакомая с военным делом. Он не знал того, что по велению Джаныбека специально разосланные им люди уже два года занимались военной подготовкой джигитов разных родов. Превратить прирожденных воинов и наездников в первоклассное войско было нетрудно...

Не дав даже развернуться громоздкому, плохо управляемому войску лашкаров, казахские конные тысячи лавой ударили по передовой линии Бахтияр-султана.

Больше всего испугало опытного Бахтияр-султана ожесточение, с каким бросились в бой казахи. Да, это были уже не те мирные пастухи, которые прежде молча и покорно уступали силе. Теперь они сами представляли собою грозную силу, которой все нипочем. В таком состоянии народ добивается всего и ничего не щадит на своем пути, даже собственных детей.

Бахтияр-султан немедленно запросил мира.

* * *

Сразу после взятия этих городов Джаныбек направил своих людей к правителям Отрара, Яссы, Саурана и Узкента. Всем им предлагалось сдаться без боя и признать его верховное правление.

* * *

Это произошло в 874 году, в год мыши, по казахскому летоисчислению, в 1468 году нашей эры. Хан Джаныбек опередил хана Абулхаира, который в этом же году во главе стотысячного войска в осуществление своей извечной мечты двинулся на завоевание Моголистана. Все планы Абулхаира были нарушены, потому что конница Джаныбека теперь действительно висела у него на шее...

И все же стотысячное регулярное войско Абулхаира было неизмеримо сильнее казахского ополчения, вооруженного, по существу, лишь дедовскими мечами, пиками и дубинами. В хорасанскую сталь были закованы лашкары Абулхаира, исфаганские клинки их легко

перерубали вражеские кольчуги из мягкого кустарного железа, а военачальники владели всеми тонкостями тогдашнего военного искусства.

Гулко забилося сердце у Джаныбека, когда он услышал о выступлении Абулхаировой Орды. Ему послышался мерный топот стотысячной конницы. Он хорошо знал этот топот, потому что сам когда-то был одним из военачальников Абулхаира. Знал он также и полководческий ум и коварство своего противника. Разрозненный, раздираемый противоречиями Моголистан вряд ли сумеет долго сопротивляться Синей Орде. Вся надежда была лишь на себя.

Едва заняв города Северного Туркестана, хан Джаныбек собрал всех знаменитых кузнецов и оружейников Сыгнака, Созака и пригородов. Он приказал им вздуть горны, день и ночь ковать оружие из захваченного на складах булата. Зарево стояло ночами над Северным Туркестаном. И вдруг пришла новая весть, которой поначалу даже трудно было поверить. Все изменилось...

Гонец в черном прискакал к ханской ставке, еще издали крича о горе и смерти. Страшным врагом был хан Абулхаир, но весть о его смерти должна быть передана подобающим образом. И гонец слетел с коня, встал на колени, подставил хану Джаныбеку шею с висящим на ней в знак печали поясом...

Джаныбек долго молча смотрел на гонца. Как живой стоял перед ним хан Абулхаир, и было у него не одно лицо, а тысяча лиц. Но никогда не забыть Джаныбеку, как обернулся он когда-то на охоте и увидел Абулхаира, нерешительно поднимавшего свою дубину над самым его затылком. Почему-то так и не ударил его тогда хан Абулхаир, хоть был самый удобный для этого случай...

* * *

В течение сорока лет этот человек заставлял трепетать всю степь Дешт-и-Кипчак, Мавераннахр, Ирак, Иран. Сколько горя принес он земле, которая вспоила и вскормила его! И вдруг его не стало. Ни золотой трон, ни слава, ни богатство не смогли хотя бы на один день продлить его жизнь. Даже волшебный напиток, изготовленный в сопровождении тайных заклинаний из шипов пустынной травы эбелек, не спас его от смерти...

Хан Абулхаир усоп в безжизненной пустыне на полпути между Джейхуном и Сейхуном. Военачальники его Бахтияр-багатур и Карачин-багатур, чтобы тело хана не дало запаха в такую жару, положили его в огромный продолговатый деревянный чан, наполненный медом, и повезли в Созак, занятый сейчас казаками. Перед смертью отступает все — вражда, зависть и прочие страсти брэнного мира. В мраморном саркофаге со всеми почестями похоронили хана Абулхаира у стен Созака.

«Умер Мамай, и пропало твое былое величие», как говорится в народе... Джаныбек лежал в своей юрте, близкий к цели, заключавшейся в возвращении городского пояса своему ханству, и думал, что все в мире преходяще: победы и поражения. Подобны золотым перстням власть и слава. При жизни мы носим эти перстни, стараясь удивить и затмить окружающих. Но кто после смерти отца или деда хранит эти перстни? Разве что они действительно были отлиты из чистого золота и украшены редким камнем. Только тогда они не идут на переплавку. Слава человека во всем подобна такому перстню. Потомки будут ценить ее лишь в том случае, если она способна служить их интересам...

Многие ли помнят, где похоронен Урус-хан, основатель государства? С чего же начинается народ, как не с умения разбираться в своем прошлом и уважать его?

Но зачем думать о будущем, о памяти, которую оставишь ты в веках? Нужно делать свое дело, и если оно действительно имеет смысл, то не грозит ему забвение. Он, Джаныбек, ставит юрту казахского ханства на пепелище, оставшемся после предка его Урус-хана, а дело потомков — одобрить или предать забвению его деяния. Одно он твердо знает, что никогда не пройдет путь Абулхаира и не отвернется от вскормившей его степи!..

Придя к такому выводу, хан Джаныбек встал и вышел из юрты. Жизнь шла своим чередом, и нужно было продолжать свое дело...

Пришел ответ от хакима Саурана. «Победи, и тогда говори со мной так!» — писал горделивый хаким, и Джаныбек дал знак к выступлению. Огромное войско, расположившееся по правому берегу Сейхундарьи, вновь разделилось на отряды. В течение двух недель приходили ответы из разных городов, и каждый раз выступал отряд к тому городу, который не пожелал подчиниться Белой Орде. По всему было видно, что беки и хакимы решили поторговаться и подороже продать себя...

* * *

В это время древний степной вестник «узун-кулак» разнес по всему свету сообщение, что вместо Абулхаира на престол Синей Орды садится его сын Шах-Хайдар. "Разумеется, Шах-Хайдар не распустит немедленно стотысячное войско, собранное Абулхаиром, — размышлял Джаныбек. — Но долго ли будет ханствовать он? Сейчас, очевидно, он больше должен думать об укреплении своей позиции с помощью войска, чем о серьезной войне. Так что вряд ли станет продолжать он поход на Моголистан. А вот чтобы завоевать авторитет, он вполне может повернуть в сторону степи Дешт-и-Кипчак, тем более что и повод достаточно основательный. Что ни говори, а потеря городов Северного Туркестана — плохое начало для Шах-Хайдара..."

Что же делать, если регулярное войско, созданное и выпестованное Абулхаиром, всей своей мощью обрушится только на нас?.. Нет, не выдержит простое ополчение такого удара при всем его героизме и самоотверженности. На мощного быка похоже войско Шах-Хайдара. А с одним большим быком легче всего справляются оводы. С разных сторон налетают и жалят они его до тех пор, пока, не выдержав этого, бык не задирает хвост и не бежит куда глаза глядят!..

Так и придется воевать с Шах-Хайдаром. Всех батыров Средней Азии, недовольных Абулхаиром и после смерти его поднявших голову, следует объединить против его сына. Десятки, а то и сотни летучих отрядов нужно создать, чтобы день и ночь не давали они покоя войску лашкаров. Что-что, а устраивать засады и неожиданно нападать на регулярное войско батыры умеют. Пока оно дойдет к нам, терзаемое со всех сторон, пыл его поутихнет. А мы тем временем подготовимся как следует к его приходу!.."

Придя к такому заключению, хан Джаныбек разослал множество писем с предложением объединиться против ненавидимой всеми Абулхаировой Орды. В первую очередь такие письма были направлены старым мастерам набегов и разбоя. С разных сторон принялись они окружать застрявшее в пути войско Шах-Хайдара. Вместе с тем и в Северный Туркестан все стекались отряды недовольных беков, эмиров, султанов. Они лишь номинально признавали над собой главенство хана Джаныбека, но уже и то было хорошо, что эти удельные властители откликнулись на его призыв. Вскоре войско Джаныбека превзошло по численности армию Шах-Хайдара, но слишком уж разношерстным было оно. Трудно предугадать заранее, как поведет оно себя в бою. В полной мере приходилось рассчитывать только на приведенных из степи казахских батыров и джигитов.

Наступили осенние холода, а настоящей войны все еще не было. Летучие отряды хана Джаныбека много раз беспокоили войско Шах-Хайдара, пришедшее к Сейхундарье, но до большого сражения дело не доходило. Закованные в железо лашкары отбивали нападение степняков и вольных джигитов, сами делали вылазки в Северный Туркестан, но это и раньше было обычным явлением.

Во время таких вылазок отдельные батыры с той и другой стороны проявили свое умение и отвагу. Особенно старался Карачин-багатур, имевший зуб против казахских батыров со времени своего позорного пленения султаном Бурундуком. Он настойчиво искал его во время схваток и всегда имел наготове аркан. Однако джигиты не подпускали его к своему султану...

Несколько раз сельджукские лашкары Карачин-багатура атаквали самого хана Джаныбека, но у того была уже личная охрана их двухсот самых отважных батыров и джигитов, которыми командовал теперь Саян-батыр. Они всякий раз отбивали нападения лашкаров, а Саян-батыр, не отходивший от хана Джаныбека, дважды спас ему жизнь...

Зима в этот год выдалась суровая, и вскоре Джаныбек отошел со своим войском за стены Сыгнака и в его пригороды. Отступил и Шах-Хайдар. Как водилось в то время, большая часть

войск с той и с другой стороны была пока распущена по домам.

А недруги покойного Абулхаира только и ждали этого. Едва Шах-Хайдар распустил свое войско и в сопровождении пяти тысяч всадников решил навестить Самарканд, вдруг словно из-под земли появился Айбак-хан с двадцатитысячным отрядом. Шах-Хайдар разослал нарочных, чтобы задержать отпущенные отряды, но не мог собрать значительного войска.

Не очень уж заметным военачальником был Шах-Хайдар, да и храбростью не отличался, но на этот раз он превзошел сам себя. Плечом к плечу с Карачин-багатуром бился он с воинами Айбак-хана, пока хватило у него сил.

Однако несколько стрел, пущенных в упор, насквозь пробили его панцирь и кольчугу. Обливаясь кровью, рухнул он на землю. Наиболее отчаянные джигиты с обеих сторон ринулись вперед, стремясь захватить тело Шах-Хайдара. Но он перед смертью успел еще крикнуть Карачин-багатуру, чтобы тот оставил его и спасал племянников. Уже мертвого рубили враги сына Абулхаира — Шах-Хайдара. А Карачин-багатур, убедившись, что битва так или иначе проиграна, прихватил с собой семнадцатилетнего Мухаммеда-Шейбани и пятнадцатилетнего Султан-Махмуда, получивших свое первое боевое крещение, и ушел сквозь заросли. Враги не смогли догнать его...

* * *

После гибели Шах-Хайдара многие сподвижники Абулхаира стали откалываться от его Орды. Они были словно дворняжки, способные лаять лишь от хозяйского порога. А когда понадобилось действовать самостоятельно, подобно идущим на волка борзым, то они быстро поджали хвосты. Разбежавшись по своим норам, они подавали голос только тогда, когда кто-нибудь приближался к ним вплотную или пытался забрать у них кость...

* * *

Конечно же этим обстоятельством немедленно воспользовались сам Джаныбек, а также его непостоянные союзники — могольские и джагатаевские ханы и султаны. К ним присоединились многочисленные тимуриды. Все они принялись рвать и растаскивать огромное и непрочное ханство, оставленное Абулхаиром. Не прошло и года, как от него осталось лишь воспоминание. «Великое ханство», которое столько лет сколачивал хан Абулхаир, превратилось в разрозненные, почти не связанные друг с другом вилайеты. Повторялась история Хромого Тимура...

Хан Джаныбек все прочнее укреплялся в Северном Туркестане. С гибелью Шах-Хайдара можно было позволить себе небольшую передышку. К тому же зима, как обычно бывает в годы войны, наслала такие морозы, каких привыкшие ко всему казахи и на Жаике не видывали. Запасы у хана Джаныбека тоже были невелики. И Джаныбек распустил по домам большую часть ополчения, оставив при себе пять тысяч всадников. Столица теперь располагалась в древнем Сыгнаке, и все ханское войско уместилось в городских домах.

«Быть наготове и выступать по первому зову!» — приказал хан Джаныбек вождям распущенных отрядов. К тому времени слово его стало законом, и войско могло собраться в самый короткий срок. И все же к весне, когда так нужны рабочие руки в кочевом хозяйстве, он не стал собирать большую армию. Без поддержки со стороны Абулхаировой Орды оставшиеся непокоренными туркестанские города не требовали крупных сил для их взятия. Объединить свои войска они не могли, и защищались теперь каждый порознь. К тому же беки и хакимы этих городов стали куда сговорчивей...

Всю зиму шла переписка с ними. На этот раз Джаныбек не сомневался в успехе. Но что произойдет, если они по-прежнему будут стоять на своем? В конце концов он возьмет эти города, однако сколько времени и средств уйдет на это! Яссы, Сайрам, Сауран, Отрар, Узкент и еще десятка два более мелких поселений. Полжизни можно потратить на то, чтобы штурмовать их по очереди. Особенно крепкие орешки — Яссы и Сауран. На всякий случай необходимо оглядеться: кто из соседей сможет помешать во время такой войны, а кто помочь...

Издравле дружили казахские роды с могольскими и джагатаевскими ханами, которым

куда выгодней видеть на своих северо-западных рубежах родственное казахское ханство, чем Абулхаирову Орду или тимуридов. «Путь сбреют мне усы топором, если не получу вещественную помощь от Жунус-хана!» — решил Джаныбек. Ведь Жунус-хан во всем наследовал своему брату Иса Буге, в том числе и его дружбу с Джаныбеком. Но дело не в одном Жунус-хане, а в его друзьях и родственниках тимуридах. Если Джаныбек договорится обо всем с Жунус-ханом, то и тимуриды будут в определенной степени обезврежены. Ведь именно они являлись в настоящее время основной силой, негласно претендующей на Северный Туркестан...

Пока суд да дело, приходилось заниматься бесчисленными делами ханства. А дел было невпроворот, причем не менее важных, чем подготовка к боевым действиям против туркестанских городов. Составление нового свода законов, обложение налогами, создание денежных, продовольственных и фуражных запасов, реорганизация армии и подбор чиновников — все забирало уйму времени. Особо пришлось заниматься торговыми делами. Казахские купцы уже успешно торговали с Моголистаном, алтайскими улусами, Астарханью, Крымом, Казанью, далекой Москвой. Но этого было мало. К тому же совсем захирели торговые пути, издревле проложенные купцами разных государств и народов через казахскую степь. Годы произвола, раздробленности и безвластия сделали эти пути опасными, и торговые караваны, боясь нападений, шли в обход, лишая ханскую казну значительного дохода, а население — необходимых товаров. Жестокую борьбу повел хан Джаныбек с аламанам — бродячими шайками джигитов, смотревшими на проходящие караваны как на свою законную добычу.

В этих делах пролетела весна. Вспомнив, что он сын кочевого народа, Джаныбек по весне перекочевал со своей ставкой к Сейхундарье неподалеку от Сыгнака. Там, в отличие от шумного, пыльного города, стояла первозданная тишина, пахло травой и цветами. Хотелось навсегда остаться в этом земном раю.

Большинство хакимов туркестанских городов слали двойственные ответы. По всему было видно, что они хитрят, стремясь выиграть время. Дальше ждать становилось опасно. Хан Моголистана Жунус тоже крайне расплывчато отвечал на его предложения.

Как обычно перед принятием важных решений, созвал Джаныбек свой совет. Это не было нововведением в казахской степи. Испокон веков степные вожди имели такое постоянное собрание, куда входили их ближайшие родственники, а также подчиненные им вожди и бии родов и племен. Хоть окончательное решение зависело обычно от хана, но при военно-кочевой организации он не мог не считаться с мнением наиболее авторитетных людей...

По существу, хан Абулхаир покончил в степи в этой формой широкого для тех времен волеизъявления. Он самовластно менял свой совет, выживая оттуда неугодных, пока не оставались в нем лишь полностью безгласые люди. К концу его правления мало кто из уважаемых людей приглашался туда.

Джаныбек не только восстановил эту форму военно-феодальной демократии, но и видоизменил ее, приспособив к новым условиям. При нем было два вида совета: первый назывался «Большой совет», а второй

— «Малый совет». На первый приглашались все без исключения вожди родов и главные бии и батыры. На нем решались наиболее важные государственные дела, такие, как объявление войны или даже избрание нового хана. на Малом совете решались более мелкие дела: распределение пастбищ и прочих земельных угодий между родами, утверждение чиновников, отчеты сборщиков податей и налогов. Здесь присутствовало обычно меньше людей — в основном те, кто имел отношение к обсуждаемому делу.

Но то, что хотел обсудить на Большом совете хан Джаныбек, раньше всего доверял он Жахан-бике и сыну Касыму, который к тому времени становился уже, по существу, соправителем своего отца. Происходило это обычно в юрте Жахан-бике.

...Солнце только закатилось, и в ханском ауле наступила обычная вечерняя суматоха. Стоял шум от возвращающегося с пастбищ скота, громко переговаривались готовящие ужин женщины, с криком носились дети. День выдался знойным, лишь к вечеру подул прохладный ветерок. Хан Джаныбек сам открыл настежь дверь юрты, Приказал страже отойти подальше и не подпускать никого.

— Сними бешмет, пусть ветер остудит твоё тело! — сказал он вошедшему сыну и указал на место рядом с собой.

Они помолчали, глядя, как разливает кумыс Жахан-бике. В юрте уже стало совсем темно.

— Лампу, что ли зажечь?

Услышав слова мужа, Жахан-бике отставила кумыс, прошла к стене и принялась зажигать китайскую лампу, висящую на решетке-кереге. Джаныбек задумчиво проводил жену глазами. За последние три года она слегка отяжелела, но еще больше стала походить на гордого лебедя, плывущего по озерной глади.

Джаныбек не торопясь отхлебнул глоток кумыса из тяжелой серебряной пиалы и заговорил, словно продолжая только что прерванный разговор:

— Сегодня от хана Жунуса из Алмалыка приехал человек... — Он повернулся к Касыму. — Ты, наверно, слышал весть, поступившую от сауранского хакима... — начал Джаныбек и вдруг умолк.

В тот же миг Жахан-бике, подошедшая к переметной суме, чтобы достать оттуда кресало и огниво, вскрикнула и метнулась к сыну, загородив его собой. В воздухе сверкнул кем-то брошенный кинжал, и Жахан-бике упала плашмя на ковер. Чья-то тень мелькнула у входа...

Джаныбек подскочил к двери, но за ней никого не было. В синей тьме только промелькнула тень, словно от гигантской летучей мыши.

— Схватить!

Но и часовые не смогли догнать неизвестно как проникшего к ханской юрте человека.

— Как тень иблиса!

— Растаял, проклятый!..

Услышав их голоса, сидевший спиной к двери и ничего не понявший сначала Касым вскочил и бросился к матери. Руки ее были еще теплыми. Прямо напротив сердца торчала рукоять тяжелого кинжала. Касым с силой вырвал кинжал, и материнская кровь брызнула ему в лицо, омыла глаза. Вбежавшие люди с ужасом смотрели на него, а Касым молчал. Было это молчание вернее самой большой клятвы.

Всю ночь не спали аулы — искали убийцу. Но поиски были напрасны. Лишь на рассвете с берега Сейхундарьи принесли черный шерстяной плащ, легкую шубу из лапок норки и сыромятные верблюжьи сапоги. Убийца, по-видимому, переплыл на тот берег. Люди не переставали удивляться этому. Река тут была бурной, а недавно еще больше вздулась, переполненная водой из быстро таявших ледников. «Наверно, это был не человек, а злой джинн, посланный с умыслом в нашу Орду!» — говорили люди. Однако многие безошибочно угадали по одежде, что преступник был их земляком — из степи Дешт-и-Кипчак...

С большой торжественностью была похоронена Жахан-бике, и тысячи людей искренне плакали, вспоминая ее ум, красоту и доброту. Никому в своей жизни не сделала она ничего плохого, а будучи женой хана, не чуждалась людей и вела обычный образ жизни казахской женщины. Когда прошли недельные поминки по ней, сразу постаревший хан Джаныбек снова позвал своего сына Касыма в ту же юрту, где свершилось подлое убийство. Он положил на ковер перед ним кинжал, которым была убита Жахан-бике, потом вытянул из-за пояса у сына его кинжал и положил их рядом. Касым ахнул: кинжалы были совершенно одинаковыми!

— Да, мой сын, ты не обратил внимания на это, — сказал Джаныбек. — Но что ты думаешь теперь?

— Они изготовлены одним мастером!

— Не просто одним мастером... Что еще вспомнишь ты, взглянув на свой кинжал?

— Мать как-то взяла его и сказала: «Пусть вместо твоего сердца вонзится он в мое, мой сын!» Это было тогда, когда я целовал его лезвие, давая клятвы не трогать первым Мухаммеда-Шейбани и Султан-Махмуда, своих двоюродных братьев. Вот мать и сделала то, чего желала!..

— Да, твоя мать была великой женщиной! — скорбно подтвердил Джаныбек. — Пусть же земля превратится для нее в ложе из белого пуха, ибо умерла она счастливой, заслонив сына от смерти. Какой матери еще выпало такое счастье на нашей памяти?

— Но в кого же метил этот шакал? — вскричал Касым.

— В тебя или меня. Больше никого не было в юрте. А теперь слушай. Вряд ли есть в

нашей степи третий такой кинжал. Дело в том, что оба этих кинжала привез из Дамаска ездивший в Мекку ногайлинский бий. Один из них он подарил мне, а я пристегнул его к твоему поясу, когда тебе исполнилось семь лет. Другой кинжал остался в ногайлинской степи.

— Стало быть, и оттуда, с берегов Едиля не ждать нам покоя?

— Верно говоришь... Просторна, как верблюжья шкура, наша степь Дешт-и-Кипчак. Каждому хочется отрезать от нее хоть кусочек для подошвы к своим сапогам. А тем более сейчас, когда мы застряли в Туркестане и неизвестно когда еще выберемся отсюда... Нет, не сидели сложа руки все это время Темир-бий на Едиле и хозяин его Касым — султан астарханский. А на севере у нас Казань, на западе Крым. Все эти родственники недолюбливают нас за то, что степь наша широка и прекрасна. И когда в такой широкой степи растет новое молодое ханство, они начинают бояться за собственные шкуры. Алчность и страх движут ими. И этот кинжал, брошенный оттуда, говорит о многом.

— Неужто они готовятся напасть на нас?

— А как бы ты поступил на их месте? Разве не самый удобный момент сейчас для этого?.. Да, не сегодня-завтра следует ожидать их набега. Вот и подумай, что следует предпринять нам в таком положении!..

— Если с двух сторон враг, то ставку следует держать посредине, — сказал Касым. — Я читал, как поступали в таких случаях великие люди. Так сделал Искандер Двурогий, так поступили ромеи, перенеся в Константинополь свою столицу. И разве не так же сделал Батый, перенеся свою ставку в Улытау?

— Нет, Улытау далеко от тех мест, откуда прилетел кинжал, убивший твою мать. А мы здесь уже достаточно укрепились, и, если ко всему возьмем Сауран, нам какое-то время нечего опасаться за эту границу. Тем более что, уведя свою ставку из этих мест, мы сами перестанем довлеть над Абулхайровой Ордой и тимуридами. Всем им будет выгодно соблюдать с нами мир и заниматься друг другом. Да и туркестанские города увидят, что им не угрожает полное закабаление с нашей стороны. Мы могли бы раздавить их и смести с лица земли, но не сделали этого...

— Да, это правильно, отец!

— Мы оставим Сыгнак и весь вилайет под управлением Бурундука, а сами неожиданно появимся на западных границах, где меньше всего ждут нас. Они ведь предполагают встретить в степи отдельные разрозненные и беззащитные аулы. Чем плохая добыча?

— Куда же тогда следует перенести ставку на это время, отец?

— Я думаю, в город Сарайчик на Жайке. Чтобы укрепить могущество нашей Орды, следует спаять воедино всех казахов, кочующих по Едилю, Жайку, Тургаю, Жему. Мы все время далеко, и они почти оторвались от нас. А без них невозможно существование ханства уже хотя бы потому, что сразу за ними расположены враждебные нам ханства... А если нам удастся закрепиться в Сарайчике, тогда можно подумать и о союзе с Русью... Все же мы станем ближе в русской земле... Знаешь, какое тогда создадим казахское ханство? Великое... Об этом и буду говорить я перед биями и аксакалами!..

На состоявшемся Большом совете это решение хана было поддержано всеми, но в первую очередь представителями тех родов, которые имели кочевья в западной части степи Дешт-и-Кипчак. Они на собственном горьком опыте знали, что такое набеги родственных по крови ногайлинских или астарханских биев и ханов.

С наступлением зимы хан Джаныбек взял Сауран. К весне следующего года он оставил Сыгнак на попечение султана Бурундука, управление Созаком доверил своему сыну Махмуду, а Саураном — своему старшему сыну Жиренче. Сам же вместе со ставкой перекочевал на берег Жайка, осев в древней степной столице Сарайчике.

Хан Джаныбек и сын его Касым предвосхитили события. Они почувствовали это сразу после переезда на Жайк. Еще бы несколько лет, и весь запад казахской степи попал бы под ярмо крымских, казанских и башкирских владык. Кочующие там казахские роды вряд ли могли бы долго сопротивляться сильным и лукавым противникам. К тому же часть этих же родов сама склонялась в их сторону, имея уже родственные и иные связи с соседними ханствами и торговые связи с русскими князьями.

Со свойственной ему энергией и решительностью хан Джаныбек принялся и здесь

укреплять власть своей Орды. Огнем и мечом прошел десятитысячный отряд джигитов Джаныбека по кочевьям тех аулов, которые пожелали признать над собой власть астарханского хана или других владык. Часть мятежников бежала со своими аулами за Едиль, в чужие пределы.

Прошло совсем немного времени, и новые тучи появились на востоке молодого казахского ханства.

После смерти Шах-Хайдара прямым наследником престола Абулхаировой Орды становился сын покойного Шах-Будаха Мухаммед-Шейбани — первенец Аккозы. Он и младший брат его Султан-Махмуд были рослые, стройные юноши, владеющие всеми видами боя и умевшие к тому же руководить сражениями. Школа лучших батыров при ставке Абулхаира не прошла для них даром. Отважные, как львы, они к тому же получили неплохое по тому времени образование в лучших среднеазиатских медресе, славившихся своими учеными и поэтами.

Бывшие сподвижники хана Абулхаира возлагали большие надежды на то, что Муххамед-Шейбани, выделявшийся более острым умом, продолжит дело своего предка и станет в этом мире новым Чингисханом.

Вывезя обоих наследников с поля боя, в котором погиб Шах-Хайдар, Карачин-багатур не отправил их в Самарканд. Время было такое, что на каждом шагу они могли быть убиты врагами или соперниками. Тайными дорогами повез Карачин-багатур юношей сначала в Астархань, а потом обратно в Мавераннахр.

* * *

По пути в ним присоединились несколько султанов и батыров, преданных Абулхаировой Орде и видящих свое будущее в ее возрождении, а затем и правители туркестанских городов Яссы, Отрара, Бухары, пока еще не взятых Джаныбеком. Все вместе решили они написать на своих знаменах имена внуков Абулхаира, чтобы восстановить разрушенный купол Синей Орды.

Таким образом, с одной стороны, тимуриды, с другой — некоторые могольские властители при поддержке и содействии бывших сподвижников Абулхаира сплотились в борьбе против ставшей для них серьезной угрозой Белой Орды. Они провозгласили Мухаммеда-Шейбани ханом Синей, или Узбекской, Орды и начали лихорадочно готовиться к войне. Пока султан Бурундук ездил гостить к хану Джаныбеку на берега Жайка, молодой хан Муххамед-Шейбани лихим налетом отобрал у него Сыгнак и начал недвусмысленно угрожать Жиренче-султану, который стоял под Яссами. Вскоре пал и Сауран, бии и аксакалы которого быстро переметнулись на сторону Мухаммеда-Шейбани. Этим были сведены почти на нет недавние успехи Джаныбека в Северном Туркестане. Мухаммед-Шейбани пока не смел двигаться в степь Дешт-и-Кипчак, но ждать этого было недолго.

Нетрудно представить себе, как восприняли все эти вести, одна за другой поступавшие из Туркестана, хан Джаныбек и его сыновья. Лишь только стала подниматься Белая Орда, как ее уже стремились уничтожить. И не случайно наступление на нее начиналось именно из Туркестана, где столкнулись интересы сразу нескольких ханств.

Да, Северный Туркестан по-прежнему оставался яблоком раздора между четырьмя государственными объединениями. Казахские ханы намеревались остаться в его городах, чтобы прикрывать свою степь и иметь выход к мировым торговым центрам. Иначе говоря, они боролись за сохранение своего молодого ханства. Одновременно оттуда, из Северного Туркестана, они могли бы держать занесенный меч над несколькими своими врагами сразу.

Могольские ханы желали владеть Северным Туркестаном, чтобы контролировать, а при случае и изгнать казахов из Семиречья, а также от своих северо-западных границ. Со смертью Абулхаира и восшествием на престол в Алмалыке прочно связанного с тимуридами Жунус-хана они уже не очень нуждались в казахском щите на своей границе, тем более что Джаныбек претендовал на руководство всеми казахами, включая и моголистанских.

Тимуриды хотели по-прежнему контролировать Северный Туркестан, чтобы главенствовать в среднеазиатской торговле со степью и восстановить великое государство

Хромого Тимура.

А отпрыски Абулхаира попросту не хотели терять то, что еще недавно принадлежало им. Северный Туркестан был ключом к степи Дешт-и-Кипчак, откуда вышел сам хан Абулхаир.

* * *

Что мог предпринять в создавшихся условиях хан Джаныбек? Мог ли он продолжать оставаться на берегах Жаика, где было спокойно и просторно? Потеря Северного Туркестана низводила Белую Орду на положение второразрядного ханства без будущего, а с этим не мог согласиться никто из тех, кто хоть немного смотрел вперед!..

И хан Джаныбек, вопреки мнению многих из своего окружения, решил вернуться в Туркестан и продолжать борьбу. Не только войска, но и множество аулов повел он туда с собой. Он понимал, что лишь тогда станет Северный Туркестан полностью казахским, когда осядут на его землях целые племенные объединения...

Даже мудрый Асан-Кайгы укорял хана Джаныбека в том, что покидает такие привольные места:

*Там, в степях, носятся дикие лани
И серебряная рыба играет на отмелях
великих рек,
От отъездившей дичи шуришат прибрежные тугаи,
И люди не знают, что такое голод!..
Но у Жема-реки ты сходку не созывал,
А своей волей оттуда народ отозвал!..
Прекрасен был Уил, и вода его сладка:
Сравнить ее прозрачность можно только
со слезами радости!
Но и там, на Уиле, ты сходку не созвал,
А своей волей оттуда народ отозвал!..*

Так пел Асан-Кайгы, но, вопреки ему, хан Джаныбек поступил на этот раз по-своему. Снова к берегам Чу и Сарысу решил вернуть он покинувшие их казахские аулы. Про Чу сложил Асан-Кайгы шуточные куплеты:

*По обе стороны Чу — солончак,
И заболеть желудком можно, глотнув одного
лишь воздуха.
Из ножен там не выходит нож,
И мужчины, как мерины, бессильны,
Само собой разумеется, что тамошние
женщины
Двуличные и дикие злюки!..*

И Каратау, где рассеял хан Джаныбек часть аулов, тоже всю хулил народный жырау:
*Никаких там не слышно птиц, кроме зловещей
кукушки,
И зеленой травинки не увидит глаз.
На испорченный плод нам похожа земля,
Женщины — в три обхвата,
А мужчины гремят на ходу костями.
По земле и народ!..
Даже добрый конь за пять лет превращается в одра,
А у двадцатипятилетних джигитов слезятся
по-стариковски глаза.
О, Богом наказанная земля!..*

Нет, Джаныбек был непреклонен. Волоча за собой хвост растянувшихся на всю степь караванов, шел он на восток. Люди ехали грустные и подавленные. Но не только о сегодняшнем дне следует думать человеку, строящему государство...

По приезде хан Джаныбек немедленно начал готовиться к сватке с воскресшей Абулхайровой Ордой. На город Сыгнак вновь двинулось войско. В окружении джигитов Саян-батыра ехал посредине его хан Белой Орды, не зная, что глаза его в последний раз видят встающее солнце.

На широкой равнине между Саураном и Яссами встретились войска Джаныбека и Мухаммеда-Шейбани. На этот раз не было никаких поединков. Прямо с марша бросил вперед свою конницу хан Джаныбек. Страшным тараном прошла она сквозь три линии лашкаров. И здесь Джаныбек не выдержал. Забыв, что ему уже шестьдесят лет, он вскинул на дыбы своего коня и помчался в бой. Не было в степи лучшего коня, чем у самого хана: джигиты Саян-батыра едва поспевали за ним, и вскоре на добрых двести шагов вырвался вперед Джаныбек. В тот же миг с обоих боков наперерез ему устремились на своих текинских лошадях лашкары-сельджуки из личных телохранителей Мухаммеда-Шейбани, которыми командовал могучий Аксофы-ходжа. Три раза вплотную приближались они к продолжавшему нестись вперед хану Джаныбеку, и трижды валились в сторону от него перерубленные чуть ли не пополам туловища и катились головы в высоких косматых папахах. Но на четвертый раз сам батыр Аксофы-ходжа оказался рядом, и, пока хан Джаныбек замахивался налево, он справа нанес ему страшный удар палицей. Вместе с конем рухнул на жесткую, потрескавшуюся землю хан Белой Орды...

В этот момент словно смерч налетел и закружил все вокруг. Это догнавшие своего хана джигиты Саян-батыра обрушились на кружившихся вокруг тела хана Джаныбека лашкаров. В короткое мгновение лашкары были изрублены в куски, а сам Мухаммед-Шейбани, прискакавший, чтобы увидеть мертвого врага, едва избежал плена. Его спас Аксофы-ходжа, промчавшийся мимо и увлекший за собой ханского коня.

А поникшие в глубоком горе казахские батыры уже и не преследовали отступивших врагов.

Они подняли с земли тело своего хана и ускакали с ним далеко в степь...

Сама с собой прекратилась эта битва. Мухаммед-Шейбани отвел свое поредевшее войско за крепостные стены в Яссы, а казахи остались в степи. Завернув тело своего хана в белую кошму, они погрузили его на белого верблюда и двинулись в город Созак, которым правил второй сын Джаныбека — Махмуд. Рядом с мавзолеем Абулхайра с голубым куполом был воздвигнут точно такой же мавзолей, в который лег Джаныбек. Два волка, которым при жизни было тесно вместе в бескрайней степи Дешт-и-Кипчак, теперь молча переносили свое соседство. А люди, приходившие помолиться сюда, вскоре воздавали уже одинаковые почести обоим...

* * *

Когда прошло положенных сорок дней траура, бии и вожди Белой Орды подняли на белой кошме в знак провозглашения ханом отважного и сурового батыра Бурундука. Пришла по старшинству его очередь занять ханский престол...

Не успели отпраздновать это событие, как Султан-Махмуд, младший брат Мухаммеда-Шейбани, двинулся на город Созак во главе огромного войска, собранного с разных концов Мавераннахра, а также предоставленного могольскими ханами и тимуридами. К нему присоединились большие отряды из Ташкента, Яссы и Отрара. Снова кровь лилась рекой, но вынужден был отступить от Созака воинственный внук Абулхайра.

Результатом этих сражений было все большее разделение родственных народов на две орды.

* * *

Помрачнел и возмужал в эти месяцы султан Касым, который рано или поздно должен был стать ханом. Смерть матери, заслонившей его своим телом, а потом смерть отца в бою потрясли

его.

Далеко в степь уезжал султан Касым, когда одолевали его думы. Бескрайние просторы успокаивали разгоряченную голову, ветерок уносил ненависть и злобу. Нет, никогда не нарушит он данную матери клятву, ибо ничего нет страшнее для имеющего душу человека!..

«Но это нетрудно делать, пока я лишь простой исполнитель приказов Бурундука, — подумал он. — В один прекрасный день поднимут меня на белой кошме, и кого из людей станут интересовать мои клятвы? Действий потребуют они от меня. А кто сейчас основной враг нашей Орды, как не мой двоюродный брат Мухаммед-Шейбани?»

Этот год выдался особенно тяжелым для султана Касыма. Дважды приходилось ему уступать в бою с военачальниками Мухаммеда-Шейбани. Не слишком-то умный Бурундук в самый невыгодный момент заставлял его вступать в бой. Хан Бурундук был из тех безрассудных степных полководцев, которые вступают в битву, лишь увидят врага. Их не интересуют последствия, а бегут они от врага с такой же легкостью, как и нападают на него. Именно эта кочевая безрассудность приводила их в конечном итоге к поражению. Нет, не так должны вести себя настоящие ханы!..

Тревожило султана Касыма и другое. Все больше и больше стекалось к отряду Одноглазого Орака бедных людей и беглых батыров со всей земли Дешт-и-Кипчак, и все чаще стал он угонять табуны богатых и знатных, не разбирая, какой орде принадлежат они. Эти его действия выражали озлобление народа против имущих. Султан Касым увидел в набегах Орака действия, разлагающие единство нового ханства, и намеревался напасть на его отряд и уничтожить раз и навсегда. Касым искал случая встретиться с Ораком, но такой случай не представлялся. Орак был слишком недоверчив к ханам и султанам и умел от них скрываться.

Мало того, неуловимый Одноглазый батыр, объявивший войну всем ханам, стал особенно лютовать после смерти своей суженой Аккозы. В эту зиму он угнал два главных табуна, принадлежавших самому Касыму и выпасавшихся на берегах Каратала. Говорили, что Орак-батыр роздал этих лошадей жителям бедных аулов вокруг Аральского моря. Предлагали поехать туда с большим отрядом и вернуть их, но султан Касым отказался от этого. Он знал, что станет ханом, и не с карательного набега на подвластные аулы следовало начинать ему свою деятельность...

Пришла в эту зиму и радость в юрту султана Касыма. Никогда степные султаны не жаловались на недостаток детей, но Касым почему-то особенно обрадовался рождению сына Хакназара. Может быть, угадал он, что именно этому сыну завещает он потом дело всей своей жизни...

А пока что, несмотря на постигшие его убытки, султан Касым по случаю рождения сына закатил пир на полстепи с борьбой, конными играми и раздачей богатых подарков.

— Батыр Орак знал, что родится у меня такой замечательный сын! — заявил, смеясь, султан Касым на этом пиру. — Пусть разданные им лошади будут моим подарком людям во славу Хакназара...

IV

Еще и еще раз повторяли в Белой Орде старую казахскую поговорку: «Чтобы глаза не выклевали друг друга, Аллах воздвигнул между ними нос». С восшествием Бурундука на ханский престол султан Касым был утвержден всеобщей сходкой главным военачальником. И с первого же дня начались распри. Слишком уж различные были они люди.

А вот мудрого нос-миротворца как раз и не было между ними, и противоречия закономерно перерастали во вражду. Главное, в чем не сходились оба султана, был взгляд на будущее ханства. Будущее своего народа Бурундук видел в непрерывных войнах. Недальновидный вояка, он могущество государства ставил в зависимость от завоевания территорий соседних ханств. Всю жизнь не слезал Бурундук с коня и требовал того же от всех, забывая, что людям нужно пасти скот, содержать семьи, отдыхать и радоваться...

Султан Касым твердо решил продолжать дело Джаныбека. Не случайное ополчение по методу далеких предков-саков должно было иметь, по его мнению, государство, а регулярную, хорошо оснащенную армию, способную защитить труд скотоводов-казахов. И не война должна быть главным занятием казахов, потому что ведет она к вырождению. Пример чингисхановских войн лучше всего показал это. Хватает земли у казахов, и дай Бог суметь защитить то, что есть!..

«Я хотел бы добиться того, чтобы на спинах овец в нашей стране гнездились жаворонки!» — говорил Касым. Но Бурундук отвергал все его советы, утверждая, что непрерывная война закаляет народ, превращая его в бесстрашных волков, днем и ночью рыщущих по степи в поисках достойной добычи. Такому народу не страшны ни зной, ни голод, ни холод. Все богатства земли станут они свозить в свои юрты. Не будет на земле никого богаче казахов, и все вокруг будут трепетать при одном их имени!

В безвыходном положении находился султан Касым. Он сам стоял за единовластие хана и поэтому не мог не подчиниться Бурундуку. Бепрекословно выполнял он все его приказы, понимая их вред. Не раз терпели казахские войска поражения из-за того, что ничего не хотел понимать хан Бурундук в подлинной стратегии. Одно лишь наступление признавал он и мало заботился о подготовке и необходимом оснащении войска.

А в политике хан Бурундук разбирался и того меньше. Главными врагами ханства он считал одних лишь «Абулхаировых барсов», как называли Мухаммеда-Шейбани и Султан-Махмуда. Ему казалось, что стоит покончить с ними, и все пути будут открыты. А султан Касым к этому времени уже понял, что не из-за одного родства с Аккозы мать брала с него клятву. Своим глубоким женским чутьем она поняла, что в скором времени необходим будет мир между великими родственными ханствами, и только так смогут они укрепиться и возвеличиться. Касым уже не сомневался, что именно его мать подсказала своей сестре Аккозы мысль о клятве. Такие мудрые женщины встречались в многовековой истории степи...

Да, политика мира на долгие годы выгодна обоим ханствам. Ни в коем случае не пренебрегая собственными интересами, в том числе и в споре за города Северного Туркестана, следует показывать свое желание мира с Мухаммедом-Шейбани. Пусть будут развязаны у него руки для борьбы с тимуридами, которые являются такими же врагами и для Белой Орды. Пусть молодой и горячий Мухаммед-Шейбани устремится на юго-восток, куда всегда устремлялись воинственные орды Средней Азии. Туда, к Индии, Ирану, Афганистану, пусть переместится центр тяжести интересов Абулхаировой Орды. Разве не выиграет от этого казахское ханство? За эти годы именно оно станет основной силой здесь, в древней своей колыбели.

* * *

А что даст убийство обоих «барсов», кроме немедленного усиления тимуридов, джагатайских и могольских ханов? А у них зубы не только острые, но и ядовитые. Нет, уж лучше иметь дело с барсом, чем со змеей!..

Щель, появившаяся между ханом Бурундуком и его военачальником Касымом, быстро расширялась, превращалась в трещину. Хан Бурундук уже не скрывал, что ему непонятны симпатии Касыма к смертельным врагам. Именно этим симпатиям приписывал он понесенные поражения.

* * *

Между тем «Абулхаировы барсы», сами того не ведая, участвовали в решении этого спора.

Захватив ключевые позиции в Туркестанском крае, какими были города Сыгнак, Отрар, Ахрук и Узкент, Мухаммед-Шейбани решил овладеть и Саураном. Узнав об этом, хаким города собрал многочисленных домочадцев и близких и бежал в Яссы, а аксакалы, беки, купцы и прочие знатные люди города решили сдать его младшему брату Мухаммеда-Шейбани — «лихому батыру» Султан-Махмуду. Тот немедленно прибыл по их зову и вступил в город. Мухаммед-Шейбани вошел туда на правах гостя своего брата. Но, уезжая из города, он сказал

Султан-Махмуду: «Не с добрыми мыслями сдали тебе город... Изгони или убей сдавших его тебе!» Но Султан-Махмуд не послушался братского совета и вскоре за это поплатился...

С каждым днем росла слава и власть Мухаммеда-Шейбани. Эмиры, беки, мирзы и султаны, растерявшиеся после крушения Синей Орды, со всех сторон собирались под его знамя. А Мухаммед-Мазит-тархан, старший из северотуркестанских хакимов, не находил себе места от страха.

Решив укрыться от опасного соседства за стенами Самарканда, Мухаммед-Мазит-тархан для начала отправил туда караван с драгоценностями. С этим же караваном он снарядил свою любимую дочь — четырнадцатилетнюю Ибадат. Но случилось так, что об отправке каравана узнал один из приверженцев Мухаммеда-Шейбани. С отрядом джигитов он напал на караван и, захватив добро, привез его Мухаммеду-Шейбани. Из всех драгоценностей молодой хан выбрал одну красавицу Ибадат и взял ее себе пятой женой.

Вот тогда-то Мухаммед-Мазит-тархан и обратился к Бурундуку с просьбой о союзе. Через своего человека он предложил совместно напасть на Мухаммеда-Шейбани и изгнать его из Туркестана. Так или иначе, но выжидательная политика, которой под прямым воздействием султана Касыма придерживался в последнее время Бурундук, дала свои первые плоды.

Объединенное войско Белой Орды и главного северотуркестанского хакима окружило Сауран, и Султан-Махмуд стал деятельно готовиться к обороне. По совету султана Касыма Мухаммед-Мазит-тархан написал послание биям и аксакалам Саурана, напоминая об их подданстве и предлагая во избежание кровопролития сдать город без боя. Они послушались и на тайном совете решили сдаться на милость хана Бурундука. Посланные ими людьми схватили ничего не подозревавшего «Абулхайрового барса» Султан-Махмуда и выдали его вошедшему в город султану Касыму...

Это и явилось той каплей, которая переполнила чашу спора между Бурундуком и Касымом. Осаждавшие город султан Касым и его союзник Мухаммед-Мазит-тархан устроили пир по случаю взятия Саурана и возвращения его под эгиду Белой Орды, с чем наконец-то согласился упрямый главный хаким. Прибывший в город хан Бурундук развалился на шелковых подушках и одеялах, принадлежавших Султан-Махмуду, и пиалу за пиалой пил густой кестам. Не переговорив даже со своим военачальником, он приказал:

— А ну-ка доставьте мне сюда этого Султан-Махмуда!

Вместо внука Абулхайра вошел султан Касым. Он отдал необходимый поклон хану Белой Орды по древним законам, присел на указанное ему место.

— Мне передали, что вы, мой повелитель-хан, приказали привести к вам пленного батыра Султан-Махмуда, — сказал он тихо. — Зачем он вам сейчас?

— Мне передавали, что он большой герой, — сказал, нахмурившись, словно осенняя туча, хан Бурундук. — Хочу приказать при мне отрубить ему голову. Вот и посмотрим, как завизжит он: по-батырски или по-бабьи!..

Султан Касым несколько не возвысил голос:

— Султан-Махмуд попал к нам не как раб, купленный за деньги, и не как воин в открытом бою. Так что мы не властны расправиться с ним без общего решения. Что бы там ни было он — внук хана и единственный брат хана. Чтобы отрубить ему голову, нужно согласие если не Большого, то хотя бы Малого совета!..

Шея, лицо, руки у хана Бурундука налились кровью. На огромный мешок с кизяком стал он похож посреди шелковых подушек. Вдруг он вскочил на корточки. Брови его сошлись в одну линию, глаза едва не вылезли из орбит от страшного гнева.

— Я буду и Большим и Малым советом для абулхайровского отродья! — прорычал он.

— В таком случае прошу вас не забывать, мой повелитель-хан, о другом древнем законе... — Султан Касым по-прежнему говорил тихо, не повышая голоса. — Султан-Махмуд является моим пленником. К тому же он мой двоюродный брат по материнской линии. Я, таким образом, являюсь здесь самым близким его родственником и представляю его интересы.

Даже Бурундук не осмелился противоречить этому древнему закону, принятому в степи. Он поник и забормотал невнятно, с присущим ему косноязычием:

— Чего же ты требуешь от меня?.. Сколько казахских батыров убил этот Султан-Махмуд!.. Что хочешь?.. Неужели отпустить его на все четыре стороны? Говори!..

Султан Касым понимающе кивнул головой:

— Нет, я не требую отпустить его. Но чтобы решить его судьбу, необходимо созвать совет. Мы же не разбойники, а государство, и не к лицу нам подавать примеры беззакония...

— Да... да... — соглашался Бурундук.

— Только созывать этот совет сейчас не время. Мои ертоулы донесли, что Мухаммед-Шейбани подошел под Яссы. С ходу ему не удастся взять такую крепость. А мы, не теряя времени, должны внезапно захватить Отрар!..

Это предложение уже больше понравилось Бурундуку.

— Ладно, выступай, — согласился он и фыркнул. — А твой Султан-Махмуд все равно не избежит волосяной петли!

— Там будет видно!..

Долго еще кипел злобой Бурундук, размышляя над случившимся. Он был похож на кота, у которого из-под самого носа утащили кусок сала. Почти не прислушиваясь к чьим-либо советам, хан Бурундук в особенности не терпел советов султана Касыма. Он бы и сейчас не послушался и казнил пленника, но тот находился под охраной джигитов Касыма и был недосягаем для Бурундука.

По прибытии к себе султан Касым немедленно призвал Саян-батыра. Самым близким человеком ему стал честный и преданный батыр. Он неизменно выполнял наиболее опасные поручения, выказывая при этом недюжинный ум и отвагу.

— Жиен-ага, я хочу поручить вам одно важное дело! — сказал султан Касым, обращаясь к нему как к старшему по возрасту.

— С самого рождения не было у меня ни одного безопасного дня, — улыбнулся Саян-батыр. — Приказывай!

Султан Касым помолчал в нерешительности.

— Вот какое дело... Не совсем безопасно оставаться здесь нашему пленнику Султан-Махмуду, и я хочу тайно отправить его в Созак. Тебе придется сопровождать его и быть там с ним до нашего возвращения из Отрара.

— Да, нелегкое поручение даешь ты мне, — согласился батыр. — А не кажется ли тебе, мой султан, что доставить в Созак Султан-Махмуда — это все равно что доставить его на тот свет. Там ведь сидит правителем ваш брат и его тезка Махмуд с оторванным носом и рассеченной губой. И сделал это наш пленник!..

— Не будет мой брат мстить безоружному за то, что случилось в поединке!

Саян-батыр покачал головой:

— Телесная рана быстро затягивается и перестает беспокоить. Но душевная...

— Нужно во что бы то ни стало уберечь Султан-Махмуда. Я перед матерью поклялся, что не причиню зла детям Аккозы, если сами не поднимут на меня руку!..

— Ладно, я все сделаю, чтобы вы сдержали эту клятву. Но разве неизвестно людям, что я прихожусь по отцу родным братом Рабиа-султан-бегим, жене покойного Абулхаира?

— Нет, я не знал этого. Но что же тогда меняется?

— Разве не от Рабиа-султан-бегим родился Суюнчик? И разве не в войске Мухаммеда-Шейбани сейчас Суюнчик, мой прямой племянник?

— Там ему и место...

— Так-то так, но, если сбежит вдруг от меня Султан-Махмуд, не окажусь ли я волей-неволей твоим недругом?

— Я верю тебе так же, как себе!

— Испытай лучше меня на другом деле, — стоял на своем честный батыр. — Еще раз прошу тебя поручить это кому-нибудь другому!

— Нет другого такого человека! — твердо сказал султан Касым. — К тому же Султан-Махмуд, очевидно, знает о твоём родстве с ним и не будет упираться при переезде. Нам надо сберечь ему жизнь и вернуть его домой живым и невредимым!..

— А почему в таком случае не отпустить мне его?

— Хан Бурундук тогда обвинит меня. Нет, пусть ханский совет решает его судьбу. Там большинство пойдет за мной!..

— Тогда не нужно посвящать во все это самого пленника. Мало ли что может решить

ханский совет. А вдруг Бурундук настоит на своем?

— Твой долг состоит в том, чтобы охранять Султан-Махмуда до нашего возвращения из Отрара! — размеренно произнес султан Касым, глядя в глаза батыра.

— Понимаю... — Саян-батыр многозначительно улыбнулся. — Сделаю все, что в моих силах, мой султан!

— Отправляйся сегодня же, пока не случилось ничего непредвиденного. А пленника — в колодки!

— Слушаюсь, мой султан!

* * *

В тот же день Бурундук с Касымом во главе всего войска Белой Орды двинулись к Отрару. Но Мухаммед-Шейбани, как только соглядатаи доложили ему об этом, немедленно снял свою осаду Яссы, чтобы не потерять своей лучшей крепости в Туркестане. Он хорошо помнил степную поговорку о комолой козе, которая просила у Бога рогов, но лишилась ушей. Когда казахское войско подошло к Отрару, Мухаммед-Шейбани уже успел с немалыми силами укрыться за его толстыми стенами.

Стены здесь были толще и выше, чем в Яссах, и вдобавок снабжены башнями со специальными бойницами для лучников. Высота их была в сорок мер, а прокаленная серая глина, из которой они возводились, не уступала по крепости граниту. Продовольствия в городе собрали на год осады, воды и топлива тоже вдоволь. Зато осаждающие находились в голой, выжженной солнцем степи, продовольствие и фураж приходилось подвозить издалека, вода в арыках была грязная, и нукеры болели от нее. Уже через месяц осады все здравомыслящие люди говорили о бессмысленности стояния под стенами Отрара.

Но упрямый Бурундук, как всегда, не уступал. Он приказал подкапываться под крепостные стены и в нетерпении ждал, когда напьется свежей крови обоих «барсов». Но в один прекрасный день со стороны Ташкента поднялась пыль. Ертоулы донесли, что на помощь Мухаммеду-Шейбани движется новое большое войско. Продолжать осаду не имело уже больше никакого смысла, и в тот же день Бурундук приказал наконец снять ее.

Сам хан Бурундук с пятитысячным отрядом поскакал вперед, и только через неделю подошли к Созаку остальные войска во главе с Касымом. Когда уже показались вдаль неровные стены Созака, увидели мчащегося оттуда всадника. По всему было видно, что он торопится сообщить нечто важное. Султан Касым и его спутники встревожились: мало ли чего можно ожидать в такое время. За каждым холмом возможна засада...

Это был Жадик — один из младших братьев султана Касыма. Конь его был взмылен, как после трехдневной скачки, и сам он чуть ли не кубарем скатился с седла.

— Ассалаумагалеikum!..

— Уагалаikum ассалам! — ответил Касым. — Все ли в порядке в наших аулах, Жадике?

— Все хорошо в аулах... Одна лишь неприятная весть!

— Говори!..

— Из каменного зиндана бежал Султан-Махмуд, с ним один из охранников...

— А где был батыр Саян?

— Они зарезали его!..

По рассказу Жадика случилось это так. Помимо часовых наверху Саян-батыр сам спал рядом с Султан-Махмудом, опасаясь, что его убьют подосланные Бурундуком люди. Видимо, в отсутствие батыра пленник нашел общий язык с охранником из мангитов, посулив тому золотые горы. Так это было или не так, но в то время, когда Саян-батыр спал, охранник перерезал ему горло. Под стеной зиндана был заранее вырыт подземный ход, и оба бежали. Схватились лишь наутро, но след из затерялся в степи...

Услышав о смерти самого близкого человека, султан Касым даже качнулся в седле от душевной боли. Он слушал рассказ как во сне. Даже когда все войско спешилось, чтобы прочитать упокойную молитву Саян-батыру, которого все очень любили, Касым не смог этого сделать. Он считал себя виновным в смерти друга...

* * *

Войско пошло к городу, а он сделал знак, чтобы его оставили там, где услышал он страшную весть. Вскоре султан Касым остался один в степи.

— О Саян-батыр! — сказал он громко. — Клянусь, что стократ отомщу за тебя!..

Потом султан встал на колени и зашептал тихо, горестно:

— О дорогая мать!.. Пытаясь быть верным данной тебе клятве, я потерял своего отца... Моего брата Махмуда та же рука сделала калекой... А теперь я убил своего лучшего друга на всем белом свете... Что же делать, мама?

Ветер шелестел сухой травой, где-то в белесом туркестанском небе заливался невидимый жаворонок. Никто не отвечал султану на его вопрос, и горестное недоумение было в его глазах.

— Я беру обратно свою клятву тебе, мама... Я отомщу им за смерть отца и друга... За твою смерть, потому что они оба были там, откуда прилетел к тебе кинжал!.. Нельзя больше жертвовать живыми ради клятвы мертвым!..

Да, султан Касым твердо обещал пленному Султан-Махмуду, что отпустит его домой живым и здоровым. Он просил его не отчаиваться и ничего не предпринимать. Тот обещал... К такому человеку не может быть пощады!..

* * *

Уже у самых ворот Созака догнал султан Касым свое войско. Позади ехал его брат Жадик.

— Я забыл сообщить тебе, что в Созаке гостит сейчас Темир-бий из Едиля, — сказал ему Жадик.

— Говорили ведь, что он тяжело болен... — глухо откликнулся султан Касым.

— Да болен... Говорят, что это от огорчения... Но на коня он садится сам и сам же соскакивает с коня!

— Значит, будет еще жить...

— А еще я не сказал, что Бурундук, наш повелитель-хан, считает Саян-батыра виновником бегства Султан-Махмуда...

— Так его же убили!

— Все равно... И в отместку покойному отдает бывшую жену его Гульбахрам Темир-бию, отрывает ее от детей. Вспомнил, что она дочь Абулхаира!

— Эй, послушай... Ведь Темир-бий болен, да и возраст у него уже близок к возрасту пророка. Что он будет делать с Гульбахрам?

— Да, он совсем дряхлым стариком был, когда приехал к нам, — принялся рассказывать Жадик. — С коня и то едва сполз. Но, когда сказали ему о Гульбахрам, он сразу приободрился и ходит вразвалочку, как молодой гусь. Люди говорят, что раньше времени он постарел оттого, что не смог сделаться полновластным хозяином земли Едиля и Жаика... А он, когда услышал о смерти Саян-батыра, сначала опечалился, а потом стал говорить, что вдова принадлежит только ему. И едва хан вернулся из Отрара, Темир-бий заявил свои претензии. Дяде это тоже понравилось. Ну а когда первенец батыра Саяна — пятнадцатилетний Аян услышал про это, бросился на старика Темир-бия с кинжалом. Сейчас Аян-джигит в зиндане, для него готовят виселицу. Вот я и поскакал вам навстречу, чтобы поторопить!

Жадик заглянул в лицо брату, но оно было непроницаемо. Только чуть-чуть тронул султан Касым своего коня, и тот поскакал вперед, обгоняя войско.

Весть о происходящем в Созаке уже распространилась среди батыров, и они один за другим молча присоединились к Касыму. Хрустела сухая трава под копытами, пыль тяжело оседала на землю...

Не доезжая ставки, Касым отобрал из скакавших за ним людей нескольких батыров из разных родов, с ними и с двумя джигитами личной охраны, которыми прежде командовал Саян-батыр, он приблизился к ставке Бурундука.

Толпа стояла на площади. От людей негде было яблоку упасть.

— С дороги... С дороги!..

Это закричали люди, расступаясь перед султаном Касымом. Не слезая с коня, остановился

он у порога ханского дворца. Только теперь огляделся и увидел вдруг перед собой Бурундука. Огромной квадратной глыбой высился он на пороге, а в стороне стоял готовый к выступлению отряд. Впереди него в плетеной кольчуге и чешуйчатом железной башлыке на плечах сидел на огромном старом коне Темир-бий. Он ссутулился от старости и казался нелепым в своем боевом облачении.

А в самом конце отряда лицом к хвосту в знак позора была посажена на коня маленькая Гульбахрам, вдова Саян-батыра. В рабыни была отдана Темир-бию дочь грозного Абулхаира...

Руки ее были туго связаны спереди, а чтобы не слышались рыдания, рот ее заткнули кляпом и перевязали сверху шелковым платком. Иссиня-черные длинные косы ее были пропущены промеж ног сидящего впереди нее рябого джигита и накрепко привязаны к нагрудному ремню коня. Так делали обычно джунгары, угоняя в плен казахских девушек...

В другую сторону посмотрел султан Касым и невольно вздрогнул. Под белой струганной виселицей стоял с тонкой волосяной петлей на шее джигит Аян, как две капли воды похожий на своего отца Саян-батыра. Конец перекинутого через перекладину аркана держал в своих руках ханский палач — здоровенный, чем-то похожий на самого Бурундука детина. Аяна бы уже повесили, но Бурундук во что бы то ни стало хотел, чтобы это произошло на глазах его матери, а Гульбахрам долго сопротивлялась и не давала себя связать.

Даже Темир-бий просил хана Бурундука не казнить джигита Аяна, но Бурундук был неумолим.

* * *

Не так уж глуп был Бурундук, понимавший, что джигит Аян вырастет и будет мстить за мать. А старевший Темир-бий, проживший свой век среди тысяч смертей и жестоких несправедливостей, не стал настаивать на своей просьбе. Он лишь склонился перед Бурундуком и поблагодарил его за Гульбахрам, которой добивался столько лет.

Как будто ожидавший лишь взгляда султана Касыма, палач подтянул к себе аркан.

— Отпустить!..

Тихо, но грозно сказал это султан Касым, и палач растерялся. Он ослабил, но не бросил аркан, с испугом глядя на военачальника, чье имя уже передавали из уст в уста в степи Дешт-и-Кипчак и всех сопредельных странах. Но потом палач обернулся в сторону Бурундука и закричал тонким голосом:

— По велению нашего хана!..

— Отпустить!.. — еще тише приказал султан Касым, и палач, словно змею, отбросил от себя конец аркана.

Такая тишина стояла на площади, что слышно было, как жужжит вокруг головы джигита Аяна прилетевший из степи большой полосатый шмель. Медленно наливался кровью хан Бурундук, вытаскивая из ножен тяжелую саблю. Шагнул к своему коню, которого держали под уздцы два нукера. Но второго шага не сделал: стена батыров стояла за спиной султана Касыма, и крайний из них чуть заметно качнул окованной железной дубиной. Бурундук понял, что сделай он следующий шаг — и эта дубина вобьет ему голову в желудок. Он обвел взглядом строй. Мрачный огонь горел в глазах батыров.

— Снимите с коня женщину и приведите ко мне! — приказал Касым.

Самый младший из батыров — Онай соскочил с коня, подбежал к Гульбахрам и отвязал ее косы. Потом он сорвал платок с ее рта, вытащил кляп. Истошный вопль прокатился по площади.

Кто-то перерубил веревку, которой были связаны за спиной руки джигита Аяна. Освободившись от волосяной петли, он подбежал к матери.

— Сохранение их жизни поручаю тебе, Онай-батыр! — сказал султан Касым.

— Слушаюсь, мой султан!

Люди выполняли распоряжения султана Касыма, даже не глядя в сторону Бурундука. Вдруг Темир-бий, яростно колотя пятками своего пегого коня, подъехал к султану.

— О, оперившийся кобчик уже щиплет перья старому орлу! — закричал он старчески надтреснутым голосом. — Вернули бы мне лет двадцать пять, и я бы живо поволок тебя на

хвосте своего коня, султан!

— Не роняйте своей чести, Темир-бий! — вполголоса сказал султан Касым.

* * *

Но Темир-бий не унимался:

— Твой отец Джаныбек не смог отомстить мне за то, что я не дал объединить под его властью казахские роды Едиля и Жаика, но теперь это сделал ты, закопав меня заживо! — кричал он, обращаясь к толпе за сочувствием, и вдруг круто повернул коня. — Прощай, хан Бурундук... Остерегайся не Мухаммеда-Шейбани, а Касыма-султана... Помни всегда мои слова!..

Он поскакал прочь со своим отрядом.

— Живи многие годы, батыр Касым!..

Словно из единой груди вырвался у толпы этот крик, и Бурундук повесил голову...

Ни Бурундук, ни Касым не сомкнули глаз в эту ночь.

Все достоинства Бурундука состояли лишь в бесстрашии и воинской доблести. Умом хан Бурундук не был богат, но даже он догадался, в чем смысл происшедшего. В лице своих батыров казахские роды станут теперь в ущерб ему поддерживать Касыма. Но он не стал думать о том, как возратить к себе уважение людей. Одну только злобу питал он по отношению к отвернувшимся от него батырам и все объяснял происками Касыма... «Остерегайся не Мухаммеда-Шейбани, а Касыма-султана!..» Бурундук вновь и вновь слышал эти слова, сказанные Темир-бием, и скрежетал зубами от ярости.

«Если хочешь осилить нового врага, подружись со старым». Как факел в ночи, вспыхнули эти слова в сознании Бурундука, и он начал перебирать в памяти всех врагов Белой Орды. Первыми среди них были оба Абулхаировых «барса»...

Совсем о другом думал в эту ночь султан Касым. Он понял, что дело не в их спорах с Бурундуком, а в том, что нет единства и согласия в Белой Орде, которые были при Джаныбеке и Керее. И причина всему — недальновидная политика Бурундука. Одним лишь страхом хочет он сковать людей в единое государство. Недолговечный это клей — человеческий страх. Да и суровость лишь тогда приносит плоды, когда идет в ногу со справедливостью. Малейшее лукавство или отступление от правды — и жестокое самовластие выступает наружу, чтобы похоронить в скором времени все под собой. Разве не показал его предок Чингисхан, что это прямой путь к национальному вырождению?

Да, сегодня в первую очередь не свой авторитет уронил в пыль на площади хан Бурундук. Это был авторитет всей Белой Орды, а завтра уже будут рассказывать об этом на базарах Алмалыка, Ташкента и Самарканда. Может быть, не нужно было при всех так противодействовать Бурундуку. Дать совершиться такой несправедливости — это значит навеки запятнать ханство. Кто из батыров будет тогда уверен, что после его смерти с его женой и детьми не поступят

таким же образом? Стоит ли сражаться тогда за государство, где царит произвол и беззаконие!..

Самый неудобный момент сейчас для разногласий. Дело идет к зиме, когда волей-неволей придется распустить по домам большую часть войска. А Муххамед-Шейбани, воспользовавшись ссорой ташкентского и отрарского правителей, опираясь на Ташкент, захватит Яссы. Потом он поглотит и сам Ташкент, а затем восстановит власть прежней Абулхаировой Орды над всей Средней Азией. Тимуриды, как обычно, грызутся между собой и не в состоянии долго сопротивляться ему...

А вот куда он направит своих коней потом: на юго-запад — в Хорасан и Иран или в степь Дешт-и-Кипчак? Разумеется, этого пока не угадаешь. Но несомненно, что это будут те земли, где нет единства и сплоченности для отражения вражеского нашествия. Так повелось уже с древних времен, и вчерашняя ссора может дорого обойтись Белой Орде.

Что же предпримет Мухаммед-Шейбани, если сочтет, что пришло время отвоевать у казахов Дешт-и-Кипчак? Если сравнить казахскую степь с сундуком, полным богатства, то замок на ней — это, конечно, Созак и Улытау. А ключ к нему — разногласия хана Бурундука с

войском!

В свою очередь, и Бурундук хочет прямо в лоб напасть на Мухаммеда-Шейбани и отобрать у него другие города Северного Туркестана. Ему мало осечки с осадой Отрара. Такими необдуманными действиями он наверняка отвратит жадные мысли Мухаммеда-Шейбани от Хорасана и Ирана, привлечет их к себе. И тогда большая война неизбежна. Даже в случае удачной обороны выиграет ли от нее казахское ханство?

Бурундук хоть сегодня готов дать знак к выступлению. На маленькую бессмысленную рыбку чебачка, которая сама лезет в пасть к голодному окуню, похож Бурундук. Сначала следует отрастить иглы, как у ерша, а потом и с окунем можно разговаривать. Когда будет у Белой Орды регулярное, хорошо обученное войско, то и с Муххамедом-Шейбани можно будет поговорить по-другому. А пока, несмотря на ссору, следует протянуть руку хану Бурундуку. Нельзя давать врагам повод считать Белую Орду прогнившим яблоком!..

А наутро к султану Касыму явился ханский нарочный.

— Наш повелитель-хан зовет вас к себе! — сказал он, склонившись.

Одеваясь, свой дамасский кинжал, обычно висевший поверх бешмета на ремне, Касым подвязал под бешмет. Убедившись, что кинжал не торчит из-под одежды, он направился к хану.

Бурундук протянул руку:

— Настоящие батыры лишь крепче дружат после стычки... Что же посоветуешь, мой султан: воевать или заключать мир с Мухаммедом-Шейбани?

Касым усмехнулся:

— Иногда батыры и без стычки начинают дружить... Как Мухаммед-Мазит-тархан с Муххамедом-Шейбани, например.

* * *

Лучше самого отрарского хакима спросить, много ли пользы от такой дружбы!.. Что же, Мухаммед-Мазит есть Мухаммед-мазит, а хан Бурундук есть хан Бурундук!

Касым теперь откровенно рассмеялся, глядя прямо в глаза хана Бурундука... Тот действительно был смешон в своем неумном самомнении. Ничего не поделаешь. «Каждый хозяин ценит своего козленка выше чужого козла». Кто не считает себя умнее всех!.. «Но каков же этот Бурундук, — подумал султан Касым. — Он хочет, чтобы я принялся сейчас ратовать за примирение с Мухаммедом-Шейбани. Тогда он получит возможность обвинить меня чуть ли не в сговоре с врагами. И свидетели — вот они: человек двадцать здесь!..»

— По тому, как ты взял под свою защиту «барса» Султан-Махмуда, я решил, что вы не прочь подружиться и с Мухаммедом-Шейбани! — не выдержал Бурундук.

— Мой повелитель-хан, не одно и то же предлагать мир при поражении или при победе, — сказал султан Касым. — Нужно одержать победу, и я готов выступить хоть сегодня. Приказывайте, на какой город!..

— Об этом надо подумать! — пробормотал опешивший Бурундук.

— Думать надо быстро!

— Почему?

— Пока мы здесь, Мухаммед-Шейбани наверняка осадит Яссы. Если мы выступим против какого-нибудь города, он отступит от Ясс, как произошло уже с Отраром. А пока все это будет продолжаться, Мухаммед-Мазит-тархан договорится с прочими хакимами о совместных действиях против Мухаммеда-Шейбани...

— Да, об этом стоит подумать!..

С самого начала султан Касым заподозрил неладное, и теперь Бурундук выдал себя с головой. Когда такие люди начинают хитрить, не очень трудно догадаться, куда они гнут. Действительно, вскоре был заключен мир с Мухаммедом-Шейбани, только инициатива его исходила от хана Бурундука, а Касым лишь присоединился к его мнению. Правда, и на этот раз не все сошло гладко. Бурундук тайно обещал Мухаммеду-Шейбани выдать своего союзника Мухаммеда-Мазит-тархана. Но султан Касым предупредил об этом злосчастного хакима, и тому удалось вовремя ускользнуть...

Но что значил мир, заключенный в то время между ханами? Не прошло и месяца, как

вновь по дорогам Туркестана пылили кони, пылали мирные селения и кровь лилась потоком. Все происходило, как предугадал султан Касым. Мухаммед-Шейбани снова двинулся к Яссам. Но по дороге он получил известие о нахождении в Хан-Таге своего бежавшего из плена брата Султан-Махмуда. Он повернул все войско в сторону Хан-Тага, и вскоре братья-"барсы" встретились.

Вслед за этим Мухаммед-Шейбани молниеносным рейдом захватил Сауран и предал жестокой казни тех, кто открыл ворота султану Касыму и выдал ему Султан-Махмуда. У многих были отобраны скот и имущество, а жены и дети проданы в рабство. Только после этого братья вновь осадили Яссы. На этот раз город пал, и Мухаммед-Шейбани добрался наконец до своего тестя Мухаммед-Мазит-тархана. Но родство обязывало, и вместо казни несчастный хаким был только забит в колодки и отправлен в Отрар.

Как волки из разных стай, ворвавшиеся со всех сторон в одно стадо, рычали, озирались, следили друг за другом ханы, эмиры, хакимы. Ташкентский правитель вдруг с ужасом понял, что наступила его очередь. Мухаммед-Шейбани недвусмысленно смотрел в сторону Ташкента. Правитель принялся лихорадочно искать себе союзников среди своих родственников — могольских эмиров. И, посоветовавшись между собой, могольские эмиры решили запросить помощи у казахского хана. Бурундук искренне обрадовался их посланию. Плонув от удовольствия в ладони, он воскликнул:

— Ну, теперь повоюем!

Потом, подняв над головою Коран и соприкасаясь грудью, они дали клятвы о вечной дружбе и верности друг другу. А султан Касым был грустен. Ничего доброго не предвещала эта война казахам...

Вместе с могольскими ханами пришлось выступать на завоевания Туркестанского вилайета, который уже почти полностью принадлежал Мухаммеду-Шейбани. Первым делом хотели захватить Яссы, но там в это время находился сам Мухаммед-Шейбани с большим войском, и тогда повернули к Отрару. Бессмысленная была эта война и велась беспорядочно.

Отрар тоже не удалось захватить. Там уже сидел младший сын Абулхаира. Выросший в волчьем выводке без особых усилий постигнет тонкости волчьего дела. Он жестоко расправился с теми, кто лишь заговорил о сдаче города, отстоял его.

Пришлось разношерстному объединенному войску двинуться на Сайрам, чтобы хоть как-нибудь оправдать эту войну. По дороге начались грабежи, насилия и угон скота у мирного населения. В свою очередь, Мухаммед-Шейбани послал летучие отряды в степь Дешт-и-Кипчак, которые начали грабить и вырезать казахские аулы. Занятое осадой Сайрама, войско не могло защитить всю страну...

С обеих сторон кровь лилась рекой, смешиваясь со слезами. Сотни городов, селений и аулов были преданы огню, десятки тысяч юношей и девушек оказались проданными в рабство. На невольничьих рынках всего Востока можно было увидеть бритые казахские головы. И случилось так, что рядом продавались рабы, захваченные Бурундуком в Туркестане...

В кровавый ад превратилась казахская степь. И тогда клич прокатился по ней из конца в конец, и все от мала до велика сели на коней. Позабыты были родовые и племенные распри. Народ возглавили многочисленные безвестные батыры. Одним из них был знаменитый Одноглазый батыр, о котором слагали песни. Грозой для грабителей и захватчиков стали отряды народного ополчения. Подобно израненному тигру боролся народ за свое существование. Только теперь поняли люди то, что раньше понимали лишь отдельные дальновидные вожди и народные жырау-прорицатели. Без сильного единого государства не останется на земле казахов...

* * *

И вдруг по степи пошла недобрая весть о том, что хан Бурундук помирился с Мухаммедом-Шейбани. Мира ждали, но не теперь, когда народ встал на борьбу за свое существование. Не было человека в степи, который бы не понимал, что Мухаммед-Шейбани желает лишь получить передышку, перегруппировать свои силы и тогда уж навалиться на степь Дешт-и-Кипчак. Именно теперь, опираясь на разгневанный

народ, можно было раз и навсегда преградить дорогу в степь Абулхаировым «барсам». Но Бурундуку не было никакого дела до народа. Во многом сам вызвавший эту войну, он вдруг предпочел помириться с коварным врагом.

Величайшим ханом в истории стал считать себя недалекий Бурундук. И более сильные умы спотыкались на этом. Где уж тут было устоять простоватому степному султану, волею судьбы сделавшемуся вдруг ханом огромного степного государства! А Мухаммеда-Шейбани он посчитал равным себе. По его мнению, два таких властителя ближе друг другу, чем какой-то там народ. Импрам — масса — ничего не значит в сравнении с ханом!..

А Мухаммед-Шейбани принялся с новой силой восстанавливать Абулхаирову Орду. Все понимали, что как только увенчается успехом его мечта, казахам несдобровать. Руководимая напыщенным Бурундуком, Белая Орда не сможет устоять перед окрепшим Мухаммедом-Шейбани...

Но не только ослепление властью было причиной такого поведения хана Бурундука. В глубине души он понимал, что казахские вожди и батыры, не говоря уже о простых кочевниках, все больше склоняются к султану Касыму. Вещие слова Темир-бия продолжали звучать у него в ушах.

«Моя дружба с Мухаммедом-Шейбани быстро заткнет крикливые глотки всем этим недовольным! — думал он. — Теперь они побоятся переходить на сторону Касыма и будут беспрекословно выполнять мои веления. Чуть что, и конница Мухаммеда-Шейбани придет в степь мне на помощь. Да и моя конница всегда поможет ему справиться со своим импрамом! А чтобы скрепить нашу дружбу, я приложу свою грудь к груди Абулхаирова „барса“ и стану ему сватом!..»

Так и сделал Бурундук. Самую красивую из своих дочерей — Гулбаршын он отдал в жены «барсу» Султан-Махмуду, которого недавно взял в плен и хотел казнить и который бежал из плена ценою жизни Саян-батыра. Другую дочь — Жаухар отдал младшему сыну Абулхаира, правителю Саурана. Сорок дней продолжалось веселье в ханской ставке, после чего Бурундук отправил обеих дочерей — одну в Отрар, другую в Сауран.

За каждым шагом султана Касыма следили теперь соглядатаи Бурундука. Безоглядно раскрыв объятия лютым врагам, Бурундук продолжал негласно обвинять Касыма в измене. На разные лады обговаривали историю бегства Султан-Махмуда, речи Касыма о необходимости мира с соседями. На него же сваливали все понесенные поражения и неудачные осады туркестанских городов. Это было не ново в ханской политике того времени, да и последующих времен.

Султан Касым возмужал и научился еще лучше владеть собой. На висках у него появилась седина, и он стал как две капли воды похож на своего отца Джаныбека. Это еще больше привлекло к нему сердца людей, понявших на горьком опыте, кем был хан Джаныбек для казахов.

Однажды в юрту султана Касыма явились Каптагай-батыр и молодой Онар-батыр. Но пришли они не сами по себе, а от имени всех ведущих батыров Белой Орды. Общая сходка батыров у султана Касыма вызвала бы подозрение ханских приспешников, несмотря на то, что султан Касым по-прежнему числился главным военачальником Орды.

— Действия хана Бурундука переполнили чашу терпения казахских родов! — сказал Каптагай-батыр. — Теперь он докатился до того, что породнился с лютыми врагами, не успевшими смыть казахскую кровь со своих рук. Мы пришли к тебе, мой султан, чтобы сказать: или пусть хан вернет своих дочерей домой, или пусть уходит от нас!..

— Вы против свадьбы ханских дочерей или против мира с Мухаммедом-Шейбани? — спросил у них султан Касым.

— Не нужно нам ни то и ни другое! Хан — око народа. Стало быть, и дочери его не принадлежат ему одному. А если он хочет мира с Мухаммедом-Шейбани, то пусть тот сначала возвратит всех наших сыновей и дочерей, проданных в рабство, пусть оживит мертвых отцов и матерей!.. Если же хан Бурундук не в силах заставить своего нынешнего друга сделать это, то пусть развяжет наши руки!..

— Вы снова хотите воевать?

— Да!

— Не забыли ли вы еще, как держать пики?

— Разве не воюем мы со дня своего рождения?! Только выяснилось, что все наши жертвы были во имя того, чтобы абулхаировские последыши насладились дочерьми казахского хана!.. Кровь между нами и Абулхаировой Ордой. Мы хорошо помним самого Абулхаира и не желаем идти в услужение к его отпрыскам. На клыки Абулхаировых «барсов» хочет опереться Бурундук, чтобы переломить спину собственному народу!

— Хан не посчитается с вашим мнением.

— В таком случае и он нам не нужен. Пусть уезжает куда глаза глядят!

— Куда же ему ехать?

— Да хоть к своим родственникам!

— Вот что, батыры... Я ждал вашего прихода и отвечу с той же прямоотой. Не нужно втаптывать в грязь имя Белой Орды. Пусть ошибается хан, но не ханство. Если изгнать сейчас Бурундука за то, что отдает своих дочерей в жены врагам, то над нами же будут смеяться. А в предстоящей войне опять-таки обвинят нас. А мы не настолько сильны, чтобы пренебрегать сейчас чьим-либо мнением о себе. Нужно сделать так, чтобы Абулхаировы «барсы» сами дали повод для войны. Этого ждать уже недолго. Мухаммед-Шейбани увидел, что мы слабы и разрозненны. Степь Дешт-и-Кипчак кажется ему созревшим яблоком. Остается лишь тряхнуть яблоню, что он и попытается сделать в самое ближайшее время.

— И мы все так думаем... Слишком большая пропасть пролегла между нами и Абулхаировой Ордой — куда шире она стала, чем при самом Абулхаире. Но почему не понимает этого хан? Может быть, он и не хочет понимать?

— Может быть, — спокойно подтвердил султан Касым. — Не так-то он прост, как кажется на первый взгляд. И ваши настроения ему хорошо известны. Все надежды хана на то, что если его одного не испугаетесь, то уж вместе с новыми родственниками он наверняка разделается с вами!..

— Что же делать нам?..

— Ждать и готовиться к предстоящей войне. Чем лучше подготовимся к ней, тем вернее избежим ее!..

— Но как быть с Бурундуком?!

— Рано или поздно он выйдет из игры, которую затеял. Сами события заставят его сделать это... Лучше всего будет, если он, не дожидаясь этих событий, сам уедет куда-нибудь.

— А если не захочет он уехать?

Султан Касым лишь улыбнулся в ответ, и батыры не стали больше ни о чем его спрашивать.

Прошло еще два дня, и группа главных казахских батыров во главе с султаном Касымом прибыла в ханский аул, куда поехал отдыхать от непрерывных празднеств Бурундук. Батыры не захотели больше ждать и категорически предложили султану Касыму ехать с ними.

Бурундук рассвирепел, когда услышал требование батыров. В первую минуту он хотел было крикнуть нукеров, собрать войско и разгромить аул Касыма и прочих мятежников. Но почти все казахские батыры стояли перед ним, и он смирился. Никто в степи не осмелился бы выступить против них...

Отряды султана Касыма все время маячили в виду ханского аула, пока Бурундук собирался с отъездом. Через две недели огромный ханский караван, в котором находились семь ханских жен в сопровождении семи своих аулов и пятисот нукеров, медленно двинулся в северо-западном направлении, к Сарайчику на Жайке...

Посередине каравана с почерневшим от ярости лицом ехал Бурундук. Лишь время от времени бросал он косые взгляды на огромный мешок, который везли на отдельном верблюде, и в глазах его вспыхивали торжествующие огоньки. Хоть в одном он добился успеха...

Дело в том, что в последний год Одноглазый батыр всю свою ненависть к властителям сосредоточил на одном хане Бурундуке. И когда пошли по степи слухи об изменчивых действиях хана, джигиты Орак-батыра в течение нескольких ночей отбили и угнали большую часть ханских табунов. Одних лишь чистопородных серых в яблоках аргамаков, которыми издавна славилась степь, было захвачено около пяти тысяч голов. Все кони были розданы жителям аулов, наиболее пострадавших от набегов нового ханского родича

Мухаммеда-Шейбани. Вся степная беднота молилась о здоровье благородного батыра, а приехавших за лошадьми ханских туленгутов встречали насмешками.

Тогда везиры Бурундука подсказали ему старый испытанный прием, и однажды ночью два предателя из отряда Орак-батыра привезли хану Бурундуку захваченного и связанного во сне степного вождя. Сейчас Бурундук взял его с собой, чтобы надлежащим образом расправиться с ним подальше от людских глаз. Кругом рыскали джигиты из простонародья, разыскивали своего вождя и хан приказал положить закованного Орак-батыра в кожаный мешок.

* * *

Сыновья Джаныбека давно уже начали отмежевываться от Бурундука. С этой целью еще три года назад они остались на берегах Чу, а по осени откочевывали к старому отцовскому стойбищу на Каратале. Именно туда поехал султан Касым, и там была созвана всеказахская сходка вождей и батыров.

Предвидения султана Касыма сбывались. В короткий срок Мухаммед-Шейбани привел к прежнему повиновению тимуридов, владевших Мавераннахром, завоевал Андижан и Хорезм, подчинил Ташкент. Наступил час Белой Орды. По имевшимся у Касыма сведениям, Абулхайров «барс» собрал пятидесятитысячное войско и готовился к походу на Созак и Улытау, стремясь поначалу лишить Белую Орду всех связей с внешним миром, во всяком случае с этой стороны. Обитавший в Сарайчике Бурундук лишь формально числился ханом, и все решал теперь султан Касым. Очевидно было, что Мухаммед-Шейбани попытается сыграть именно на этих разногласиях между ханом и главным военачальником.

Вернувшись по весне на берега Чу, султан Касым дал знак собирать ополчение. Он разослал во все концы степи Дешт-и-Кипчак гонцов с призывом съезжаться под знамя Белой Орды. Лишь одну фразу говорили гонцы в каждом ауле: «Если мы не отстоим Созак и Улытау, казахи будут стерты с лица земли!» Все новые и новые отряды прибывали к султану Касыму, и вели эти отряды батыры. Забылись разногласия, взаимные обиды и неурядицы. Речь шла о жизни и смерти...

А Мухаммед-Шейбани настолько уверился в том, что Белая Орда окончательно развалилась, что решил воевать одновременно на юге и на севере. Причем сам с пятидесятитысячным войском двинулся на Хорасан и Иран, а против Белой Орды направил два отдельных войска. Новый правитель Ташкента — сын Абулхайра Суюнчик — с двадцатью тысячами лашкаров двинулся в глубь степи на Улытау, а его брат Кушкинчик, возглавивший Туркестанский вилайет, осадил с тридцатитысячным войском Созак...

Появление невиданной огромной армии Белой Орды во главе с султаном Касымом и братом его Камбар-батыром было полной неожиданностью для обеих сыновей Абулхайра. И хоть еще недостаточно обучена была эта армия, но от первого натиска ее побежали регулярные войска, состоящие из опытных, закаленных в боях лашкаров. В один и тот же день были наголову разбиты оба полководца Мухаммеда-Шейбани и больше половины их войска полегло у самых подступов к степи Дешт-и-Кипчак. Оставшиеся в живых обратились в бегство, и разрозненные отряды беглецов соединились на том самом месте, откуда выступили в поход.

А конница Белой Орды продолжала преследование через безводные пески и солончаки. Тысячи трупов гнили и разлагались под туркестанским солнцем. Мало кто из выступившего войска добрался до Ташкента. Султан Касым вынужден был удерживать батыров, желавших ворваться в Ташкент и Мавераннахр. Им по простоте душевной казалось, что эта победа решила все. А султан Касым хотел, чтобы Мухаммед-Шейбани как можно дольше оставался в Хорасане и Иране. Он понимал, что Белая Орда еще не готова к решительной схватке.

Вскоре после этих событий с негласного разрешения всеказахской сходки прикочевал с Жаика со всеми чадами и домочадцами хан Бурундук. И словно вместе с ним пришли бедствия. Неслыханный джут <Д ж у т — массовый падеж скота обрушился на степь, а особенно на казахские и киргизские кочевья Притяньшанья. Зима выдалась на редкость холодной, и многие аулы оказались в бедственном положении.

Часть аулов рода дулат не смогла, как в другие годы, выехать на джайляу к Чу и

Жуан-арыку. Скот был истощен, а вдобавок все взрослые мужчины, способные сидеть в седле и носить оружие, стояли под знаменем Белой Орды на туркестанской границе. Неясно было еще, будет ли Мухаммед-Шейбани продолжать свои завоевания в юго-западном направлении или вернется и всей своей мощью обрушится на степь Дешт-и-Кипчак...

Пока что оставшиеся дулатовцы заняли пустующие уголья вдоль реки Талас. Но в один несчастливый день мирные беззащитные аулы были разбужены громовым кличем: «Керей!.. Бурундук!.. Бурундук!..» Неизвестно откуда взявшиеся всадники хлестали направо и налево плетями, сбивали людей с ног, топтали лошаадьми. Загорелись юрты, дикие крики, вопли, стоны и плач смешались в страшную симфонию, которую так хорошо знала степь...

Это был возвратившийся Бурундук. Узнав, что на его джайляу поселились чужие аулы, он обрадовался, что сможет хоть чем-нибудь досадить казахским родам, не пожелавшим его правления. Джайляу испокон веков считались навеки закрепленными за определенными родами, аулами и семьями. Этот порядок не смел ломать никто, даже хан. Так что султан Касым не будет иметь никакой возможности защитить дулатовцев. И полный злорадства хан Бурундук во главе полутысячи туленгутов с дубинами и плетями в руках напал на беззащитные аулы.

— Я покажу, как врываться в чужое хозяйство!.. — вопил он, возвышаясь над плачущими женщинами и детьми на своем громадном коне. — Грязные собаки! Кто разрешил вам занимать мое урочище? Воры!.. Нахальная голытьба!..

— Ведь мы же казахи, ваши подданные! — умоляли его седобородые старики. — Подождите хоть до утра и не громите наши юрты! Как рассветет, мы сами уедем отсюда!..

— Немедленно вон, или всех привяжу к хвостам!.. — заорал Бурундук и принялся хлестать камчой стариков.

От него не отставали и туленгуты. Многие аксакалы были избиты до полусмерти. Давно не нюхавший крови на поле боя Бурундук получил истинное наслаждение. Всю ночь он носился по несчастным аулам, похожий на колдуна-упыря, порастерявшего своих джиннов. Еще до рассвета все жители были выгнаны в открытую степь, а юрты их разгромлены и сожжены.

* * *

Люди шли как после вражеского нашествия, неся на плечах погибших сородичей, которых не позволили даже похоронить...

Услышав о том бесчинстве, воины-дулатовцы в приступе гнева решили пустить по ветру ханские аулы. Им вызвались помочь джигиты из других родов, которые вместе с ними плечом к плечу сражались с войском Абулхаировой Орды. И только глава рода дулат отговорил их от этого:

— В ханстве живем мы, хоть и недостойный у нас хан. Не будем же повторять беззакония, потому что конца-краю им тогда не будет. Поставим в известность обо всем султана Касыма!..

Но султан Касым уже сам скакал в ханское урочище, чтобы узнать, что там произошло. Лишь несколько батыров сопровождали его. Словно заранее узнав о его приезде, встретил Бурундук султана на краю своего аула. Хан сидел, подобный гранитной глыбе, на гигантском вороном жеребце. А позади на конях — четверо ханских сыновей, похожих на балбалы вокруг каменного идола. Все они были с ног до головы закованы в броню, литые латы закрывали им грудь, руки и ноги обмотаны кольчугой. Палицы с чугунными наконечниками свисали с боков, двуострые пики торчали над головами...

В грозном молчаливом строю встретили они приближающихся батыров. Имевший даже в обычные дни устрашающий вид, Бурундук был сейчас по-настоящему страшен. Почерневшее лицо его было давно не брито, щетина торчала, как у старого камышового кабана, глаза налились кровью...

Батыры остановились на расстоянии.

— Ассалаумагалекум, Бурундук-хан! — поздоровались они, не слезая с коней.

Только сыновья едва заметно пошевелили губами, а Бурундук даже не ответил на приветствие.

— Подъезжай-ка ко мне, мой султан Касым, — прорычал он, помахивая дубиной. — У

меня есть о чем с тобой поговорить!

Вряд ли мог остаться в живых тот, кто познакомился бы с дубиной Бурундука. А от этого человека можно всего ожидать. Чтобы исполнить задуманное, он не отказался от самых гнусных преступлений. Теперь же он походил на тарантула, умирающего от собственного укуса. И казахские батыры невольно двинулись вперед, прикрывая своими телами султана Касыма.

— Прочь с дороги, подлая чернь! — заорал Бурундук, потрясая дубиной. — Не можете вы быть посредниками между ханами! Сам иди ко мне, Касым!..

Батыры невольно опешили от такого оскорбления.

— Подайтесь назад, я сам поговорю с ним! — спокойным голосом приказал султан Касым и, раздвинув батыров, подъехал к Бурундуку.

И вдруг Касым в растерянности опустил руки. Из глаз Бурундука катились слезы величиной с лесной орех. Они пробегали по почерневшему лицу и падали в пыль. Лишь однажды в детстве видел Касым плачущего от ярости черного верблюда и невольно вспомнил эту жуткую картину. Мурашки поползли у него по спине, и он невольно отшатнулся.

Но Бурундук не обратил внимания на это. Нисколько не стесняясь своих слез и даже не вытерев их, он грозно надвинулся на Касыма.

— Оказывается, ханский титул только жжет и мучает человека, если люди отвернутся от его! — заговорил он каким-то не своим, надтреснутым и охрипшим голосом. — Почему ты не сказал мне об этом раньше?

— Такие вещи словами не объяснишь! — тихо промолвил султан Касым.

— Гнев свой хотел я излить на кого-нибудь, потому и напал на мирные аулы, — продолжал Бурундук. — И не думай, я никогда не паду к ногам этой черни с повинной. Ты это лучше других знаешь, Касым. Нет лекарства от моего недуга, раз не нужен я стал родной земле!.. Смерти заслуживает мой поступок с этими людьми, но что для меня смерть?.. Никогда я не боялся ее и теперь не испугаюсь. Самое страшное наказание выбрал я для себя, и не оставлено мне другого пути. Завтра я навсегда покину родную степь...

Он помолчал, и все молчали, понимая, какое страшное возмездие постигло этого человека, который долгое время был их ханом.

— Да, так я сделаю!.. — Бурундук горько вздохнул. — Ты не победил, и я не побежден. В Самарканд поеду я к моему зятю Мухаммед-Темир-султану. Вместо того чтобы зятя заставить переехать к себе в качестве приемного «зятя-щенка», я сам еду к нему в виде принятой из милости бездомной «дворняги-тестя»... И это хан Бурундук!.. Таким едет он в Орду врага своего Абулхайра! Разве можно придумать большую пытку для человека!..

Давай на этом закончим наш разговор, Касым. Возвращайся назад со своими батырами и не вздумай только делиться сейчас со мной своим умом, иначе весь его потеряешь вместе с умной головой... Не поминай лихом, брат мой Касым!..

Круто повернув коня, Бурундук поскакал к своему аулу. Касым грустно смотрел ему вслед. Сам он был той же крови и понимал состояние Бурундука...

Только и разговоров было в степи, что о предстоящем отъезде Бурундука в Самарканд. Люди покачивали головами. Кто хвалил его за такое решение, кто упрекал, ни никого не огорчил его отъезд. Все понимали, что хан изжил сам себя.

Однако Бурундук перед отъездом все же сотворил еще одну подлость. В темную ночь его туленгуты сожгли дотла построенный некогда по его повелению город, который так и назывался — Бурундук. «Пусть не останется и памяти обо мне на этой земле!» — сказал он.

* * *

После этого Бурундук тронулся наконец в путь. Но съехавшаяся с разных сторон толпа народа не дала и шагу продвинуться его туленгутам. Степь до горизонта была заполнена людьми, и грозный рокот прокатился из конца в конец этой взволнованной толпы.

— Нашелся он... Нашелся Одноглазый батыр!

— В доме Бурундука он... На цепи его держит Бурундук и кормит из одной миски со своим волкодавом!..

— Эй, хан, освободи нашего Орак-батыра, или останутся тут лишь твои кости!..

Впервые увидел казахов в таком состоянии, султан Касым не поверил своим глазам. Не бии и аксакалы, как обычно, вели людей, а какие-то безвестные вожди из черни. Черная кость волновалась и грозно требовала возмездия самому хану. Такого еще не случалось в степи...

На взмыленном коне примчался Касым в аул Бурундука.

— Твой аул окружен людьми, Бурундук, — сказал он. — Не упорствуй!..

— Вижу стаю грязных, лохматых дворняжек, желающих попробовать волчьего мяса! — ответил Бурундук.

— Если не хочешь захрустеть у них на зубах, отпусти сейчас же Орак-батыра!

— А если не отпущу?

— Не только твой прах, но и прах близких тебе людей будет пущен по ветру. Верь мне, что бессилён я помочь тебе на этот раз!..

Бурундук заскрипел зубами и сделал знак рукой. Туленгуты откинули полог у черной закопченной юрты, стоящей на отшибе. Султан Касым невольно вздрогнул. Рядом с громадным ханским псом-волкодавом, с которым обычно ходят на тигров, свернувшись, лежал закованный в цепи громадный человек со страшно изуродованным лицом. Тут же стояла миска — одна на двоих, и валялись обгрызенные кости. Это был Одноглазый батыр — защитник народа, известный всей степи Дешт-и-Кипчак и далеко за ее пределами. Самый большой урон нанес именно он вторгшимся когда-то лашкарам Мухаммеда-Шейбани. Тысячи людей вызволил он из плена, многие аулы спас от голодной смерти...

— Уезжай! — глухо сказал султан Касым Бурундуку, и тот на этот раз не стал ничего больше говорить...

* * *

Не прошло и месяца, как вожди и старшины казахских родов подняли на белой кошме султана Касыма. Его, как и положено, омыли в молоке сорока белоснежных кобылиц и провозгласили ханом...

К весне следующего года, когда хан Касым готовил свои аулы к перекочевке на джайляу в Улытау, к нему прибыла группа жителей Сайрама во главе с посланником хакима. Они просили о принятии в подданство, потому что не могли самостоятельно оборонять город от всех желающих разграбить его в это смутное время. Так как город издавна принадлежал Белой Орде и подавляющее большинство его жителей были кровно связаны со степью, горожане решили возвратиться именно под булаву Касым-хана. Они сказали, что раньше не сделали этого только из-за боязни перед Бурундуком.

Вскоре Касым-хан с огромным войском вошел в Сайрам, город стал подчиняться ему. Касым продолжал продвижение в Северный Туркестан по направлению к Ташкенту. Завет отца своего Джаныбека, помнил он: не может существовать казахское государство без своих южных городов. Долгая и жестокая предстояла борьба, но другого выхода не было...

Прежде всего новый хан наладил отношения с соседним Моголистаном. Еще при Джаныбеке породнилась его семья с ханом Моголистана Жунусом. Один из сыновей Джаныбека был женат на дочери Жунуса, той самой отчаянной Султан, что спасла когда-то три тысячи чистокровных коней отца ценою ночи, проведенной в юрте султана Касыма. Когда муж Султан умер, по древнему казахскому закону, она перешла в дом его брата — султана Касыма. Наконец-то исполнилась ее мечта — она стала женой Касыма!

Одного не знала прекрасная Султан, что через пятнадцать лет не станет хана Касыма, она уедет в Моголистан к своим родным и вскоре будет в четвертый раз выдана замуж за ненавистного ей с детства кашгарского правителя, над которым когда-то она жестоко посмеялась за его уродство.

* * *

Роды, кочующие вдоль Чу и Таласа, признали пока хана Касыма. И по примеру своего отца он настойчиво принялся восстанавливать единую Белую Орду. Снова ко всем казахским

родам и племенам поскакали гонцы с призывом к объединению.

Тем временем события развивались своим чередом. Происходило все так, как предсказал еще Джаныбек. Покорив всю Среднюю Азию и по-прежнему не видя чересчур агрессивных действий со стороны Белой Орды, Мухаммед-Шейбани отложил дальнейшее завоевание степи Дешт-и-Кипчак и все свои помыслы устремил на Иран и прилегающие к нему страны. «Когда везет человеку, брошенный им камень катится в гору». То же происходило и с Мухаммедом-Шейбани. Одно сражение за другим выигрывал он, пока окончательно не отнял у Ирана Хорасан и Герат. Но ему все было мало, и он продолжал испытывать свое счастье. Мухаммед-Шейбани повернул свое войско к Памиру, рассчитывая легко справиться с горными, недостаточно хорошо вооруженными племенами. Но горные жители, знавшие как свои пять пальцев все тропы, оказались неуловимыми для регулярного войска. Не привыкшие к головокружительной высоте

и турьим тропам, лашкары срывались вниз и погибали на чудовищных камнях. Все пропасти были усеяны костями.

Лишь к осени выбралось войско из тысяч ущелий. Больше половины осталось в горах, и ни одной лошади не было у лашкаров. На беду пошли дожди, и великое множество людей утонуло в разлившихся реках. Сам чуть живой от тропической лихорадки, Мухаммед-Шейбани с остатками своей армии еле добрался до Хорасана...

Нет, это не было уже грозное войско, перед которым трепетала недавно вся Средняя Азия. Жалкие скелеты, качающиеся от ветра, пришли наконец в Мерв. Лашкары, при одном имени которых переставали плакать дети, превратились в беспомощное сборище оборванцев. Даже оружие побросали они по дороге, и теперь несколько женщин с кочерыжками могли бы разогнать эту армию. Понимая, что пользы от такого войска мало, Мухаммед-Шейбани распустил всех по домам, чтобы дать подкормиться. Лашкары разбились на множество мелких шаек и разбрелись по всей Средней Азии, грабя, убивая и сея смуту...

В этот момент, не без подсказки со стороны хана Касыма, и появился под стенами Мерва шах Исмаил, владетель Ирана. Ничего не оставалось делать Мухаммеду-Шейбани, как принять сражение. Вот как говорили об этом историки: «Кто заставляет пить до дна чашу шербета предсмертной агонии, тот напьется сам этой отравы... Его предсмертная чаша переливалась уже через край, птица счастья улетела с его макушки, острый кинжал его притупился, потеряв былую остроту. Сколько заставлял он пить из чаши смерти других, столько же и сам отведал!..»

В этом сражении, намного не дожив до возраста своего деда Абулхаира, погиб в поединке с молодым шахом Исмаилом хан Мухаммед-Шейбани. Что ни год вторгался он в пределы Ирана, принося неслыханные страдания его народу. Теперь шах Исмаил приказал изготовить из черепа завоевателя чашу для пиров, и, как говорят в народе, вино из этой чаши становилось слаще...

* * *

А в это время хан Касым продолжал спланировать казахские роды в единое государство и создавать регулярное войско. И хоть немало приходилось ему воевать, усиления своего ханства и его влияния в Средней Азии добился хан Касым не войнами, а умелой, сдержанной и выжидательной политикой. Продолжая дело отца, он медленно, но верно отвоевывал северотуркестанские города. Только накануне своей гибели Мухаммед-Шейбани распорядился о недопущении кочевников в степи Дешт-и-Кипчак на базары Туркестана. Тех, кто продавал им что-нибудь, ждало наказание, вплоть до лишения жизни. Так дальше продолжаться не могло.

И вот время пришло!..

* * *

День выдался ясный, солнечный. Осенний легкий ветерок шуршал пожелтевшей травой. В окружении ведущих казахских батыров всех родов и жузов стоял Касым-хан на крыльце своего дворца в Созаке.

Трехсоттысячное конное войско, на треть уже регулярное, ждало сегодня ханского знака,

чтобы двинуться на врагов, которые снова появились на границах казахского ханства: с востока и юга — войска китайского богдыхана, ойротского контайчи, тимуридов, с запада — отряды крымских, ногайлинских и прочих султанов...

Касым-хан медленно обвел взглядом выстроившиеся войска. Казалось, от одного конца степи до другого неподвижно застыли железные квадраты готовой пройти перед ханом конницы, сверкали на солнце ровные ряды стальных пик, литые щиты были заброшены за спины воинов.

И вдруг, нарушая все правила, вынесся откуда-то из синей степи небольшой отряд. Во главе его скакал огромный батыр в черном панцире. Капюшон покрывал его лицо, и только узкая щель у глаз оставалась открытой. Хан сразу узнал всадника, и лицо его озарила улыбка.

— Орак-батыр!..

— Одноглазый батыр!..

Знакомое имя прошелестело по всему войску из конца в конец. «Да, если Орак-батыр захотел принять участие в походе, то это хорошее предзнаменование, — подумал Касым-хан. — Стало быть, мое дело по душе народу!»

Так и открыл воинское шествие Орак-батыр, и, хоть не очень ровным строем проехал мимо его отряд, хан Касым и все стоявшие с ним батыры и военачальники подняли руки в воинском приветствии...

А следом уже мчались квадраты регулярной конницы. Касым-хан невольно засмотрелся на юного батыра в зеркальном серебряном панцире на молочно-белом аргамаче во главе одной из тысяч.

— Кто этой? — спросил он у стоящего рядом батыра.

Тот улыбнулся.

— Разве так давно не видели вы своего сына Хакназара, мой повелитель-хан?

Ни слова не промолвил Касым-хан, только в глазах его загорелся едва заметный огонек. Он словно предвидел будущее.

* * *

В течение восьмидесяти лет сражались казахские ханы за города Северного Туркестана. И только что проскакавший мимо юноша — будущий хан Хакназар — освободит полностью северотуркестанский вилайет и перенесет свою ставку в Яссы. При нем произойдет окончательное размежевание казахской степи на три жуза и воссоединение их в едином ханстве с киргизами...

— Будь здоров, мой сын! — тихо прошептал хан Касым и оглянулся: не слышал ли кто невольно вырвавшихся слов.

Шли и шли на рысях мимо него грозные конные тысячи, по команде выхватывали сабли из ножен в положенном приветствии, а хан Касым думал о судьбе казахской степи. Чего только не видела она, каких потрясений не пережила за свою многовековую историю! Кажется, не было на земле завоевателей, которые не прошли бы по ней огнем и мечом. Но, как примятая копытами трава, снова расправлялся и оживал народ. Да, покуда корни в родной земле, не вырвать, не вытоптать его. Снова и снова оживет он!..

Касым-хан повернул голову к своему майсары — Онай-батыру.

— На что похож этот народ? — спросил он, указывая на летящих мимо всадников. Склонив копыя, мчались они, словно буря, и от сотен тысяч копыт дрожала земля под ногами. — На заговоренный меч похожи они... Помнишь об этом мече, который крепче алмаза?

— В чьи руки отдался он, тот и победит! — ответил Онай-батыр словами из древнего сказания, и умные глаза его сверкнули. — В умении держать его заключается тайна. И еще в том, против кого вынимается из ножен алмазный меч!..

Касым-хан кивнул головой:

— Это правда... Трудно, очень трудно сражаться с таким мечом в руке... Будешь непрерывно бить по камню — даже он затупится. Не вынимай все время из вражьей крови — станет резать в ослеплении правых и виновных... Да, не всякому дано пользоваться этим

мечом... Но тот, кто им владеет честно, — выстоит против любого врага!